

Евгеній Мазепинъ.

I.

ТОРГОВЦЫ.

РАЗСКАЗЪ.

Издание А. Б.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Ф. Вайсберга и П. Горманина, Екатерининскій квартал. № 71—6.

1905.

Дополнено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Декабря 1904 г.

ТОРГОВЦЫ.

РАЗСКАЗЪ.

— Не дѣломъ ты, парень, занимаешься, говорилъ осанистый старикъ Степанъ своему зятю Ивану Синюшину, сидя у него въ черной съ узкими окнами избѣ.—Ты вотъ теперь еще самъ другъ съ бабой—то ничего, можно осенью и зимой, отъ бездѣлья и охотой промышлять: все-таки она къ хозяйству подспорье; но тебѣ надо ждать, что ты будешь самъ третій, а можетъ быть и самъ десятый. Тогда съ охотой-то, да съ такой обузой ты вѣдь сѣрымъ волкомъ завоешь,—то, пока еще время не ушло и нужда не затянула тебя въ свои лапы, берись за умъ: придумай себѣ болѣе полезное и хлѣбное дѣло.

— Да чѣмъ, батюшка, заняться-то? Посовѣтуй мнѣ: ты долѣе жилъ на бѣломъ свѣтѣ, то поопытнѣе меня,—сказалъ молодой плотный зять.

— Вотъ къ примѣру сказать: чужіе купцы изъ-подъ нашего носу таскаютъ деньги, а мы на это смотримъ, раскрывши свой ротъ. Въ нашей сторонѣ вѣдь не приходится жить однимъ хлѣбомъ: его едва-едва и то не у всѣхъ хватаетъ для семьи на круглый годъ, а главное подспорье къ хозяйству есть лѣсъ. До Новаго года надо уплатить всѣ подати, а деньги изъ лѣсу можно выручать только весною, при сливѣ его водою. Поэтому, осенью, по неимѣнію наживы, каждая кошѣйка дороже двухъ весеннихъ: подати не ждутъ денегъ—ихъ гдѣ хошь возьми, да къ сроку ихъ подай; хоть послѣднюю коровенку продай, да ихъ заплати.

Этимъ-то и пользуются пріїзжіе куицы: они и обираютъ нации денежки. Осенью, когда деньги очень нужны на подати и другіе расходы, они по дешевой цѣнѣ приторгуютъ у мужиковъ лѣсъ и дадутъ третью или половину денегъ въ задатокъ. Чапи мужики конечно рады, что на время они могутъ пзвериуться и охотно запродаютъ имъ лѣсъ. Весною куицы выдаютъ остатыя деньги, а сами тотчасъ же перепродаютъ лѣсъ въ другія руки, наживая на томъ большія деньги. Вотъ бы и тебѣ заняться этимъ дѣломъ.

— Мое-то дѣло непривычное—опасно приняться за него: того смотри, что и свои деньжонки съ торговлей-то и стрясешь.

— Если треску бояться, то и въ лѣсъ не ходить,—замѣтилъ тестъ.—Однако куицы-то десятки лѣтъ занимаются торговлей, и не только деньги проживаютъ, но сами кормятся, да еще въ свой кошелекъ не мало денегъ приколачиваютъ.

— Да у меня, батюшка, денегъ-то больно немного—какихъ-нибудь рублей полтораста; вѣдь на нихъ трудно будетъ заводить торговлю.

— Надо спачала малымъ довольствоваться, тогда и большое получишь.

Если ни за что не будешь прииматься, то, сидя на мѣстѣ, ничего не высидишь. Надо по сложа руки сидѣть, а постоянно побольше думать, какъ получше жить, да побольше работать—тогда и не вазпаешь ты нужды. Мы какъ не раскидываемъ далеко умомъ, то нерѣдко въ нуждѣ живемъ; а она какъ заберется къ тебѣ, то не скоро ее выживешь. Когда же позаиравишься, то дѣло какъ по маслу катится: самому въ леготу—не изнуришь себя на работѣ, да и нужда близко не подойдетъ къ тебѣ.

— Не знаю ужъ что тебѣ и сказать... Вѣдь поди при этомъ дѣлѣ много расходовъ будетъ, какія деньги наживешь, то всѣ они при дѣлѣ между руками и уйдутъ.

— Расходы-то будуть, словь не говоря, но и расходы расходамъ рознь. Можно въ городѣ, когда приѣдешь туда за товаромъ, прожить въ день двадцать копѣекъ, а если пустишь пошире, да съ водочкой станешь знакомиться, то тебѣ и рубля не хватитъ, а тамъ лишній рубль проживешь, да въ другомъ мѣстѣ онъ зря улетитъ, то и не вѣдаешь какъ у тебя красненькая ионаирасну разойдется; смотришь — ее ужъ у тебя въ карманѣ нѣтъ, да и красненькая за собой ужъ наживы не волочеть, потому что денежка къ денежкѣ и ложится: вѣдь при торговлѣ безъ денежки ничего не сдѣлаешь, а какъ дѣла нѣтъ, то у тебя и наживы нѣтъ.

Ты живи скромненько, да умнѣйко, то и не зазнаешь никакой нужды; она близко къ тебѣ даже не подойдетъ, а за полверсты убѣжитъ.

Если мы иногда и бѣдствуемъ, то больше отъ себя, потому что жить не умѣемъ. Все ладио, да хорошо, то ничего-еще мы изо-дня въ день и летимся по-маленьку; но вѣдь вѣкъ то прожить не то, что поле перейти: жизнь-то не все для нась бываетъ матерью, а иногда лихой мачихой. Тогда мы нередъ пей и корчимъ дурака: вмѣсто того, чтобы при плохихъ дѣлахъ по одежкѣ намъ и протягивать ножки, вмѣсто того, чтобы по доходамъ и вести расходъ — то мы этого не понимаемъ; даромъ, что въ иной годъ не заработаемъ и половины прошлаго года, а расходы не сокращаемъ. Смотришь — и прожились. Если бы поумнѣе жили, то, пропустивъ съ расчетомъ тяжелое время, перемоглись бы и зажили по старому; иногда мы такъ прямо и лѣземъ въ лапы нужды, а какъ она, „сердепиная“, тебя забереть въ свои когти — до смерти отъ нея и не выберешься.

— Правду, истинную правду ты, батюшка, толкуешь: вся нужда къ намъ приходитъ отъ самихъ же нась, но никто нась не научить какъ жить.

— Можно бы намъ научиться жить, да только никто не хочетъ во время взяться за умъ. Когда молодъ и живешь

въ довольствѣ, то думаешь, что я не меньше другихъ знаю, а когда состарѣешься или впадешь въ нужду, то тогда хотя и знаешь какъ жить, но уже ученѣе ни къ чему: молодые здоровые годы не воротишь, да и потерянное имѣніе ужъ не найдешь... И терпи молча горькую нужду.

— Не спорю я съ тобой — торговля дѣло хорошее, но только я не знаю, какъ и начать-то ее.

— Очень просто. Вотъ—у насъ всю тѣрловлю мелочнымъ товаромъ производить кунецъ Мысовъ черезъ своего приказчика, которому онъ платить немалое жалованіе, и то находить себѣ пользу, да еще вдобавокъ ему что нибудь стоять доставка товара черезъ чужія руки. Тебѣ же не надо нанимать приказчика—самъ управляйся, да и въ городѣ за товаромъ можешьѣздить самъ на своей лошади: расходъ-то по торговлѣ у тебя и будутъ пустяки; что ни продашь — отъ того тебѣ прямая польза. Да если ты займешься лѣсомъ, то деньги за него будутъ забирать и товаромъ: отъ товару получишь пользу, да и отъ лѣсу будуть барышни.

— У меня товаръ-то валить некуда: никакого помѣщенія подъ него нѣтъ.

— Помѣщеніе добыть не трудно — все это можно сдѣлать своими руками: лѣсу у насъ довольно — ты самъ можешь нарубить и навозить его; поставить амбаръ я тебѣ подсоблю; вдвоемъ-то мы его живо выстроимъ.

И дѣла ты далеко не откладывай: нынѣшию зимою навози лѣсу — лѣто-то онъ пусть сохнетъ, а осенью въ свободное время поставь амбаръ, и въ добрый часъ начинай торговлю.

Да какъ будешь торговать, то больно не зарывайся: не гонись за большой наживой, а бери за товаръ пользы такъ, чтобы тебѣ было за труды, да и покупателямъ было необходимо платить за товаръ деньги. Тогда барышу у тебя будетъ больше: покупателей прибудетъ, то и товару пойдетъ больше; при хоропшемъ его расходѣ, хотя пользу отъ

каждаго покупателя ты получиши ровноенькую, а отъ всѣхъ, то, смотришь, у тебя и хорошая прибыль составится.

Какъ станешь дратъ лишнія деньги за каждый пустякъ, то отучишь покупателей, а безъ нихъ-то торговцу не нажива.

Еще я тебѣ скажу: не раскидывайся торговлей широко, веди ее по своему карману, торговай всегда на наличныя денежки, а то мало будетъ проку въ торговлѣ. Какъ въ долгъ-то ты станешь братъ въ лавкѣ товару, то съ тебя возьмутъ лишнія денежки, да еще и дадутъ тебѣ худого товару; тебѣ волей-неволей придется за дорогую цѣну братъ худой товаръ; за наличныя же денежки покупать любо-дорого: не понравился товаръ въ одной лавкѣ, или дорого за него просятъ, то можно идти и въ другую—тогда ты самъ себѣ хозяинъ,—гдѣ хочешь, тамъ и покупаешь, что получше—то и выбираешь; тогда не ты кунцамъ кланяешься, выирашивая у нихъ въ долгъ товару, за который послѣ придется платить имъ въ срокъ денежки, а они будутъ тебѣ кланяться и просить, чтобы купилъ у нихъ товару, такъ какъ они тогда видятъ отъ тебя прямую пользу: они на руки получаютъ денежки, да и наживаютъ еще на товаръ. Прямо дѣло—ты имъ полезный человѣкъ, то они тебя и уважаютъ.

Ну, затягнешься тамъ и по нуждѣ придется братъ тебѣ товаръ въ долгъ, то слово свое помни: какъ разъ сказалъ, въ которое время ты можешь уплатить деньги, то слово свое держи, къ сроку деньги принаси и съ почтеніемъ ихъ хозяину отдай—онъ и на другой разъ тебя при нуждѣ не оставить—ссудить товаромъ; если изъ вѣры выйдешь, то тебѣ въ долгъ ни на грошъ не повѣрять; а вѣдь иногда бываетъ со всякимъ, что во время кошѣйка дороже рубля, да какъ и взять ее еще негдѣ, то, особенно при торговлѣ, совсѣмъ бѣда. Если и по себѣ судить, то слово свое не держать—худо. Такъ къ примѣру сказать: ты вотъ сегодня

объщалъ отдать долгъ своему ссужателю, потому что думалъ сегодня получить долгъ со своего должника, который, должая, увѣрилъ тебя, что деньги онъ къ сроку уплатить; но слова своего онъ не сдержалъ, обманулъ тебя, и тебѣ приходится волей-не-волей не сдержать свое слово и остаться обманщикомъ. А любо ли тебѣ это?

— Кому то любо: всякий разсчитываетъ получить долгъ во время, чтобы деньги употребить на дѣло; а тутъ его обманываютъ.

— Вотъ торговцы-то на это дѣло смотрятъ иначе: они иногда считаютъ ни-во-что обмануть человѣка; у нихъ даже есть на то и пословица: „не обманешь, не продашь“; но я тебѣ не совѣтую ее слушаться.

Ну, разъ, два, много три, ты кого обманешь и сорвешь съ него лишній барышъ, но онъ потомъ все-таки догадается, что ты его провелъ... и къ тебѣ въ лавку даже не заглянетъ. Тотъ перестанетъ ходить, да другой, смотришь и придется „стерегчи“ одну лавку, а это не дѣло.

Да и все, что вертится — не долго служить, что-то скоро портится, ломается, даже совсѣмъ уничтожается, а все, что спокойно движется и идетъ прямо, служить долѣе, вѣрнѣе идетъ впередъ и скорѣе приводить къ цѣли.

— Какъ я примусь за торговлю, то буду жить все по твоему совѣту.

— Если меня послушаешься, то жалѣть не станешь; какъ и умру — не скажешь, что „на проводѣ“ научилъ тебѣ, а помянешь меня добрымъ словомъ.

— И всегда-то ты мнѣ добра желалъ, то и теперь ен худу учишь меня, да я тебѣ и не чужой — вѣдь родная твоя дочь за мнай; а своей дочери, я мыслю, не будешь желать худа.

Вотъ и на счетъ торговли-то что ты сказалъ, тебѣ большое спасибо. Я ранѣе и самъ всячески раскидывалъ умомъ — придумывалъ чѣмъ-бы заняться, потому что отъ одной земли

больно трудно съ семьей жить; но ничего не могъ придумать. А ты мнѣ ровно глаза открылъ; я теперь самъ удивляюсь, какъ это мнѣ самому не могло сбрести на умъ: кажется, дѣло такъ просто, а я не могъ догадаться.

Вѣрно рѣчи стариковъ намъ никогда не мѣшаеть слушать; а когда мы толкомъ выслушиваемъ ихъ и если онѣ полезны, то сами согласны съ ними будемъ, что старики иногда говорятъ правду, что и добру учать насть.

— Если ты такъ будешь жить — ко всему присматриваться, ко всему прислушиваться, откидывая въ сторону все ненужное и принимая къ свѣдѣнію все полезное, будешь постоянно трудиться, а не лѣниться, то никогда не пропадешь, потому что никакой полезный трудъ не приносить человѣку вреда, а всегда вносить въ его домъ довольство, спокойствіе и счастье.

Время стало позднее. Хозяева съ гостемъ поужинали капусты, крупыныхъ щей и картошки съ ностнымъ масломъ. Хозяйка принесла въ избу нопу соломы, разостлала ее по полу, положила подъ головы мѣшочки съ мякиной, накрыла холстинныя одѣяла, и всѣ, помолившись Богу, улеглись спать.

II.

Черезъ полгода къ дому Синюшина прлмыкалъ новенький амбаръ трехъ сажень длины и трехъ ширинъ, съ деревяннымъ, въ родѣ ящика, буфетомъ и съ широкими по стѣнамъ полками.

Около Рождества Синюшинъ запрягъ свою лошадку въ розвальни, наложилъ въ нихъ довольно сѣна и овса, вынулъ изъ сундука скопленные тяжелыми трудами деньги сто пятьдесят рублей, взялъ мѣшочекъ съ теплыми пирогами, и, помолившись Богу, побѣхалъ за товаромъ въ городъ, находившійся отъ него въ ста двадцати верстахъ.

Дорогою онъ останавливался на постоянныхъ дворахъ, уплачивая по пятаку за ночлегъ въ общей избѣ.

По приѣздѣ въ городъ, онъ досталъ изъ казначейства права на мелочной торговъ и отправился по лавкамъ смотрѣть товаръ и примѣняться къ цѣнамъ. Обойдя почти всѣхъ торговцевъ, и, смекнувшись, въ которой продаютъ товаръ хорошій и походище, онъ, пробуя муку и что возможно, чтобы не ошибиться въ товарѣ, и выторговывая каждую копѣйку, купилъ муки, соли, чаю, сахару, табаку, синичекъ, бумаги, кренделей, посуды и пр., что болѣе всего необходимо въ деревнѣ,—нагрузилъ товаромъ полный возъ, укрылъ его тщательно рогожами и покатилъ домой.

Несмотря, что въ дорогѣ пришлось пробыть съ недѣлю, онъ издержалъ всего-на-всего рубль тридцать копѣекъ: него расходу было только на ночлегъ и на кинятокъ для своего чая, а питался онъ своими пирогами, взятыми изъ дома; лошади же хватило своего сѣна и овса.

Разложивъ товаръ по полкамъ, Синюшинъ съ Нового года открылъ лавочку. Торговалъ онъ самъ, а если ему было некогда, то его жена. Въ деревнѣ торговля производится временно и покупатели свои же мѣстные жители, которые въ случаѣ надобности придутъ къ хозяину на домъ, то торговцамъ совсѣмъ не для чего постоянно торчать въ лавкѣ,—поэтому у Синюшина свободнаго времени было достаточно, тѣмъ болѣе, что его при всякомъ удобномъ случаѣ замѣняла жена, которая была, хотя неграмотная, но смышленная и шустрая женщина. Да и покупатели—народъ все свой, простой, нечего думать, что обманутъ, то по домашнему велась съ ними и торговля.

Въ свободное время Синюшинъ исправлялъ свое домашнее хозяйство, которое шло своимъ чередомъ, такъ что торговля не приносila ему никакого ущерба въ хозяйствѣ и не требовала отъ него никакихъ лишнихъ расходовъ, почему онъ могъ продавать товаръ гораздо сходнѣе, чѣмъ Мымовъ,

державшій приказчика. Всѣ иокупатели отъ Мымова перешли къ нему, такъ что Мымову не стало расчета вести торговлю, и пришлось лавочку закрыть.

Такъ Синюшинъ торговалъ года три и всѣ, нажитыя отъ торговли деньги, пускаль въ оборотъ. Покупатели съ каждымъ днемъ прибывали и прибывали, съ ними прибывалъ и сирость на самый разнообразный товаръ. Хотя для покупки всего товара, на который имѣлось требование, сначала у него не хватало своихъ денегъ, но ему продавцы стали вѣрить и отпускать въ долгъ товаръ. Вносясь дствіи, при покупкѣ, онъ уже на нѣсколькихъ подводахъ отправлялъ товаръ домой.

Небольшая его лавка была вся загромождена товаромъ. По эту сторону буфета находились мѣшки съ мукой, со шленомъ, кулье съ солью, бочка съ керосиномъ, бочка съ треской, ящики съ гвоздями, веревки,—надъ буфетомъ висѣли на веревкахъ вѣсы съ деревянными скалками,—за буфетомъ на полкахъ разложенъ чай, сахаръ, мыло, свѣчи, снички, чашки, стаканы, рюмки,—подъ иотолкомъ висѣли связки кренделей, замковъ и рукавицъ.

Выручка хранилась въ деревянномъ ящичкѣ, стоявшемъ у задней стѣны на полкѣ.

Осень. Воскресенье. Послѣ обѣдни Синюшинъ стоитъ за прилавкомъ. Покупатели въ грудѣ жмутся другъ возлѣ друга. Первymi къ буфету стояли покупатели на наличные деньги, а позади ихъ робко жались будущіе должники.

— Ты, Иванъ, берешь яица?—обращается къ хозяину изжилая баба.

— Какъ же, беру.

— Такъ я принесла десятокъ—ты сколько „даси“ за него?

— Семь копѣекъ.

— Что ужъ больно дешево сулишь? Положи восемь копѣекъ.

— Тебѣ какъ: деньгами или товаромъ за нихъ нужно дать?

— Все я у тебя товаромъ заберу.

— Когда ладно. Давай сюда яица и бери на восемь копѣекъ товару.

Баба купила фунтъ трески и коробокъ спичекъ.

— Почемъ овесь берешь,—спрашиваетъ хозяина мужичекъ.

— Тридцать пять копѣекъ за пудъ.

— Ты ужъ мнѣ двѣ то копѣчки прибавь.

— Сколько у тебя.

— Да нуда съ два будешь. Я у тебя на всѣ деньги товаромъ заберу.

— Клади на вѣсы—сейчасъ свѣши... Одинъ пудъ тридцать фунтовъ... Мѣсяцъ полтора фунта. Выходить овса: одинъ пудъ двадцать восемь съ половиной фунтовъ. Тебѣ слѣдуетъ за овесь: за пудъ—тридцать сѣмь копѣекъ,—кладя на счеты, говорилъ хозяинъ,—за полпуда—восемнадцать и за восемь съ половиной фунтовъ—восемь копѣекъ, и всего шестьдесятъ три копѣйки. Говори, чего тебѣ надо?

— Восьмушку чаю, фунтъ сахару, фунтъ кренделей, четверку табаку, на двѣ копѣйки бумаги... Сосчитай сколько это будетъ?

— За чай—двадцать три, за сахаръ—девятнадцать, за крендели—десять, за табакъ—шесть, за бумагу двѣ копѣйки—оно выходитъ всего шестьдесятъ копеекъ. Тебѣ еще остается дополучить три копѣйки.

— Давай на нихъ три коробка спичекъ.

Раздѣлавшись съ этимъ покупателемъ, хозяинъ обращается къ бабѣ:

— Тебѣ чего?

— Вотъ я принесла немнога сушеныхъ бѣлыхъ грибовъ, да соленыхъ рыжиковъ. Ты ихъ возьми у меня.

— Кажи ихъ.

Осмотрѣвъ внимательно грибы и попробовавъ рыжики, хозяинъ предложилъ бабѣ: за грибы — пятнадцать, а за рыжики десять копѣекъ за фунтъ.

— Что ужъ дѣлать,—сказала баба—какая цѣна есть, то бери по ней: хоть дешево дашь, да деньги миѣ надобны, то приходится отдавать и за то, что судишь.

Получивъ деньги за фунтъ съ четвертью грибовъ и за два съ половиною рыжиконъ, баба поспѣлась домой.

Еще Синюшинъ купилъ на товаръ полпуда ржи за пять-десять пять копѣекъ и фунтъ коровьяго масла за шестнадцать копѣекъ.

Затѣмъ стали подходить безденежные покупатели.

— Мнѣ, Иванъ, не одолжишь ли товару рубля на три, —робко спросилъ бѣдно одѣтый мужичекъ.

— Когда заплатишь?

— На Михайловъ день отдамъ: тогда я продамъ корову, то долгъ тебѣ съ почтеніемъ принесу.

— Ладно, бери.

Мужичекъ набралъ товару и говорить:

— Ты запиши: надо „опосля“ не забыть, сколько я тебѣ долженъ.

— Какъ же, запишу.

— О деньгахъ ты не беспокойся. Будь въ надеждѣ, что я тебѣ на Михайловъ день принесу.

— И мнѣ бы надо въ долгъ товару рубля на полтора, то ты одолжи,—обращается слѣдующій покупатель.

— А ты когда уплатишь?

— Вотъ, какъ Богъ ластъ снѣжку, я поражусь на вывозку лѣса и тебѣ къ Рождеству весь долгъ отдамъ.

— Что ужъ съ тобой дѣлать—бери.

Мужикъ купленный товаръ забралъ въ полу своего полу-шубка и покатилъ домой.

— Въ долгъ не дашь ли товару на сорокъ копѣекъ,—

просить баба.—Деньги я тебе скоро отдамъ: какъ ленъ продамъ, такъ тебе и долгъ уплачу.

— Говори, тебе чего?

Баба набрала товару и сказала:

— Ты не безнокойся, я тебе деньги скоро уплачу: не извѣрюсь въ своемъ словѣ.

— Ну, чего тутъ зря толковать: не въ первый разъ должнаешь у меня, и никогда еще не обманывала, а всегда вѣрила была.

Такъ на одно только слово Синюшинъ распускалъ товару своимъ мужикамъ и бабамъ рублей на пятьсотъ, записывая карандашемъ лишь для памяти въ свою книжку, кто сколько долженъ. И у него въ теченіе пяти лѣтъ его торговли почти не бывало ни одного случая, чтобы кто отказался отъ долга и чтобы кто, если была хоть какая нибудь возможность, не уплатилъ бы сроку денегъ.

Рожь и овесь Синюшинъ складывалъ въ другой амбаръ и оставлялъ до весны; часть хлѣба покупали у него на сѣмена тѣ же мужички, уплачивая нерѣдко за овесь по семидесяти, а за рожь по восьмидесяти копѣекъ, а оставшую—отиравлялъ на суднѣ въ городъ. Яица, масло, грибы, рыжики возилъ тоже въ городъ, гдѣ бралъ за яица по одиннадцати рублей за тысячу, за масло отъ восьми до девяти рублей за нудь; а на рыжикахъ и грибахъ наживалъ иногда копѣйку на копѣйку.

Такъ какъ этотъ товаръ у него везли извозчики, отправленные имъ за товаромъ для лавки, почему и за проѣзжъ по пути брали пустяки, то расходовъ у него было мало, такъ что вся польза отъ продажи почти цѣликомъ попадала ему въ карманъ.

Вскорѣ около своего дома онъ открылъ винную лавку, которая, при неимѣніи въ мѣстности другихъ торговцевъ, давала ему прекрасный доходъ: какую цѣну онъ хотѣлъ, такую за вино и назначалъ; а иногда соблазнялся, вино

разводилъ водой — и вода уходила у него по дорогой цѣнѣ.

Въ это время у Синюшина прибыло трое ребятишекъ: два сына — Семенъ и Петръ, дочь Аниа, къ которой приставлена молоденькая нянька, лѣтъ четырнадцати, пораженная изъ-за хлѣба, одежды и шести рублей въ годъ. Въ образѣ домашней жизни у него не произошло никакихъ перемѣнъ.

Попрежнему онъ самъ обрабатывалъ землю: хотя нанять на обработку онъ виолѣтъ теперь могъ, но, онъ, какъ опытный хозяинъ, хорошо зналъ, что при обработкѣ земли чужими руками, не мало не доростетъ хлѣба, поэтому не довѣрялъ земли ни какому пахарю. Жена сама мыла полы, стирала, исполняла вмѣстѣ съ мужемъ домашнюю и нелѣвую работу.

Одѣвались же они просто: зимою — онъ и она въ дубленые овчинные полушубки и казнатики, ребятишки же по лѣтамъ въ однѣхъ рубашонкахъ, босые, съ неокрытыми головами бѣгали цѣлые дни на волѣ.

Кромѣ праздниковъ Ильина и зимняго Николина дня, вина въ домѣ никогда не водилось.

При такой скромной жизни торговля давала Синюшину прекрасный доходъ, такъ что къ концу десятаго года его торговли, онъ насчитывалъ кромѣ товара находившагося въ лавкѣ, наличныхъ денегъ тысячъ до трехъ.

III.

Изба Синюшина стала приходить въ ветхость. Если бы онъ не занимался торговлей, то прожилъ бы въ ней еще годовъ съ семь, но теперь ему не захотѣлось тѣспиться въ черной старой избѣ, тѣмъ болѣе, что у него бывало много знакомаго хорошаго народу, котораго принимать къ себѣ въ гости въ такой лачугѣ, ему было не совсѣмъ удобно, а

средства ему позволяли, безъ всякаго ущерба въ торговлѣ, выстроить новый домъ.

Онъ исподвольно накупилъ по дешевой цѣнѣ лѣсу, по-рядиль сходно илотниковъ... и черезъ годъ уже стоялъ вмѣсто стараго, новый, большой, двухъ этажный, пять оконъ по лицу домъ, стоявшій ему со всей отдѣлкой восемьсотъ рублей. Мебель была самая простая, деревянная, окрашенная въ красную краску и сдѣланная своимъ столяромъ, который работалъ ее очень дешево: такъ, за довольно прочный стулъ бралъ только тридцать копѣекъ.

Большую часть года Синюшинъ жилъ въ низу, гдѣ были четыре комнатки съ единственнымъ входомъ черезъ кухню, рядомъ съ которой находилась небольшая прихожая, а изъ нея—однѣ двери вели въ чистую переднюю комнату, а другія—въ спальню. Въ верхъ же хозяинъ перебирался весною, когда наступало тепло, а осенью, при первыхъ морозахъ переходилъ въ низъ: хотя дрова были и очень дешевы, но Синюшинъ считалъ совсѣмъ лишней тратой отапливать зимою цѣлый домъ.

Въ новомъ домѣ онъ завелъ себѣ суконную на борахъ овчинную поддевку суконное безъ талы пальто, а женѣ теплую шерстянную шаль и суконное простое пальто.

Для дѣятельнаго Синюшина показалась тѣсна торговля однимъ мелочнымъ товаромъ, тѣмъ болѣе, что теперь были свободныя деньги, которыя оставлять безъ движенія онъ не любилъ. Отъ его проницательнаго взгляда не ускользнуло и то, что лѣсное дѣло приноситъ торговцамъ хороший доходъ, и онъ, не долго думая, рѣшилъ скупить для перепродажи лѣсъ.

Осенью, когда мужикамъ нужны деньги на подати и мелочной товаръ для мѣстныхъ ираздниковъ, которые большою частью иринаровлены осенью, какъ болѣе въ свободное время, Синюшинъ приторговывалъ у нихъ дешевой пѣнистой лѣсъ; такъ напримѣръ онъ платилъ за еловыя бревна

10 аршинъ длины и 5 вер. толщины—25 к. и 6 в.—35 к. за дерево, съ тѣмъ, чтобы лѣсъ принялъ весною на берегу рѣки, чтобы онъ былъ хорошаго качества и чтобы каждый хозяинъ силявилъ свой лѣсъ въ городъ, находившійся при устьѣ рѣки, при которой стояла деревня Доръ, гдѣ жилъ Синюшинъ.

Въ задатокъ онъ выдавалъ обыкновенно третью часть денегъ и рѣдко половину, а остальныя деньги мужики забирали почти однимъ товаромъ, такъ что и здѣсь Синюшинъ видѣлъ не малую пользу. Болѣе зажиточные мужики уплату денегъ ему разсрочивали даже до продажи лѣса, почему онъ сразу широко повелъ лѣсное дѣло, которое съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе его обогащало, давая ему нерѣдко доходу на капиталъ но пятидесяти и болѣе процентовъ.

И всѣ-то лѣсопромышленники на заготовкахъ лѣса наживали хорошія деньги, то и старались каждый годъ скупить какъ можно болѣе лѣса, какъ позволялъ ихъ капиталъ и сколько могли захватить ихъ руки, мужики же въ свою очередь на нужду старались какъ можно болѣе заработать денегъ, ни во что ставили, при избыткѣ, лѣсъ, растущій въ ихъ дачахъ, цѣнили только одинъ свой трудъ, почему, вырубая только болѣе цѣнныя матеріалы, самымъ безпощаднымъ хищническимъ образомъ, при выборочной рубкѣ уничтожали свое сокровище—лѣсъ.

Просто у меня обливалось сердце кровью, когда я, проѣзжая черезъ мѣста, гдѣ производилась заготовка лѣса, видѣлъ, сколько бѣзполезно, сколько напрасно гибнетъ у насъ богатства единственно лишь потому, что наши мужики еще настолько темны, что не могутъ подумать о завтрашнемъ днѣ и разсчитать, какъ бы не хуже прожить этотъ день, чтобы сами они и дѣти не видали но ихъ неразумной жизни въ бѣдствіе.

Насколько я могу, постараюсь представить читателямъ,

для примѣра картину истребленія нашихъ лѣсовъ при заготовкѣ лѣса изъ огромной дачи въ нѣсколько тысячъ десятинъ.

Въ зимнее время мужики запрягаютъ свои лошадки въ дровни, накладываютъ на нихъ возъ сѣна, надстегиваютъ сзади подсанки и отиравляются на заготовку лѣса, верстъ двадцать отъ жилья, набиваются въ сколоченные на скорую руку избушки, и принимаются за вырубку лѣса.

Далеко еще до свѣту они забираются въ лѣсъ. Высмотрѣвъ мѣстечко съ болѣе толстыми деревьями, мужики сначала къ нему приготовляютъ дорогу; для этого расчищаютъ отъ лѣса проѣздъ, уничтожая все, находящееся, по вновь пролагаемой дорогѣ, при этомъ большая часть лѣса сваливается въ сторону и остается на мѣстѣ безъ всякаго употребленія.

Приготовивъ дорогу, они приступаютъ къ самой заготовкѣ лѣса. Подрубаютъ подъ корень деревья, нерѣдко въ обхватъ толщины, которыя, падая, ломаютъ все, попадающееся имъ на пути: вершины елей, сосенъ ломаются, тонкія березы, если не совсѣмъ ломаются, то сгибаются въ дугу, сучья болѣе толстыхъ деревъ обрушаиваются,—и полоса паденія срубленного дерева, представляеть картину какъ-будто съ цѣлью придуманнаго опустошенія мѣста, ростившаго спокойно болѣе чѣмъ полстолѣтія свое дѣтище—лѣсъ.

Срубленное дерево очищаютъ отъ сучьевъ, отрубаютъ отъ него вершину, оскабливаютъ кору, и уже полученное бревно наваливаютъ на дровни и везутъ на свалку лѣса, устраиваемую обыкновенно на берегу рѣки. Вершина, изъ изъ которой часто вышло бы бревно четырехъ и пяти вершковъ толщины, остается на мѣстѣ и вмѣстѣ со своими братьями—сучьями безполезно сгниваетъ на своей родинѣ.

И на заготовкахъ лѣса у насъ гибнутъ цѣлые богатства лѣса безъ всякаго употребленія, тогда какъ въ безлѣсныхъ

губерніяхъ имѣется въ немъ громадная нужда,—и этотъ валежникъ, присоединяя къ нему огромное количество буреломника, всегда бесполезно сгнивающаго, составилъ бы, при умѣломъ веденіи лѣсного хозяйства и при хорошемъ бы состояніи сухопутныхъ и водныхъ дорогъ, огромную пользу какъ для мѣстныхъ, такъ и для нуждающихся безлѣсныхъ жителей. Теперь же у насъ это богатство безвозвратно гибнетъ.

Смѣтливый и хозяйственный Синюшинъ видѣлъ, что никакое богатство не крѣпко, не устойчиво, не сохраняетъ свою силу, если отъ него отрывать всевозможные куски и въ то же время не поддерживать его силы,—то оно, какъ и всякий матеріалъ и всякая вещь отъ разрушенія уничтожается, и ходъ разрушенія зависитъ отъ того, насколько быстро отрываются отъ богатства куски и на сколько велики эти куски. Такъ и лѣсъ—при безумномъ хищническомъ его истребленіи, несоразмѣрно съ ростомъ, долженъ самъ собою со временемъ мало-но-малу уничтожаться, количество его становится все менѣе и менѣе, а спросъ же на лѣсной матеріалъ съ каждымъ годомъ увеличивается все болѣе и болѣе,—то впослѣдствіи—конечно, это не за горами, а у насъ за плечами—лѣсной матеріалъ, при усиленномъ спросѣ и при затруднительной его заготовкѣ, долженъ вздорожать, а вмѣстѣ съ тѣмъ должны подняться въ скоромъ времени цѣны на самыя дачи, откуда добывается лѣсной матеріалъ. При богатствѣ лѣсовъ и при неимѣніи ихъ сбыта, гдѣ едва оплачивался грошевой цѣнѣ одинъ только тяжелый физическій трудъ мужика, лѣсныя дачи стояли въ самой низкой цѣнѣ. Такъ, напримѣръ, дачи по тысячѣ и болѣе десятии строевого лѣса продавались по два, по три и по четыре рубля за десятину. Не долго думая, Синюшинъ рѣшилъ по возможности скупить подходящія дачи, а дачъ же продавалось много, такъ что и выбирать было есть изъ чего.

Помѣщики раздѣлавшись со своими крѣпостными и, думая, что только отъ одного дарового труда они могли извлѣкать изъ имущества себѣ пользу, оставили безъ всякаго призору оставшіяся за надѣломъ земли. Покупателей на лѣсныя дачи не находилось, такъ какъ не было разсчета тратить на покупку ихъ деньги, если лѣсной матеріаль, какъ я уже сказалъ, цѣнился ни во что и его заготовка стоила то же самое, что изъ своихъ и чужихъ дачъ, гдѣ оплачивался только физическій трудъ, то помѣщики тяготились платежомъ за земли новинностей, которыя въ послѣднее время, а особенно съ учрежденіемъ земства, возрастили все болѣе и болѣе, а изъ-земли не возможно было извлечь ни одной копѣйки.

Сами помѣщики и ихъ наслѣдники жили большею частью вдали отъ своихъ дачъ, въ городахъ; наслѣдники пѣрѣдко знали о существованіи своихъ дачъ по однимъ документамъ, никакихъ лѣсниковъ для охраны дачъ не панимали, считая ихъ лишнимъ расходомъ,—то мужики изъ лѣсомъ распоряжались какъ своею собственностью и рубили въ ихъ дачахъ лѣсъ, какой находили болѣе цѣннымъ и болѣе удобнымъ для вывозки на свалку, на рѣку. Помѣщики, зная это, старались по возможности сбывать свои дачи, чтобы въ конецъ ихъ не вырубили: у нѣкоторыхъ продавались дачи съ торговъ за неплатежъ новинностей, а другіе за безцѣнокъ отдавали первому подвернувшемуся подъ руки покупателю.

Такъ одинъ изъ нихъ предложилъ Синюшину купить у него дачу строевого лѣса—четыре тысячи десятинъ за пятнадцать тысячъ рублей. Цѣлыхъ три дня ходилъ Синюшинъ по дачѣ, высматривая ее. Онъ примѣрно раскинулъ умомъ, сколько выйдетъ бревенъ и какихъ размѣровъ, сколько получится дровъ. И убѣдившись, что дача стоитъ дороже просимой суммы, сталъ предлагать за нее продавцу девять тысячъ рублей. Тотъ не согласился отдать за эту сумму.

Долго они торговались: помѣщику по-зарѣзъ нужно было деньги, такъ что надо было продать дачу, но и дешево отдать не хотѣлось, а другихъ охотниковъ на покунику такой большой дачи не находилось. Синюшинъ же, зная, что продавцу сбыть дачу нужно и не кому и, зная цѣну каждой копѣйки, выторговывалъ сотенные и красненькия. Наконецъ они порѣшили на четырнадцати тысячахъ рубляхъ и вскорѣ совершили купчую крѣпость.

Случайно еще подошло купить Синюшину дачу въ тысячу двѣсти десятинъ за пять тысячъ рублей, да съ публичныхъ торговъ при полицейскомъ управлѣніи за неизлѣтъ повинностей онъ пріобрѣлъ двѣ дачи: одну въ четырнадцати десятинъ за девятьсотъ рублей, а другую—въ двѣсти пятьдесятъ десятинъ по одному рублю за десятину.

Долго Синюшинъ ходилъ послѣ покуники по своимъ дачамъ, любуясь надъ тѣмъ, какое богатство онъ пріобрѣлъ за такую малую цѣну.

„Теперь у меня ихъ довольно, думалъ онъ. Дай Богъ чтобы мнѣ хватило рукъ управляться съ тѣмъ, что я имѣю. Лѣсокъ-то я поберегу, пусть онъ порастетъ—хуже не будетъ, да и замѣтно стаетъ, что дачи начинаютъ дорожать такъ что я какъ похоранию лѣсокъ, то въ убыткѣ не останусь. Теперь же пока все еще не дороже обходится покупать лѣсъ изъ готовыхъ дачъ, чѣмъ рубить изъ своихъ, то мнѣ нѣтъ никакого расчета переводить свой лѣсъ“.

Какъ думалъ онъ и такъ сдѣлалъ: нанялъ за безцѣнокъ надежныхъ сторожей хранить дачи, и оставилъ лѣсъ въ по-коѣ.

Между тѣмъ хорошаго строевого лѣса стало мало. Требованія на него съ каждымъ годомъ увеличивались все болѣе и болѣе, съ неимовѣрной быстротой стала повышаться цѣна на лѣсъ, такъ, напримѣръ бревно, за которое ранѣе платили двадцать пять копѣекъ, черезъ четыре года стоило втрое дороже—семьдесятъ пять копѣекъ. Вмѣстѣ съ цѣнною

на лѣсной материалъ стала быстро возрастать и цѣна на самыя лѣсныя дачи.

У Синюшина часто стали стучаться покупатели въ надеждѣ сходно приобрѣсти его хорошенъкія дачи, предлагая ему громадную пользу, такъ за дачу въ четыре тысячи десятинъ ему давали восемьдесятъ тысячъ рублей, гдѣ онъ на одиннадцать тысячъ затраченаго на покупку дачи капитала приобрѣталъ болѣе шестидесяти тысячъ рублей чистаго барыша. Но Синюшинъ не кидался на деньги. Онъ самъ сталъ изъ своихъ дачъ производить большія заготовки лѣса, наживая отъ того большія деньги, да и дачи, повышаясь въ цѣнѣ, оставались его собственностью.

Не упустилъ изъ виду Синюшинъ и маслодѣльное дѣло: выстроилъ недорого заводъ, купилъ дешевый ручной сепараторъ, нанялъ маслодѣла и сказалъ мужикамъ и бабамъ, чтобы носили къ нему молоко—онъ покупаетъ его по тридцати копѣекъ за пудъ. Бабы обрадовались такой новизнѣ: теперь не нужно возиться съ кринками и со сметаной—сдала молоко возчику или снесла на заводъ—и „баста“,—всѣ и потащили Синюшину молоко, такъ что у него въ Великій постъ скаивалось молока пудовъ до двухсотъ въ день; изъ двадцати пяти пудовъ молока выходилъ у него пудъ масла, который и стоилъ ему безъ расходовъ рублей семь съ полтиной.

При первой же возможности онъ масло отправлялъ въ городъ и продавалъ отъ десяти до четырнадцати рублей за пудъ; а такъ какъ провозъ масла былъ попутный, поэтому дешевый, помѣщеніе свое, отонленіе больно дешево, а возчики недорогіе—за доставку молока верстъ за пять брали они восемь рублей въ мѣсяцъ, маслодѣлу платиль пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, то расходовъ на масло ложилось немногого—не болѣе полутора рубля на пудъ. Большую половину за доставленное молоко мужики и бабы брали товаромъ, который имъ шелъ дорогой цѣной, то отъ масло-

дѣльного завода барыши насыпью посыпались въ карманъ Синюшина.

И послѣ тридцати лѣтъ своей торговли Синюшинъ, начавъ дѣло съ полутораста рублей, насчитывалъ, что у него всего имущества—движимаго, недвижимаго и денегъ—находится близко къ двумъ стамъ тысячамъ рублей.

IV.

При разсмотрѣніи торговли, посредствомъ которой у Синюшина сложился такой капиталъ, пришлось только слегка коснуться первыхъ годовъ его семейной жизни. Теперь же, когда кончилась рѣчъ о торговлѣ, мы возвратимся лѣтъ на десять назадъ и посмотримъ, что у Синюшина въ это время дѣлалось дома.

Дѣтей у нихъ не прибывало, а тѣ трое были взрослые, старшему Семену уже наступилъ восемнадцатый, младшему Петру—пятнадцатый и сестрѣ Аннѣ—десятый годъ. Всѣ они на видъ были здоровые, красивые ребята. Семенъ имѣлъ веселый характеръ; онъ никогда ни надъ чѣмъ не задумывался и всегда былъ доволенъ. Петръ же выглядалъ его далеко посерѣзнее.

Хотя ихъ обоихъ обучалъ на дому какой-то прогнаный со службы за пьянство чиновникъ, но плоды науки и отъ плохого учителя привились неодинаково. Оба они, какъ толковые ребята, быстро усваивали грамоту, такъ что въ двѣ зимы научились бойко читать, писать и считать; но у Семена этимъ ученіе и кончилось—онъ навсегда забросилъ свои буквари, псалтири, книжки и никогда въ нихъ почти не заглядывалъ; а Петръ же съ жадностью прочитывалъ все, попадавшееся ему подъ руку: и сказки, и романы, и новѣсти, и географію, и исторію, и другія научныя книги. За такое пристрастіе къ книгамъ ему и доставалось отъ домашнихъ: они смотрѣли на чтеніе какъ на пустое и без-

полезное нрвожденіе времени, почему за него и пробирали сына.

Образъ жизни всей семьи Синюшина былъ простой.

Синюшинъ уже землю нересталъ самъ обрабатывать, находя, что въ это время, какое онъ употребить на обработку своими руками, онъ получить пользы отъ торговли гораздо больше, чѣмъ отъ земли; поэтому онъ сталъ держать работника, который помогалъ и въ торговлѣ и обрабатывалъ землю; но все-таки Синюшинъ не оставлялъ земли безъ всякаго вниманія: онъ любилъ ее и самъ вездѣ слѣдилъ, чтобы чужой народъ воздѣлывалъ землю такъ, какъ ему надо было. Впрочемъ, въ домашнемъ хозяйствѣ ему много помогала скучая, расчетливая, умѣло управлявшая хозяйствомъ его жена, дрожавшая, чтобы не издернуть лишнюю копѣйку и чтобы попусту не отдать ея чужимъ людямъ. Оба они постоянно были заняты работой и держали каждымъ часомъ, чтобы онъ не пропадалъ безполезно. Несмотря на такой трудъ, они выглядѣли здоровыми, бодрыми, веселыми; и, находясь въ постоянной дѣятельности, не знали никакой скучи и были почти всегда довольны своею жизнью.

Вся семья, сами прислуга и пришлый народъ Ѳли вмѣстѣ, хлебая похлебку большими деревянными ложками изъ общаго глинянаго блюда или чашки. Пищу употребляли скромную, здоровую: въ скромные дни—мясныя щи, кашу или картошку и молоко, а въ постные—крупяныя щи и посмѣнно—капусту, картошку, рыжики, кашу, горохъ, тяпушку—толокно съ квасомъ; одѣвались по-деревенски, только одежда была немножко почище; передъ Ѳдой, послѣ нея, передъ сномъ и утромъ молились Богу; ложились спать часовъ въ десять и вставали зимою часовъ въ пять, шесть утра, а лѣтомъ еще ранѣе.

Синюшинъ справлялъ въ году два пивныхъ праздника—Ильинъ и Покровъ день. Въ это время варили ведерь по

десяти пива и угощалъ имъ гостей. Пиво всегда удавалось хмельное, вкусное, то гости надегали на него и пачивались до-ильяна; хотя водка на праздники бралась, но при хорошемъ нивѣ ее совсѣмъ немного шло; кромѣ водки еще покупали свѣжей рыбы; круичатую муку и изюмъ брали изъ своей лавки, а все остальное, необходимое для праздника—масло, яйца и пр.—имѣлось въ хозяйствѣ,—поэтому, несмотря на то, что къ Синюшину съѣзжалось много гостей—родни, и не смотря, что онъ угощалъ ихъ три дня на славу такъ что гости, уѣзжая, не знали даже какъ его и благодарить,—у него праздники стоили не очень дорого.

При такомъ скромномъ образѣ жизни у Синюшина не было никакихъ особенныхъ по дому и хозяйству расходовъ, то при хорошей торговлѣ онъ безбѣдно жилъ и копилъ денежки.

Семья находилась въ полномъ его послушаніи, и безъ воли его ничего не дѣлалось. Все въ семье, въ теченіе лѣтъ двадцати, шло спокойнымъ, ровнымъ шагомъ, и ни чѣмъ особеннымъ жизнь не нарушалась.

Но вотъ наступило время—дѣти Синюшина стали взрослыя, старшему Семену уже минуло девятнадцать лѣтъ.

Выросшій въ довольствѣ, не испытавъ никакой нужды, никакой заботы и того, какъ иногда трудно добывается каждая копѣйка, Семенъ, зная, что отецъ богатъ и думая, что онъ только зря жметъ деньги и не даетъ имъ пожить на нихъ какъ слѣдуетъ, сталъ по возможности тянуть деньги и бросать ихъ на вѣтеръ.

Поѣдетъ ли, пойдетъ ли онъ съ ребятами въ праздникъ на носидѣнки въ другую деревню, находившуюся отъ него въ трехъ верстахъ, гдѣ у него жила „любая“ Маша, то накупить свѣчъ и сдѣлаетъ цѣлую иллюминацію въ избѣ, набитой народомъ, и потчуетъ дѣвицъ пряниками и конфетами; для своей же любой Маши—онъ ничего не жалѣлъ, чего бы она ни захотѣла, все онъ для нея доставалъ.

Маша была красивая дѣвушка изъ бѣдной крестьянской

семьи. Она безъ ума любила своего Сеню, который въ ней души не чаялъ. Семенъ хотѣлъ взять ее замужъ, но родители его и словъ не подиускали о женитьбѣ: имъ казалось для себя безчестнымъ взять къ себѣ въ домъ въ жены за сына дѣвушку изъ бѣдной семьи. Семенъ безъ Маши жить не могъ, не находилъ нигдѣ себѣ мѣста, шилъ съ горя и все свободное время ироводилъ около своей любой.

Отецъ Маши, зная, что родители Семена никогда не согласятся женить сына на его бѣдной дочери, косо смотрѣлъ на ихъ дружбу, ругалъ, нерѣдко билъ дочь за то, что она путается съ неровней, который обманеть ее и бросить—тогда и бѣдствуй вѣкъ-то.

Посватался къ Маши парень изъ псиравнаго дома; родители ея стали приневоливать выходить за него замужъ. Какъ она ни отговаривалась, какъ ни упиралась, но родители просто не давали въ домъ житья, принуждая ее выходить замужъ за нелюбого жениха,—ругали, жестоко били, говоря, что она со своимъ Сенькой опозорить семью и сдѣлаетъ себя на весь вѣкъ несчастной. Пока хватало силъ, все терпѣливо она переносила изъ-за своего любого и въ трудныя минуты дѣлилась горемъ со своимъ Сеней.

Семенъ просто не зналъ что дѣлать. Хотя онъ своихъ и упрашивалъ со слезами на глазахъ разрѣшить взять свою любую, но они даже словъ не подиускали, говоря, если онъ хочеть идти противъ родительской воли, то можетъ, въ чёмъ есть на себѣ, на другой день со своей женой отправляться на всѣ четыре стороны.

Какъ ни говорила, какъ ни тужила наша парочка, сидя вдвоемъ, но придумать для себя ничего хорошаго не могла и рѣшила, что противъ родительской власти идти грѣхъ.

Вскорѣ Машу обвѣнчали съ нелюбымъ, а Семенъ долго бродилъ самъ не свой, заливая свое горе водочкой, ничего почти не дѣля, и новель жизнь самую разгульную, такъ что отецъ не сталъ допускать его до торговли.

Такъ жилъ Семенъ съ годъ, ухитряясь напиться до пьяна почти каждый день и проводя время съ девицами, пользующимися не очень хорошей репутацией. Нерѣдко ужъ очень расходились деревенскіе ребята, затѣвали между собою ссоры, которыхъ переходили въ драки, и отъ здоровыхъ кулаковъ доставалось обѣимъ сторонамъ. Горячій, прямой характеромъ, крѣпко сложенный Семенъ почти постоянно участвовалъ въ дракахъ, происходившихъ на его глазахъ, какъ-будто эти драки не могли безъ него обойтись. Отъ его крѣпкихъ кулаковъ доставалось противникамъ, да и онъ, какъ водится, нерѣдко возвращался съ драки съ помятыми боками и съ подбитыми глазами... Словно, онъ, въ винѣ, въ девкахъ, въ дракахъ, хотѣлъ утопить свое горе или же думалъ, что они сломяты его буйную головушку; но жѣзнное его здоровье все настойчиво выдерживало.

Эта безшабашная жизнь наконецъ ему надоѣла — онъ немного присмирѣлъ и сталъ приниматься за дѣло.

Отецъ, почти отступившійся отъ сына, считая его совсѣмъ пропавшимъ человѣкомъ, такъ что было совсѣмъ ма- нулъ на него рукою, радовался такой перемѣнѣ, и видя, что парень сдерживаетъ себя, принимается за умъ, сталъ поручать ему по торговлѣ кой-какія дѣла. За работой, да за занятіями Семенъ по немногу сталъ забывать свое горе и привязываться къ трудовой жизни. Года черезъ три онъ женился на богатой и умной девушкѣ торговца и взялъ двѣ тысячи приданнаго.

Петръ къ торговлѣ тоже плохо привыкалъ — тяготился ею; въ свободное время не переставалъ читать книги, которыхъ онъ уже самъ пріобрѣталъ, такъ что у него составилась довольно порядочная библіотека самого разнообразнаго содержанія книгъ, но самообразованіе его шло какъ-то порывисто: находить дни, недѣли, нерѣдко мѣсяцы, что онъ весь предается чтенію: онъ дорожитъ каждымъ часомъ каждой минутой, и какъ вывернутся они свободные, при-

нимается за книгу, и читаетъ почти до одурѣнія, не отрывая отъ нея глазъ.

При такомъ лихорадочномъ чтеніи, оно наконецъ емъ надоѣдаетъ... и вдругъ онъ забрасываетъ его на недѣли иногда на мѣсяцы, начинаетъ хандрить, ходить ніеселый, безъ всякой видимой причины является на него тоска... и въ одинъ день не выдерживаетъ, пить вино во всю тяжкую—и тутъ не узнаешь нашего парня: куда дѣвалась его прежняя серьезность, куда дѣвалась его застѣнчивость, куда дѣвалась его тоска? Ихъ ужъ нѣтъ и слѣда.

Широкая его натура оборвала возжи и во всей своей свободной волѣ ионеслась впередъ, не разсуждая, не разбирая, что попадается на пути, и не думая, что могутъ встрѣтиться препятствія, которые могутъ сломить его голову. И тогда онъ быль бы вылитый братъ Семенъ—и они вмѣстѣ часто кружились: вмѣстѣ или водку, вмѣстѣ дрались и вмѣстѣ ходили по посидѣнкамъ.

V.

Не всегда братья были заняты торговлей и гуляньемъ, иногда находило на нихъ раздумье надъ своей жизнью—они сообща разсуждали о ней, находили, что она худа, что нужно исправиться, но, попрежнему, жили по старому. И теперь, послѣ кутежа, сидѣть они на берегу рѣки и толкуютъ между собою.

— Такъ жить намъ съ тобою не слѣдуетъ,—обращается къ брату Петръ. Безпрѣмѣнно надо перемѣниться—людски нужно поступать.

— Не знаю, право, на что еще намъ съ тобой мѣняться,—отвѣтилъ Семенъ.—Мы и то живемъ вокурать такъ, какъ все люди живутъ: Бога мы не забываемъ—ходимъ въ церковь чуть-ли ни каждое воскресеніе, ни каждый праздникъ, —пѣемъ, Ѵдимъ, спимъ, наживаемъ для пропитанія своего

и для другихъ расходовъ отъ торговли деньги, гуляемъ, чужихъ денегъ не задѣваемъ—своимъ пронимаемся,—а если иногда поругаемся, подеремся, то не мы одни и другое дерутся,—поэтому, мы живемъ какъ другое, то и неремѣнять свою жизнь къ чему.

— Вотъ у насть съ тобой на вино и на другое пустяки иногда летять въ какое-нибудь три дня десятки рублей тогда какъ у иного бѣдняка въ это время вся семья сидитъ по цѣлымъ суткамъ голодомъ—лучше бы помочь имъ, чѣмъ мотать деньги.

— Да всей бѣдности намъ съ тобой, братъ, не поправить; но твоему оно выходить пожалуй и такъ—раздай все имѣніе нищимъ, а потомъ самъ нуждайся—покорно благодарю. Я такъ не согласенъ жить; какъ получу отъ отца наслѣдство, вотъ тогда толкомъ гульну и кой-что хорошее увижу, по крайней мѣрѣ, тогда я отъ жизни возьму все то, что и другое берутъ: мы вѣдь съ тобой не обѣвъ въ полѣ.

— Чего же ты отъ нея возьмешь?

— Вотъ смѣшно сирашаиваетъ... Я возьму то, что другое берутъ, у кого на то дозволяютъ средства; а каждый для себя хочетъ жить себѣ вволю, ни въ чемъ не отказывая пить, есть—чего душа желаетъ, смотрѣть то, что нравится, приобрѣсти какуюнибудь нибуль должность, чтобы получать отъ людей уваженіе, а главное, быть богатымъ, такъ какъ человѣку съ деньгами, будь онъ хоть того хуже, всегда иочеть и уваженіе, почти вездѣ открыты двери; за денежки-то многие передъ тобой, если ты пожелашь, даже спляшутъ; а будь ты же бѣдный, то тѣ же плясуны и на кухню къ себѣ не пустятъ тебя.

— Но у тебя одно съ другимъ несовмѣстимо: ты хочешь получать себѣ всѣ удовольствія, для чего долженъ швырять деньгами направо и налево и въ то же время быть богатымъ; ты вѣдь самъ знаешь, что никакой расточитель

имѣнія не бываетъ богатъ; тотъ, кто отказываетъ себѣ во многомъ, ограничивается необходимыми потребностями, дорожитъ деньгами, чтобы напрасно не израсходовать ихъ: составляетъ себѣ капиталъ. Возьми для примѣра нашего отца: живи бы онъ расхоже, прогуливай бы всѣ добытыя, денежки, то онъ и былъ одинъ изъ ровныхъ мужиковъ, а какъ былъ онъ бережливъ и зря не расходовалъ деньги, то онъ теперь первый богачъ въ околоткѣ и отъ всѣхъ ему большое уваженіе.

— Однако можно жить такъ, чтобы получать удовольствіе и сохранять капиталъ, чтобы онъ не таялъ—надо удовольствіямъ знать мѣру.

— Вотъ мѣру-то знать трудно. Ты навѣрно читалъ сказку про рыбака и рыбку.

— Ну, какъ не читать, читалъ.

— Тутъ видишь и самъ; до чего дошли у старухи требованія исполнять свои желанія, если подъ руками у нея имѣлось средство, посредствомъ котораго достижимы были до нея всѣ ея желанія: что ей хотѣлось, что только отъ жизни могутъ получать люди, ей все являлось по первому, ея требованію; но наконецъ она все-таки захотѣла того, что исполнить желаніе ея, какъ и всякаго другого человѣка, совсѣмъ было невозможно, такъ какъ человѣку немыслимо жить въ океанѣ—морѣ; а такихъ неисполнимыхъ желаній у человѣка множество, почему и сказать, что я вполнѣ счастливъ, потому что имѣю возможность получить все, нельзѧ.

— Я вѣдь не говорю про то: что бы я ни желалъ, то все исполнялось бы, а для меня достаточно получать то, что можно человѣку имѣть и чѣмъ люди въ удовольствіе свое пользуются.

— Все горѣ-то въ томъ, что ты одинъ, а людей-то много, живутъ они въ разныхъ мѣстахъ, да у нихъ разныя и требо-

ванія, то одному человѣку никакъ невозможно достичь всѣхъ ихъ удовольствій.

— Достаточно пользоваться и тѣмъ, что подъ руками.

— И все-таки ты будешь недоволенъ и станешь желать, чтобы получить то, что другое получаютъ.

— Это само собой разумѣется.

— Такъ ты и самъ договорился до того, что всѣхъ удовольствій достичнуть нельзя—во многихъ приходится отказывать самому себѣ, почему и лѣнуть къ нимъ больно не слѣдуетъ.

— Которыхъ достичнуть нельзя, то ихъ и не надо. Но твоему, пожалуй, выходитъ, что нужно ничего не желать—тогда и жить не за чѣмъ, развѣ киснуть только... Нѣтъ, такая жизнь мнѣ не нравится... а мнѣ давай больше жизни, жизни...

— Въ этомъ случаѣ я не согласенъ съ тобою; по моему настоящая жизнь такая: умѣренно пользоваться благами жизни—себѣ въ удовольствіе и людямъ не на вредъ, не желать минутныхъ удовольствій, чтобы изъ-за нихъ послѣ не страдать дни, недѣли, мѣсяцы, годы, беречь, сохранять до старости свое здоровье, имѣть состояніе, чтобы быть независимымъ ни отъ кого, имѣть въ семье согласье, справедливо относиться къ другимъ—вотъ тогда жизнь будетъ всегда пріятна и дорога.

— Для меня такъ больно скучна. Мнѣ давайте бурь, больше бурь!.. Послѣ бурь наступаетъ тишина, которая послѣ бури человѣку особенно пріятна...

— Послушай. Я тебя спрошу: неужели тебя не тревожить совѣсть за то, что ты соришь депытами, а другое въ это время голодаютъ?

— Какъ не тревожить—иногда и очень тревожить; но подумаешь: я одинъ бѣдности не помогу, а родилась она не отъ меня, то мнѣ объ этомъ и беспокоиться нечего. Махнешь на все рукой, да послѣ такой думы, для успокое-

нія себя, словно гульнешь, а послѣ гулянки, всю эту дурь съ себя ровно стряхнешь.

— Дѣло-то въ томъ и худо, что мы сами для народной пользы нальцемъ не хотимъ пошевелить, оправдывая себя тѣмъ, что другіе живутъ только для себя и никому пользы не дѣлаютъ, то намъ и Богъ простить; а если никто начала для пользы народа не сдѣласть, то такъ другъ на друга нальцемъ вѣкъ-то и проуказываемъ; а совѣсть-то вѣдь не зря насть тревожить, что мы неправильно живемъ—не помогаемъ другимъ: если совѣсть не спокойна, то значитъ, у насть не все благополучно.

— Ты, братъ, кажется, тутъ совсѣмъ зарапортовался—что-то ужъ больно мудрено говоришь, что не скоро тебя поймешь... Ну, если когда что худое и дѣлаемъ, то больше отъ пьянства—оно все виновато: трезвый не позволить того, что сдѣлаетъ пьяный.

— Что и за водка такая—во всемъ она, бѣдовая, виновата; по ея постункамъ, какие на нее люди взваливаютъ,—она и расточитель, она и воръ, она и поджигатель, она и душегубецъ, она и разбойникъ—то ей мало аресту, мало тюрьмы, мало Сибири, мало каторги, мало висѣлицы... Между тѣмъ, никуда ее не ссылаютъ, а при первомъ же удобномъ случаѣ, для веселья, мы почти всѣ приглашаемъ ее къ себѣ, какъ желанную гостью, и пьемъ ее иногда до помраченія ума. Если мы знаемъ, что она для насть такое зло, то для чего же мы ее трезвые пьемъ? Если мы сознаемъ, что черезъ нее происходитъ зло, то мы должны избѣгать ее, а мы же, напротивъ, еще къ ней льнемъ. Да потому у большей части водка только отговорка: трезвые что задумаютъ сдѣлать, то нальются пьяными, чтобы заглушить укоры совѣсти, иатворятъ что нибудь, а потомъ ужъ на водку, вину и сваливаютъ—водка все стерпитъ.

— Оно, пожалуй, такъ; но на словахъ то мы бываемъ куда какъ хороши, а на дѣлѣ-то совсѣмъ другіе: говоримъ,

нужно жить—такъ, живемъ—иначе, а одни слова—пустые разговоры: почти каждый и самъ сознаетъ, что онъ дѣлаетъ хорошо, что нехорошо, какъ нужно поступать справедливѣ, чтобы самому жить лучше, да и для другихъ быть справедливымъ и полезнымъ, но только это думать, говорить хорошо, а на дѣлѣ выходить не такъ легко измѣнять обычное круженіе колеса жизни, да совсѣмъ и не къ чему...

— Да что тутъ попусту толковать-то: ты вотъ и самъ теперь говоришь очень умно, а придетъ время—махнешь на все рукой и будешь удирать штуки не хуже другихъ. Вѣдь не разсуждая, гораздо легче жить.

— Пожалуй, что и я только поговорю, а на дѣлѣ, для добра и нальцемъ не пошевелю.

— Всѣ мы такъ, ничего почти иолезнаго не дѣлая, вѣкъ-то зря и болтаемъ; хоть на словахъ-то мы хороши—и то ладно,— закончилъ Петръ этимъ разговоръ.

VI.

Въ одинъ годъ много перемѣнъ произошло въ домѣ Синюшина: самъ онъ и его жена умерли, Петръ женился, дочь вышла замужъ, получивъ себѣ въ приданое изрядную долю наслѣдства. Братья раздѣлились и жили въ отдельныхъ домахъ. Семенъ занялся торговлей мелочнымъ и мануфактурнымъ товаромъ, и содержалъ не одинъ кабачекъ, а Петръ велъ лѣсное дѣло и имѣлъ маслодѣльный заводъ и мелочная лавки. Уже и вся жизнь ихъ потекла совсѣмъ по новому: въ ней не было ничего и нохожаго на прежнюю, простую, скромную жизнь отца.

Старшій Семенъ остался въ отцовомъ домѣ; онъ передѣлалъ его по своему: устроилъ во всемъ низу обширное торговое помѣщеніе, а самъ теперь постоянно жилъ въ верху дома; въ домѣ появилось оклеенное хорошими обоями, зало, гостинная, кабинетъ, спальня и кухня; зало уставлено

вънскими и мягкими стульями, лакированными раскладными столами, зеркалами до полу, а въ углу былъ и органъ; въ гостиной стоялъ въ углу прекрасный буфетъ, посреди большой столъ, а передъ нимъ мягкий диванъ; въ кабинетѣ появился письменный столъ. Словомъ, роскошь изъ города перевалилась и въ деревню.

Семья у него стала норядочная — четверо дѣтей — два сына и двѣ дочеря; держалъ работника, работницу и няньку.

Вся семья одѣвалась по-городски: самъ Семенъ носилъ пиджачную наружу, на вынускъ брюки въ смазные сапоги, пмѣль лѣтнее, осеннее пальто, лисью дорогую шубу и дорожный тулупъ; жена по буднямъ одѣвалась просто, а въ праздники была настоящая франтиха: наряжается въ шерстяное модное платье, павздѣваетъ на руки нопу золотыхъ колецъ и браслетъ, и къ обѣдѣ барыней покатитъ па сѣтой лошади, развались въ просториомъ тарантасѣ и гордо взирая на попадающихся навстрѣчу и клаяющихся мужиковъ и бабъ; дѣтей же одѣвали совсѣмъ въ городское платье.

Къ Семену часто заѣзжали гости: предсѣдатель управы, уѣздный врачъ, акцизный и др., и встречали у него самый радушный приемъ, чѣмъ они были очень довольны, такъ какъ въ путешествіяхъ по уѣзду иногда по цѣлымъ недѣлямъ, имъ надоѣдала сухая пища, прихватываемая изъ дома, почему они рады были хоть какому нибудь приварку, не только богатому обѣду, изготавляемому для нихъ самой хозяйкой Семена, къ тому же обѣдъ часто подиравлялся веселой водочкой. Прощаюсь, гости, повидимому, отъ всего усердія просили гостепріимнаго хозяина навѣщать ихъ, какъ онъ будетъ въ городѣ. Семенъ благодарилъ ихъ за приглашеніе, но у большей части своихъ городскихъ гостей онъ не бывалъ и въ домѣ, а многихъ, прѣѣзжая въ городъ, даже самъ угощалъ ихъ въ гостиницѣ.

Хотя къ некоторымъ изъ нихъ онъ и заходилъ разъ

много два, но, видя, что родственники хозяина смотрятъ на него не какъ на гостя, а какъ на лишнаго человѣка, да и самъ хозяинъ, хотя наружно принимаетъ его любезно но видать, что въ душѣ бытъ бы очень радъ, если бы гость поскорѣе отъ него убрался бы,—поэтому Семенъ и избѣгалъ заходить къ своимъ знакомымъ; по самъ онъ ничего не имѣлъ противъ того, что они при первомъ же удобномъ случаѣ навѣщали его: онъ съ ними хоть развлекался отъ однообразной деревенской жизни.

Иногда кутилъ Семенъ во всю тяжкую. Когда находилъ на него этотъ кружокъ, то онъ поилъ всѣхъ мужиковъ, попадавшихся ему нодъ руку, и какое находилось въ домѣ вино—простое ли, столовое ли, коньякъ ли, нортвейнъ ли.. все выливалось комнаньей до капли.

Нерѣдко онъ, пьяный, и дурилъ. Такъ разъ заставилъ церковнаго сторожа везти себя на тарантасъ съ четверть версты; тотъ не смѣлъ его ослѣпляться и тащилъ, выиучавъ глаза, до самаго его дома. Въ награду за это Семенъ напоилъ сторожа до-сыта водкой и далъ ему еще въ походъ пинка, да подзатыльника... и сторожъ до сихъ поръ благодаренъ ему за такое угощеніе—онъ еще и теперь разсказываетъ про это путешествіе, гдѣ пришлось идти ему въ оглобляхъ.

Но не такъ много Семенъ ироинивалъ денегъ у себя съ мужиками, какъ проживалъ въ гостиницахъ и въ игрѣ въ карты въ городѣ, гдѣ является очень много прихлебателей, которые пользуясь его онъяненіемъ, обыгрывали его въ карты на цѣлые сотни рублей, да кромѣ того подсобляли ему пропивать денежки, такъ что за одну поездку приходилось Семену платить хозяину гостиницы иногда по пятидесяти рублей и болѣе.

Расходы у него съ каждымъ годомъ все увеличивались и увеличивались, а доходы стали все уменьшаться и уменьшаться. Уже крупныхъ торговцевъ въ ихъ мѣстности стало

не одинъ, а три—онъ, братъ и прібжжій Юрковъ, ранѣе жившій иѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, нареинъ со смекалкою, старавшійся во всемъ подставлять ногу своимъ конкурентамъ. Одна почти и та же торговля, раздѣлившись на троихъ, не могла, конечно, приносить столько доходу изъ нихъ каждому, сколько раньше приносила одному старику Синюшину.

Юрковъ купилъ клочекъ земли близъ деревни Блиново, находившійся кругомъ въ жильѣ, въ пяти верстахъ отъ Синюшиныхъ, выстроилъ себѣ домъ, завелъ при немъ винную и мелочную лавку, маслодѣльный заводъ и мельницу. Какъ почти выросшій въ столицѣ, онъ былъ съ покупателями обходителенъ, услужливъ, и зная, что копѣйка рубль бережеть, изъ-за каждой копѣйки бѣгалъ въ лавку.

Мужики къ нему, какъ и ко всякому новому торговцу, гдѣ имѣется самый свѣжій товаръ, новалии толпами.

Желая пріучить къ себѣ народъ и изъ дальнихъ деревень, Юрковъ скинулъ и противъ Семена Синюшина гривенникъ у каждой четверти вина. Семену приходилось волей-не-волей спускать цѣну, иначе его покупатели стали переходить къ Юркову, послѣдній еще скинулъ пятачекъ; задѣтый за живое Семенъ Синюшинъ сталъ отпускать вино дешевле чѣмъ Юрковъ... и до того они досбавляли цѣну, что водка при продажѣ стала имъ обходиться дороже чѣмъ при покупкѣ; но наши торговцы не задумались: барышни стали получать на водѣ, которую усердно подливали въ водку. Мужики на это не обращали большого вниманія и шли за виномъ къ тому, кто дешевле его продавалъ.

Особенно много выигрывалъ Юрковъ отъ своей аккуратности; Семенъ Синюшинъ небрежно относился къ торговлѣ, и нерѣдко случалось, что у него на шивные праздники, когда бываетъ большое стеченіе покупателей, не доставало вина; этимъ-то и пользовался Юрковъ: зная, что если у Семена Синюшина нѣть водки, то кромѣ его достать негдѣ,

такъ какъ ближе тридцати верстъ не было никакого кабака а кому надо на праздникъ вина, не пожалѣть денегъ—купить вино и по дорогой цѣнѣ,—онъ надбавлялъ на каждую четверть иногда по полтиинику. Мужики въ душѣ ругая того и другого торговца: одного—что во-время не принасъ, а другого — что немилосердно съ нихъ дереть, однако водку покупали и дорогой цѣнной. И тутъ нерѣдко Юрковъ хваталъ очень хорошиѣ барыши.

Какъ нареиъ со смекалкой, Юрковъ при торговлѣ разсчитывалъ такъ: если онъ будетъ продавать товаръ сходно, то у него будетъ болѣе покупателей, а какъ будетъ болѣе покупателей, то онъ, получая съ каждого хотя и понемногу, пріобрѣтетъ барыша больше, чѣмъ наживая отъ товара большої процентъ, но при ничтожномъ числѣ покупателей. Какъ онъ думалъ, такъ и сталъ поступать, и въ расчетахъ не ошибся: про него прошла молва, что онъ торгууетъ сходноѣ чѣмъ Синюшины... и толпой пошли въ его лавку покупатели, чего онъ и добивался.

Настоящимъ кладомъ у него была винная лавка, мельница и маслодѣльный заводъ. Мужики, прѣхавъ на мельницу, иногда приносили ему тройной доходъ: платили за размолъ, продавали ему же муку, деньги—или проипвали или забирали товаромъ. Большая часть денегъ за доставленное молоко оставлялась у Юркова же: деньги очень часто забирались водкой и товаромъ, которые хозяиномъ выдавались во всякое время весьма охотно, а деньги же получить было не всегда возможно—только при мѣсячномъ расчетѣ, когда за большої частью поставщиковъ молока присчитывался за ними одинъ долгъ, который переходилъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, а часто изъ года въ годъ.

Желая скупить какъ можно больше молока для своихъ заводовъ, наши торговцы приманивали къ себѣ мужиковъ водкой, предлагая ее въ угоженіе, надбавляли цѣну на молоко и довели ее до такой стоимости, увеличивъ цѣну въ

полтора раза, съ тридцати подняли на сорокъ пять, что отъ производства масла они стали получать самые ничтожные барыши, а иногда даже убытки, и уже старались изверстать на товаръ и на винѣ, которые, ири всякомъ удобномъ случаѣ, всучивали своимъ поставщикамъ; но, какъ я уже говорилъ, и здѣсь цѣна была сбита, то доходъ отъ торговли у Семена Синюшина далеко было не тотъ, что въ прежніе годы при его отцѣ.

Дѣла же брата Петра были не лучше чѣмъ и у него. Петръ выстроилъ прекрасный въ шесть оконъ по лицу двухъ-этажный домъ, опушилъ его и выкрасилъ бѣлой краской; завелъ такую мебель и всю внутри дома обстановку, что ее не стыдно имѣть аристократамъ губернскаго города. Онъ славился гостепріимствомъ и жилъ на весьма широкую ногу. Доходъ-то сталъ уже совсѣмъ не тотъ, что прежде.

Лѣсное дѣло хотя въ первыѣ годы и приносило ему хорошую пользу, но онъ очень поверхностно относился къ нему. Гдѣ бы нужно посмотрѣть самому на заготовкахъ и при приемѣ кунленнаго лѣса, онъ сидѣлъ дома и читалъ книги. Довѣренныѣ его входили съ мужиками въ выгодныя для себя сдѣлки и принимали для хозяина негодный, нецѣпный лѣсъ за годный, за цѣнныи. Нерѣдко еще въ весенний разгаръ лѣсного дѣла у Петра случался запой; а онъ, какъ зашѣть, то, какъ говорится по пословицѣ, и ворота запреть — почти бросалъ всякое дѣло; приходилось вездѣ хлопотать женѣ, для которой вести это дѣло было не по силамъ. Почему, благодаря такому образу жизни, у Петра было много ущущеній по торговлѣ. Такъ, нѣкоторые мужички, не получая, но слушаю запоя его, иногда по полугоду расчета, перестали продавать ему свой лѣсъ и не вѣхади на заготовку лѣса изъ его дачъ. Петру, чтобы продолжать дѣло прежнимъ порядкомъ, приходилось передавать за купленный лѣсъ и за заготовку своего лишнія деньги, что неблагопріятно отражалось на его торговлѣ. Нерѣдко изъ-за

его слабости къ водочкѣ случались и несчастья: то на низкомъ берегу устроять безъ хозяйствскаго глаза свалку лѣса, и его при большой водѣ весною растащить, то онъ не позабочится своевременно о наймѣ хорошихъ лоцмановъ для провода по рѣкѣ судновъ и приходится брать неопытныхъ.. и судна садятся на берегъ, гдѣ за перегрузку и за снимку одного судна приходится тратить цѣлые сотни рублей... и много было другихъ уиущеній единственно лишь потому, что за дѣломъ не наблюдалъ хозяйствскій глазъ.

Въ мелочную же лавку онъ рѣдко заглядывалъ и совсѣмъ почти не слѣдилъ за торговлей ея. Во-время не заготовить необходимаго товару, въ бездорожицу же трудно достать его; тогда какъ люди продаютъ товаръ, наживаются деньги, а ему, за неимѣніемъ, приходится отказывать покупателямъ въ отпускѣ товара; затѣмъ, если иногда и возможно было въ худую дорогу достать товаръ, то за про-возъ его брали лишнія деньги; эти-то лишнія деньги раскладывались на покупателей: имъ ставился дороже товаръ; но покупатели были не виноваты, что онъ не позабочился о своевременной заготовкѣ товара, и шли къ другому торговцу, который имъ отпускалъ товаръ сходнѣе... И лавка Петра часто пустовала.

Петръ, какъ человѣкъ, считающій себя, въ сравненіи съ мужиками, образованнымъ, свысока смотрѣлъ на нихъ: мужички но цѣлымъ дніемъ сидѣли въ кухнѣ, прежде чѣмъ получали доступъ къ нему; этимъ-то онъ отталкивалъ покупателей и лицъ, имѣющихъ къ нему по торговлѣ дѣло.

Вездѣ, какихъ ты ни возьми покупателей, любять и сходнѣе идутъ къ тѣмъ торговцамъ, которые обходительнѣе, любезнѣе и попросту обращаются съ ними, такъ какъ каждому за свои денежки тянуться передъ торговцемъ не хочется. Поэтому они лавку Петра обходили.

Съ лѣсохранительнымъ комитетомъ подорвалось и лѣс-

ное дѣло. Петръ, хотя зналъ о введеніи въ нынѣшнемъ году лѣсоохранительного комитета, но понадѣялся на авось, и по примѣру прежнихъ лѣтъ навыдавалъ крестьянамъ задатки въ счетъ поставки и вывозкѣ лѣса изъ его дачъ. Только что по установившейся дорогѣ крестьяне хотѣли приступить къ заготовкѣ лѣса, какъ вышелъ отъ полиціи строгій приказъ, чтобы, не раздѣливъ дачи на участки, ихъ не рубить.

Никто своевременно не позаботился, чтобы въ виду введенія лѣсоохранительного комитета, размежевать дачи на участки; рубить ихъ надо—лѣсное дѣло составляетъ главный для мѣстности заработокъ, а рубить нельзя. Наші мелкіе торговцы и мужики и носы новѣсили. Богатые же кутицы тѣ не растерялись: у каждого крупнаго лѣсопромышленника имѣлось много большихъ дачъ; они, для отвода глазъ, распустили слухъ, что имъ разрѣшено сплошь рубить одну дачу, если по общей сложности дача она составляетъ то количество десятинъ, которое приходится на вырубку въ нынѣшнемъ году.

За неимѣніемъ нигдѣ работъ цѣлыми вереницами потянулись къ нимъ мужики на заработки, и дешевой цѣнѣ нанимались на заготовкахъ лѣса... и съ введеніемъ лѣсоохранительного комитета лучшихъ дачъ нашихъ крупныхъ лѣсопромышленниковъ какъ не бывало.

Мелкіе торговцы и мужики вырубали сначала буреломникъ, выгребая его изъ глубокаго снѣга: но смотрѣли, смотрѣли, какъ валить лѣсъ крупные владѣльцы лѣсовъ и сказали: „и наша рука не щербата“... и съ ожесточеніемъ начали валить лѣсъ, словно стараясь наверстать напрасно потерянное время. И въ концѣ зимы пошла прежняя опустошительная рубка лѣса...

Но это только было въ первый годъ, а потомъ уже обѣ охраненіи лѣсовъ примутся болѣе положительныя мѣры, и дѣло лѣсопромышленниковъ будетъ поставлено въ очень тѣсные рамки, гдѣ не схватишь огромныхъ барышей.

Въ первое время Семеномъ было открыто много кабаковъ, а Петромъ—мелочныхъ лавокъ въ окрестныхъ волостяхъ; эти кабаки и мелочныя лавки сначала давали имъ хороший доходъ; но потомъ у нихъ все дѣло стали портить приказчики: нобудеть приказчикъ на службѣ съ полгода, много съ годъ, смотришь—при учетѣ у него и не хватаетъ иногда сотни, иногда и болѣе; растрата денегъ приказчиками стала поглощать не только всѣ барыши хозяевъ, но даже прихватывала ихъ основной капиталъ, почему они и стали сокращать количество кабаковъ и мелочныхъ лавокъ.

Введеніе казенной продажи вина окончательно зарѣшило винное дѣло нашихъ торговцевъ, а продажа мелочного и мануфактурного товара, въ сравненіи съ прежними барышами, давала торговцамъ одни пустяки.

Но всего же тяжелѣе начала отражаться на торговлѣ честность и имущественное положеніе мужиковъ. Тогда какъ прежде мужичкамъ въ счетъ уплаты за покупку и за заготовку лѣса и поставку молока выдавались впередъ деньги наличными или товаромъ только на одно честное слово, которое нарушать они считали позоромъ и слово свое почти всегда исполняли, теперь же они обѣднѣли, главное же причинѣ раздѣла одной и той же земли съ увеличеніемъ населенія,—то ихъ стала затягивать нужда и бѣдность, почему они волей-неволей стали нерѣдко нарушать заключенные съ торговцами словесные договоры: не исполняли обѣщанныхъ подрядовъ поставки лѣса и молока, не зарабатывали на заготовкахъ у торговцевъ забранныхъ внеродъ денегъ и не платили за взятый въ долгъ товаръ. Мужики, задолжавъ у одного и, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, шли зарабатывать деньги къ тому торговцу, которому они не должны и который, слѣдовательно, не засчитаетъ заработанныхъ денегъ въ уплату долга—выдастъ имъ на руки; а этими деньгами уплатятъ они подати, изъ-за которыхъ

недоимщикамъ нерѣдко приходится сидѣть подъ арестомъ; на оставшихся отъ уплаты податей деньги, другимъ еще приходится купить хлѣба, въ чмъ имѣется у многихъ нерѣдко съ половины года крайняя нужда.

Торговцы же, наученные горькимъ опытомъ, какъ рискованно вѣрить деньги и товаръ мужикамъ на одно слово, стали брать съ нихъ условія, росписки и векселя; но и это почти никакъ не приносило пользы торговлѣ: если кото-рый мужикъ честный и пужда не забываетъ его, то для него и слово дороже документа, а для другихъ же мужиковъ оказались документы никуда негодными.

За неуплатой должниками торговцу денегъ, ему приходилось предъявлять документы ко изысканію земскимъ начальникамъ и волостнымъ судамъ, тратить деньги на пошлины, за написаніе ирошеній и самому таскаться по судамъ, такъ какъ не только вблизи но, даже во всемъ ихъ уѣздѣ не было ни одного частнаго новѣреніаго, которому бы можно было поручить веденіе дѣлъ; для торговца—время дорого, а тутъ нужно, расходуя на поездки деньги, торчать въ судахъ цѣлые дни: у земскихъ начальниковъ заочныхъ рѣшеній для истца не допускается.

Земскіе, удовлетворяя иски торговцевъ, присуждали имъ пошлины и пустяки за веденіе дѣлъ—по четвертаку, по полтиннику, а очень рѣдко по рублю и болѣе; въ волостныхъ же судахъ присужденіе за веденіе дѣлъ издержекъ даже совсѣмъ не практикуется. При полученіи исполнительныхъ листовъ у торговцевъ уже ощущался убытокъ отъ того, что они во время нужды ссудили мужиковъ деньгами и товаромъ, такъ какъ, что имъ присуждено по документамъ, судебныхъ и за веденіе дѣлъ издержекъ, нерѣдко они сами болѣе дали, израсходовали за написаніе ирошеній и при поездкахъ по дѣламъ.

Мало этого, исполнительные листы нужно предъявлять волостному старшинѣ, или становому или судебному приставу

для требованія съ должниковъ денегъ, описи и продажи ихъ имущества. А такъ какъ на практикѣ оказывалось, что старшины держали у себя исполнительные листы безъ всякаго движенія по нѣскольку лѣтъ и мало обращали вниманія на ионужденія земскихъ начальниковъ, да къ тому же неумѣло, а отчасти по домашнему обращались при описи имѣній, то имъ передавать исполнительные листы для взысканія было совсѣмъ не для чего—развѣ большую частью для одной потери времени, то волей-не-волей чаще приходилось имѣть дѣло съ приставами, которымъ надо платить иногда довольно порядочныя, за дальностью разстоянія, прогонныя и суточныя деньги на сго поѣздки: для врученія повѣстки, для описи и продажи имѣнія.

При описи, до надѣльныхъ земель нашихъ крестьянъ касаться нельзя; а такъ какъ иски большую частью небольшие, то и къ купленной землѣ не приступить: если взысканіе меныше пятидесяти рублей, то недвижимое имущество на удовлетвореніе долга нельзя назначить въ продажу.

Приходится описывать только движимое. Здѣсь опять нельзя продать „необходимую принадлежность крестьянского хозяйства“: лошадь, корову, соху, сбрую и хлѣбъ для продовольствія семьи на цѣлый годъ. А такъ какъ слова—„необходимая принадлежность крестьянского хозяйства“—крайне растяжимы, то сельскіе старости не дозволяли продавать большую часть описанного имущества: иначе произойдетъ разстройство крестьянского быта.

Если какое имущество должниковъ и поступало въ продажу, то вырученныя деньги шли прежде всего на уплату податей, а кредиторамъ иногда не приходилось для уплаты ихъ долга даже ни одного гроша.

На дѣлѣ и выходитъ: торговцамъ, вмѣсто того, чтобы получать съ должниковъ собственныя деньги, приходится еще иногда наставлять другія свои. Это, конечно, каждому не совсѣмъ пріятно.

Торговцы, наученные горькимъ опытомъ, какъ трудно, при тешеренемъ положеніи крестьянъ, получать съ нихъ деньги, и такъ какъ и безъ того уже у каждого изъ нихъ пронадаются за крестьянами большія суммы—нерѣдко весь долгъ за ними они исчисляютъ въ нѣсколько тысячи рублей,—то торговцы нашли: гораздо выгоднѣе и полезнѣе для нихъ—по меныше оборотъ торговли вести, да лучше крестьянамъ въ долгъ ни гроша не вѣрить.

И кредитъ для нашихъ крестьянъ у торговцевъ въ настоящее время почти совсѣмъ закрылся, что неблагопріято отразилось на жизни торговцевъ и крестьянъ.

Теперь случись у крестьянина сильная нужда въ деньгахъ на подати, на хлѣбъ—взять негдѣ, нужно продавать за безцѣнокъ имущество, чтобы послѣ дорогой цѣной его опять же покупать, гдѣ приходится крестьянину терпѣть большия убытки, отчего нерѣдко и сильно бѣдствовать. Безъ кредита же, у торговцевъ оборотъ торговли значительно уменьшился, почему и торговля стала имъ приносить уже не прежній доходъ—значительно меныше.

Между тѣмъ, какъ прибыль отъ торговли все уменьшалась и уменьшалась, расходъ же на домашнюю жизнь у Синюшиныхъ не сокращался, напротивъ, даже съ возрастомъ дѣтей у нихъ расходъ увеличивался, уже два сына Семена и одинъ Петра учились въ гимназіи, находившейся въ губернскомъ городѣ въ ста восьмидесяти верстахъ отъ ихъ деревни. Содержаніе каждого сына съ дорогами, гдѣ приходилосьѣхать на лошадяхъ, имъ стоило рублей двѣсти въ годъ, которые были очень чувствительны для нихъ.

Только можно было приписать честь въ экономіи женамъ обоихъ Синюшиныхъ. Это были умныя, симпатичныя, радушныя хозяйки; въ обыденной жизни они вели себя очень просто: одѣвались скромно, по возможности все дѣлали сами: обряжались около печки—некли, варили, нерѣдко сами мыли полы и стирали.

Несмотря на то, что ихъ мужья, въ поездкахъ своихъ по городамъ, отличались не очень скромнымъ поведеніемъ, но ихъ жены, виолиѣто можно сказать, въ семейной жизни отличались безупречностью и были очень хорошия домовитыя хозяйки, всецѣло поглощенные дѣтьми, хозяйствомъ и торговлей, гдѣ мужьямъ они были очень хорошия помощницы.

Но ихъ экономія, въ сравненіи съ широкой жизнью мужей, была незначительна и особенно не вліяла на сокращеніе расходовъ, которые не сходились съ приходомъ, по чему обоимъ Синюшинымъ приходилось иногда прихватывать на расходы нерѣдко основного капитала, что не предѣщало впереди ничего хорошаго.

Природная русская смекалка и изворотливость въ дѣлахъ и здѣсь выручили нашихъ торговцевъ: они увидали, что вести прежній способъ торговли нельзя, то стали примѣняться къ настоящей жизни и пріискивать новыя предпріятія, которыхъ давали бы имъ вѣрный доходъ.

VII.

Покамѣстъ все дѣло у Синюшиныхъ основано главнымъ образомъ на торговлѣ мелочнымъ и мануфактурнымъ товаромъ; они крѣпко держались за это дѣло, дававшее имъ кусокъ хлѣба, и между ними и Юрковымъ шла изъ-за волостного правленія и фельдшерскаго пункта ожесточенная борьба, въ основѣ которой лежала торговля.

Опытный и расчетливый Юрковъ уже утянуулъ къ себѣ въ деревню Блиново камеру земскаго начальника, находившуюся ранѣе въ деревнѣ Доръ, гдѣ жили Синюшины. Для этого онъ воспользовался удобнымъ случаемъ.

Въ одно время смѣнился земскій начальникъ и хозяевамъ не заплатилъ за квартиру. Хозяева уже новаго не стали пускать къ себѣ въ домъ: они рады были, что изба-

вились отъ стараго, который имъ за квартиру не платилъ, не считалъ ихъ за хозяевъ и распоряжался домомъ по своему усмотрѣнію. Другой подходящей квартиры для земскаго въ деревнѣ не оказалось... и услугливый Юрковъ, самъ поселившись внизу, предложилъ ему верхъ своего дома—очень удобное помѣщеніе какъ для камеры земскаго, такъ и для его квартиры. Земскій, отчасти задѣтый за живое, что во всей деревнѣ Доръ, очень большой, не оказывалось ему помѣщенія, былъ радъ предложенной Юрковымъ квартирѣ, и поселился въ его домѣ.

Тогда только поняли Синюшины, какую они сдѣлали глупость: къ земскому въ ихъ деревню изъ нѣсколькихъ волостей приходило много народу и покупали у нихъ товаръ; съ переводомъ же камеры они этихъ покупателей лишились. Теперь близокъ локоть, да его не укусишь.

А нашъ Юрковъ торжествовалъ: онъ уже на своеи карманѣ испытывалъ, какую онъ ловкую штуку удралъ—у него появились новые покупатели, которые много товару разносили домой, да вдобавокъ, имъ иногда приходилось дежурить у земскаго цѣлый день, то ихъ разбиралъ голодъ, они покупали у Юркова сѣстнаго. И ссыались въ карманъ Юркова, сверхъ прежней смѣты, новые доходы. Онъ отъ удовольствія потиралъ руки, да радовался, что у него съ каждой недѣлѣй повышается доходъ. Братья Синюшины смотрѣли на его торговлю, да только облизывались.

Видѣть Юрковъ, какую онъ пользу себѣ пріобрѣлъ съ переводомъ земскаго, сталъ подумывать, какъ бы перетянуть къ себѣ изъ деревни Доръ и фельдшерскій пунктъ, и волостное правленіе.

Зная, что помѣщеніе для пункта изъ не совсѣмъ удобныхъ—не сегодня, такъ завтра придется перемѣнить квартиру,—Юрковъ, находясь вдвоемъ въ его домѣ, спросилъ фельдшера, своего пріятеля, какъ бы устроить, чтобы пунктъ перевести въ его деревню. Если фельдшеръ это сдѣлаетъ,

то онъ обѣщалъ ему вѣчную свою дружбу и не оставаться никогда въ долгу.

Фельдшеръ былъ уже не молодой, семейный, иужда забывала его, а при нуждѣ его часто не оставлялъ Юрковъ ссужая въ долгъ товаромъ, а иногда и деньгами, то онъ старался отплатить добромъ своему благодѣтелю. Не задумываясь долго, онъ сказалъ:

— О, парень, это больно просто сдѣлать.

— Какъ же?

— Я сообщу управѣ, что помѣщеніе для пункта неудобно въ санитарномъ отношеніи, такъ какъ приемная комната отдѣляется отъ жилого помѣщенія, гдѣ обитаетъ дьяконъ со своей семьей, одной тесовой перегородкою, то семья дьякона можетъ заразиться отъ больныхъ, да и ребятишки дьякона мнѣ сильно мѣшаютъ: иногда нужно выслушать больного, а они кричать, пищать, ревутъ что есть духу, такъ что иногда подумаешь выслушать больного, да такъ и отдумаешь. Главное же, домъ подъ пунктомъ старый, еще выстроенъ при царѣ Горохѣ, а такъ какъ онъ церковный—присмотру и ремонту ему нѣтъ, то онъ грозить еще опасностью: того гляди, что всѣхъ задавить.

— Ты устрой это, пожалуйста, я тебя поблагодарю.

— Ничего мнѣ отъ тебя не надо—я и старымъ доволенъ; когда ни заѣдешь къ тебѣ—принимаешь меня какъ родного и угощаешь ровно зятя своего.

— Положимъ и угостить тебя слѣдуетъ: у меня куча ребятишекъ—часто не тотъ такъ другой хвораетъ, да самому и женѣ иногда не поздоровится—и посылаешь лошадь за тобой. А ты, если возможно, никогда не отказываешься навѣстить меня.

— Наша служба такая: зовутъ—пойзжай.

— Я еще спрошу тебя насчетъ перевода пункта: чтобы перевести его изъ одной деревни въ другую вѣдь надо причины.

— Первая причина и есть, что при деревнѣ Доръ нѣтъ удобной для пункта квартиры... Да вѣдь, парень и у васъ въ деревнѣ не найдется для пункта подходящаго дома.

— О, обѣ этомъ разговаривать не стоитъ: если бы управа согласилась перевести сюда пунктъ, то я выстроилъ бы нодъ пунктъ прекрасное помѣщеніе.

— Да цѣну-то за помѣщеніе земство болѣно дешеву даетъ—только восемьдесятъ рублей въ годъ.

— Это ничего, и за эту плату можно сдавать для пункта помѣщеніе—и восемьдесятъ рублей деньги. Но вотъ еще дѣло въ чемъ: Синюшины конечно не захотятъ, чтобы отъ нихъ перевели пунктъ—это для нихъ будетъ невыгодно, да и обращаться за леченіемъ за пять верстъ, не совсѣмъ удобно, то они постараются помѣшать переводу: предложить выстроить отъ себя новое помѣщеніе.

— У насъ есть другая причина, по которой земское собраніе переведетъ пунктъ къ тебѣ: большая часть населенія нашего пункта находится ближе къ тебѣ, чѣмъ къ деревнѣ Доръ, такъ что для населенія пункта въ общемъ будетъ гораздо ближе обращаться въ пунктъ, если большая часть населенія будетъ вкругъ него. Я представлю, черезъ врача, къ собранію свой отчетъ, въ которомъ прямо выскажу, что дальнѣйшее пребываніе пункта въ церковномъ домѣ совсѣмъ невозможно, а ты къ тому времени предложь выстроить для пункта удобное помѣщеніе.

— Идетъ. Дѣло кончено. Начнемъ-ка мы въ добрый часъ орудовать; авось и наша выналить. А теперь съ началомъ дѣла мы выньемъ съ тобой по рюмочкѣ.

Юрковъ притащилъ бутылочку столовой и сталъ съ фельдшеромъ, разсуждая еще о переводѣ, опорожнивать ее.

Фельдшеръ составилъ отчетъ и высказалъ въ немъ, что въ церковномъ домѣ оставаться болѣе нельзя. Отчетъ онъ послалъ врачу. Врачъ прѣхалъ на сходъ волости, гдѣ находился пунктъ и заявилъ, что если сходъ не найдетъ удоб-

наго помѣщенія для пункта, то пунктъ перенесутъ въ другую волость. Крестьянинъ Кириковъ предложилъ подъ пунктъ въ даръ земли, а Дорковъ обѣщаъ выстроить на ней домъ, такъ какъ мѣсто находилось вблизи его дома.

По порученію уравы врачъ съ членомъ уравы, земскимъ и старшиной осматривали мѣсто, предлагаемое Кириковымъ и нашли это мѣсто болѣе удобнымъ для пользованія пунктомъ, съ чѣмъ согласилось земское собраніе и постановило пунктъ перенести на землю Кирикова, находящуюся вблизи деревни Блиново.

Но документовъ на эту землю у Кирикова не оказалось, въ скоромъ времени онъ достать не могъ, а между тѣмъ подоспѣло слѣдующее земское собраніе. Составъ гласныхъ перемѣнился—въ него вошли оба брата Синюшина. Петръ Синюшинъ прочиталъ собранію заявленіе, въ которомъ высказалъ, что пунктъ находится при ихъ деревнѣ много лѣтъ, что какъ самое мѣсто, такъ и помѣщеніе для пользованія пунктомъ удобны, что въ деревнѣ можно найти и другое помѣщеніе, что земля, предлагаемая Кириковымъ, болотистая, никуда негодная, почему и не представляется необходимости въ переводе пункта. Семенъ же Синюшинъ заявилъ собранію, что онъ выстроить подъ пунктъ удобное помѣщеніе. Собрание согласилось съ докладомъ Петра Синюшина и фельдшерской пунктъ оставилъ при деревнѣ Доръ.

Кириковъ подалъ слѣдующему собранію заявленіе, въ которомъ высказалъ между прочимъ: „земля, предлагаемая имъ подъ пунктъ, не „болотистая“, какъ выразился въ своемъ заявленіи Петръ Синюшинъ, а удобная, что удостовѣрено актомъ члена и врача, что Синюшинъ говорилъ собранію „видимо безъ присяги, въ свою пользу, а не общественную, что онъ лгалъ“.

Семенъ Синюшинъ строилъ домъ подъ пунктъ, но постройкой увлекся, выстроилъ какой-то дачный домъ, не приоровленный подъ пунктъ и стоившій ему очень дорого,

такъ что отдавать его въ аренду подъ пунктъ за восемь-десять рублей въ годъ, ему было жалко.

Осматривать помѣщеніе приѣжалъ членъ управы, смѣнившій составлявшаго актъ о землѣ Кирикова. Онъ, нашелъ, что церковный домъ, гдѣ помѣщается пунктъ, теперь ремонтированный, гораздо удобнѣе для пункта чѣмъ домъ, предлагаемый Синюшиномъ, и что церковное попечительство обѣщается въ слѣдующемъ году, какъ будетъ заключенъ на наемъ новый контрактъ, сдѣлать въ домѣ существенный ремонтъ, что дьяконъ съ семьей уже выѣхалъ и теперь весь домъ занимаетъ пунктъ, почему онъ находить удобнѣе нунктъ оставить въ прежнемъ домѣ. Собраніе согласилось съ нимъ и пунктъ оставило въ церковномъ домѣ. Всѣ хлопоты о переводѣ пункта были совсѣмъ ни къ чему.

Въ этой кашѣ пострадалъ только фельдшеръ со своей многолюдной семьей. Онъ служилъ въ этомъ земствѣ фельдшеромъ много лѣтъ, едва ли не болѣе двадцати, и на службѣ потерялъ все свое здоровье; но у него была слабость къ водочкѣ; при ней онъ иногда небрежно относился къ своей службѣ. Когда было со всѣми по согласью, то всѣ его упущенія по службѣ сходили ему съ рукъ. Но братья Синюшины провѣдали, что фельдшеръ отчасти настроилъ Юркова, какъ повести дѣло, чтобы перетянуть къ себѣ пунктъ, и самъ помогалъ ему въ достижениѣ этого—они, пользуясь его слабостью къ водочкѣ и упущеніямъ по службѣ, стали сживать его съ мѣста. Сами они и по ихъ настроенію мужики подавали врачу и земской управѣ жалобы на фельдшера, и фельдшеръ отъ службы былъ уволенъ.

Видѣть Юрковъ, что эта затѣя его не удалась; но онъ не отставалъ отъ мысли перевести къ себѣ волостное управлѣніе, которое находилось на краю волости, и его деревня была болѣе центральная. Земскій, какъ жившій съ нимъ въ ладахъ, стоялъ за переводѣ управлѣнія.

По этому вопросу сбирался и бѣсколько разъ волостной сходъ; но чтобы иеревести иправлениѣ, требовалось согласіе двухъ третей участвующихъ на сходѣ лицъ, на бѣду Юркова до двухъ третей не хватало двухъ лицъ, а приговоръ все-таки былъ составленъ и отправленъ земскому. Земскій приговоръ съ своимъ заключеніемъ, что онъ находитъ болѣе полезнымъ для волости перенести иправление въ деревню Блиново, направилъ въ уѣздный сѣѣздъ, а послѣдній въ губернское присутствіе. Губернское присутствіе постановило оставить иправление на прежнемъ мѣстѣ, хотя Юрко съ предлагалъ подъ иправление новый обширный домъ, но съ тѣмъ, чтобы старый домъ поступилъ въ его пользу.

Къ довершению всѣхъ этихъ шевзгодъ, въ мѣстной газетѣ появилась сказка подъ названіемъ Юрко разбойниѣ, гдѣ подъ видомъ сказочки выводится Юрковъ въ очень не-приглядномъ видѣ: и воръ, и илутъ, и кулакъ и т. д., гдѣ къ правдѣ примѣшана была и неправда.

Сказку эту всѣмъ распространялъ Семенъ Сплюшинъ, своимъ мужикамъ показывалъ и прочитывалъ ее, говоря, что все, что написано тутъ, разказано про Юркова. Молва о такой сказкѣ быстро распространилась по мѣстности и дошла до самого Юркова, которого такъ она поразила, что, прочитавъ ее, онъ совсѣмъ потерялъ голову—бродилъ какъ самъ не свой и нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Составителемъ этой сказки онъ безусловно считалъ Петра Сплюшина который и раньше писывалъ корреспонденціи въ газетахъ, а на Юркова изъ-за торговли давно ужъ грызъ свои зубы. До того сказочка возмутила Юркова, что его голова постоянно была занята ею.

Кто ни придетъ къ нему, онъ всегда первый заведетъ разговоръ о сказочкѣ, и все время толкуетъ обѣ ней, такъ что своей сказкой даже надѣстъ посѣтителю.

И теперь онъ сидитъ съ пріѣзжими изъ ихъ города гостемъ и обращается къ нему съ вопросомъ.

— Вы читали про меня сказочку?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ гость, — не слыхалъ даже о существованіи такой сказочки.

— Не слыхали, такъ я вамъ сейчасъ принесу газетку, гдѣ напечатана сказочка; вы ее прочитайте.

Черезъ нѣсколько времени онъ являлся съ газетой въ рукахъ, и сказочка прочитывалась отъ начала до конца.

— Скажите, пожалуйста, — возмущался Борковъ, — какая низость, какая подлость напечатана тутъ! Кто же думаете писалъ сказочку.

— Не знаю кто.

— Кто же какъ не Петръ Синюшинъ: онъ самъ подлый человѣкъ, то думаетъ, что все люди таковы... Нѣтъ, братъ, онъ не на того нацалъ, я такъ съ нимъ не разстанусь: не я буду, если его, мошенника, въ тюрьму не упрячу. Что я ему худого сдѣлалъ, за что онъ меня такъ изорить? Что я за разбойникъ, за воръ такой: что я кого убилъ, ограбилъ, или у кого укралъ! Вотъ непремѣнно пойду въ городъ, пайму адвоката и стану привлекать его къ отвѣтственности. Какъ посидитъ въ тюрьмѣ, такъ впередъ не будетъ марать иправыхъ людей.

— Не стоитъ вамъ заводить дѣло, — разговаривалъ его гость, — все равно изъ этого ничего не выйдетъ, а только еще болѣе вы ославите себя. Редакторъ — можетъ быть не выдастъ автора сказочки: примѣтъ обвиненіе на себя; если редактора и обвинять въ оскорблѣніи васъ, то вы лично не будете удовлетворены: главный вашъ врагъ остается въ сторонѣ. Но дѣло-то въ томъ, что написана сказочка, которую вы принимаете на свой счетъ, поэтому авторъ можетъ отпереться, что онъ совсѣмъ писалъ не про васъ, а если нѣкоторые факты подходитъ къ вамъ, то скажетъ, что онъ въ этомъ не виноватъ.

— Да какъ же написано не про меня, если тѣ же братья Синюшины, навязывая всѣмъ газету, говорить: „про-

читайте, тутъ напечатано про нашего Юркова". Ясно дѣло—сказка написана про меня.

— Вы сами болѣе всѣхъ распространяете эту сказку, а не Синюшины. Кто ни придетъ къ вамъ—вы всѣмъ рассказываете про нее и даете читать. Кто про нее даже и не слыхалъ, а отъ вѣдь узнаетъ, что сказка написана про васъ, такъ какъ вы сами обращаетесь къ каждому со словами: „знаете ли что подлецъ, Петръ Синюшинъ, написалъ про меня".... Вамъ бы лучше сидѣть, да молчать, не обращая вниманія ни на какія сказки и разговоры: тогда ноговорятъ, да видя, что ихъ разговоры для васъ ни къ чему, скорѣе отстанутъ. А если коснется дѣло до сказки, то отнѣкнитесь тѣмъ, что мало-ли что въ сказкахъ пишется, да какъ все принимать на свой счетъ и изъ-за этого распространяться — то покорно благодарю. Съ судомъ же свяжитесь—прямо выдадите себя, скажете публично, что сказка написана про васъ. Будутъ у васъ съ судомъ одни расходы, заботы, непріятности, да еще та же газета надѣ вами разсмѣется, что была написана сказка, а вы принимаете ее на свой счетъ. Да и положеніе ваше на судѣ будетъ очень непріятное: въ одно и то же время нужно доказывать, что сказка относится къ вамъ и что въ ней написана неправда—одно съ другимъ не очень совмѣстимо.

— Нѣтъ, ужъ какъ вы хотите, а я отъ сказочника такъ не отстутилюсь: лучше ужъ совсѣмъ осрамлюсь, да съ подлецомъ посужусь и покажу ему, какъ порочить правыхъ людей. Посудите сами: легко ли мнѣ переносить, если дѣтямъ моимъ ребятишки не даютъ проходу — только и дразнить: „Юрко разбойникъ, да Юрко разбойникъ".... Да что я за разбойникъ такой!.. помилуйте, пожалуйста.

Видя, что Юрковъ нравственно сильно потрясенъ сказкой и что единственный исходъ выйти изъ этого угнетеннаго положенія, есть только тотъ или другой результатъ суда, гость не сталъ болѣе возражать ему.

— Первое время, проложалъ Юрковъ,—у меня бродила мысль: встрѣтить гдѣ-нибудь Петра Синюшина и публично залѣнить ему по мордѣ, по крайней мѣрѣ—иа, получиль и отъ меня награду. До того у меня иакинѣло на душѣ, что разъ я, встрѣтившись съ нимъ въ гостиницѣ, едва удержался, чтобы не ударить его; по потомъ раздумалъ: не стонть для подлеца рукъ марать—лучше я съ нимъ по закону судомъ раздѣлаюсь.

— Вы напрасно такъ близко принимаете къ сердцу эту сказку,—утѣшалъ гость,—пишутъ вѣдь въ газетахъ и про хорошихъ лицъ—но они не обращаютъ на корреспонденціи никакого вниманія, и нисколько не оскорбляются, что они иногда выставлены въ не очень красивомъ видѣ.

А вамъ-то особенно тревожиться не зачѣмъ: вы отъ сказки ничего не теряете—были крестьяниномъ, крестьяниномъ и останетесь—никто васъ не разжалуетъ.

— Неужели вы думаете, что мужикъ не можетъ оскорбляться, какъ его ни позорь? Вѣдь онъ такой же человѣкъ какъ и весь другіе. Зачѣмъ безъ причины марать его доброе имя, если онъ того не заслуживаетъ? Если бы написали про меня все правду, то я не сталъ бы оскорбляться: напели небылицы въ лицахъ и нося ихъ за бархать; я и долженъ изъ-за лжи переносить, не обижаясь, насмѣшки, различныя оскорблінія—покорно благодарю. Вѣдь все это возмущаетъ душу: не можно хладнокровно молчать, если тебѣ илюютъ безъ причины въ лицо, а другое слово хуже илевка и надо молчать? Нѣтъ, съ этимъ я не согласенъ съ вами. Мнѣ хочется возстановить свое доброе имя, такъ жестоко поизранное и наказать моихъ враговъ, чтобы они виредъ напрасно не позорили меня.

VIII.

Вскорѣ Юрковъ уѣхалъ въ городъ, порядилъ за двѣсти рублей присяжнаго новѣренаго вести это дѣло и въ задатокъ далъ ему пятьдесятъ рублей.

Повѣренный просилъ редакцію открыть автора сказочки, въ чемъ ему редакція отказала. Онъ сталъ требовать съ Юркова за веденіе дѣла и остальные сто пятьдесятъ рублей. Юрковъ соглашался уплатить эти деньги лишь тогда, когда онъ проведетъ до конца дѣло. Повѣренный отъ веденія дѣла отказался, а за пятьдесятъ рублей вручилъ своиму клиенту только одно черновое прошеніе.

Юрковъ переписалъ это прошеніе, подалъ въ окружный судъ свою просьбу, въ которой обвинялъ редактора газеты, гдѣ помѣщена сказка, въ диффамаціи, и въ доказательство того, что сказка написана про него, въ числѣ свидѣтелей выставилъ Кирикова. Кириковъ показалъ, что услышавши, какъ „отчокали“ Юркова въ газетѣ, онъ прочелъ ее и убѣдился, что дѣйствительно сказка похожа на него; что Юрковъ открылъ въ ихъ мѣстности торговлю, послѣ чего дѣла у другихъ торговцевъ пошли тише, на что сердились торговцы Синюшины, недовольные стараніемъ Юркова перевести волостное правленіе въ свой домъ.

Со стороны Юркова на судѣ обвинялъ еще молодой помощникъ присяжного повѣренного, который очень умно развилъ предъ судомъ угнетенное душевное состояніе отъ сказки своего потерпѣвшаго. До того трогательна была его рѣчь, что Юрковъ даже прослезился.

Судъ вошелъ въ его положеніе, призналъ редактора пыновымъ и подвергнулъ за оскорблѣніе Юркова, штрафу въ размѣрѣ ста рублей.

Юрковъ не зналъ даже какъ нарадоваться, что онъ выигралъ это дѣло.

Въ избыткѣ своихъ чувствъ, онъ купилъ на память граммофонъ и выбралъ первую же духовную пьесу: „Къ Тебѣ, Богородице, прилежно нынѣ притецемъ и грѣшніи смиренно принаDEMЪ“, а потомъ ужъ взялъ и повеселѣ: „Ахъ вы, сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои“. Каждаго гостя, каждого покупателя, онъ тащилъ къ себѣ слушать граммофонъ. Му-

жики удивлялись, что машина такъ можетъ говорить; они ранѣе даже не слыхали о существованіи такой чудной машины и она имъ была въ диковинку.

Непродолжительна была радость Юркова: одна за другой появилась корреспонденціи въ газетѣ, съ редакторомъ которой онъ судился. Въ корреспонденціяхъ совсѣмъ втаивали его въ грязь; писали, что онъ не возстановилъ своей чести, такъ какъ обвинялъ редактора не въ клеветѣ, а въ диффамаціи; что онъ поставилъ себя въ очень смѣшное положеніе, публично высказавъ, что герой сказки является онъ; что онъ на судѣ доказывалъ, что сказка относится къ нему и что въ ней написана иенправда; что первое впечатлѣніе отъ чтенія сказки, автора корреспонденціи было очень скверное: „И родится же на святорусской землѣ такой кровопіїца, — писалъ онъ о своемъ впечатлѣніи во время чтенія сказки объ Юрко разбойнику. — „Когда мало искушенный въ мошенничествѣ Юрко разбойникъ, на ходу рассказа, чуть было не попалъ на скамью подсудимыхъ за неловко выполненную коммерческую операцию по покупкѣ краденаго лѣса, у меня даже на душѣ отлегло. На минуту даже воскресла вѣра въ торжество иправды здѣсь на землѣ. Но хитрый сказочникъ, лѣтонисецъ Юркинскихъ подвиговъ, не оправдалъ моей надежды. Онъ заставилъ захолустнаго пака поплатиться только слабой денежной контрибуціей въ пользу обокраденаго лѣсовладѣльца. Дальнѣйшая біографія Юрки — разбойника, разсказанная сказочникомъ въ двухъ номерахъ газеты, носила всѣ черты полнаго разбойничьяго тріумфа, который я считалъ за лично мнѣ нанесенное оскорблениe. Только на одну минуту я почувствовалъ маленькое удовлетвореніе, когда какой-то ныненѣкій изъ знакомыхъ юркиныхъ господъ сдѣлалъ ему дружеское внушеніе: „и жуликъ же ты Юрко, какихъ мало, прямо 96-й пробы“. Юрко злобно смѣялся на эту пріятельскую характеристику.

Когда я кончилъ чтеніе юркиной біографіи, помѣстившейся всего въ двухъ газетныхъ фельетонахъ, мнѣ казалось, что Юрко, красный отъ выпитой человѣческой крови, все растетъ и растетъ. Казалось, онъ покрылъ собою тихій, беззащитный медвѣжій уголъ. Онъ „слоилъ“ всю округу, какъ можетъ „все слопать“ только русскій ненасытный кулакъ, округляющій свое состояніе. Словомъ, фигура Юрки—разбойника выростала въ воображеніи до размѣровъ настоящаго сказочнаго чудовища, побѣдоносно уничтожающаго въ своемъ торжественномъ шествіи все живое. Юрко дѣйствительно превращался въ безспорнаго героя нашего времени.

Почти черезъ годъ послѣ прочтенія біографіи сказочнаго разбойника Юрки—Юрковъ разочаровалъ меня на судѣ. Съ подкупившей меня смѣлостью онъ утверждалъ, что Юрко—разбойникъ совсѣмъ не сказочный герой, а онъ самъ Юрковъ, торговецъ, нокунавшій товары „въ лучшемъ изъ городовъ Россіи—Москвѣ“. Чтобы установить несомнѣнное сходство между фантастическимъ разбойникомъ Юркомъ и реальнымъ Юрковымъ, по желанію послѣдняго, былъ вызванъ и допрошенъ рядъ свидѣтелей. Каждое, въ общемъ блѣдное, свидѣтельское показаніе направлялось къ двумъ мало совмѣстимымъ цѣлямъ: во-первыхъ, доказать, что Юрко—разбойникъ есть Юрковъ, и во-вторыхъ, убѣдить, что Юрковъ совсѣмъ не Юрко разбойникъ... и вообще Юркова позорили такъ, какъ только можетъ опозорить задѣгая за амбицію редакція, а особенно еще имѣвшая въ виду и материальныя выгоды: это дѣло интересовало мѣстныхъ жителей,— то они нарасхватъ покупали тѣ номера, въ которыхъ появлялась корреспонденція объ Юрковѣ, почему редакція до надоѣдливости иезаинтересованнымъ подписчикамъ, не читая одну за другой статью, грязнила Юркова, забывъ, что для нея это только очень интересно, гдѣ она старается показать, что она веселына, чтобы

впередъ и другой не смѣлъ влѣзть съ возстановленіемъ своей чести; что безнаказанно она можетъ порочить кого угодно, такъ какъ штрафъ для нея ничего не значить; что она не боится этого наказанія; что она окончательно понираетъ ногами своего врага; что для своего самолюбія и личныхъ видовъ, она не находить достаточнымъ, чтобы, если она видѣть въ комъ недостатки, только разъ показать ихъ тому лицу, чтобы онъ исправился; что она не стыдится, если находить въ томъ выгоды и личные интересы, довести человѣка даже до петли... Это достойно для нашихъ руководителей—духовныхъ просвѣтительныхъ организацій.

Пришибленный льющею на голову потокомъ публичною грязью, Юрковъ окончательно уиалъ духомъ, и видя, что лучше ужъ отъ крикуновъ отступиться, махнулъ на все рукою и стала жить по старому. Къ довериенію всѣхъ его невагодъ, судебная палата, отмѣнивъ приговоръ окружнаго суда по его дѣлу, редактора оправдала.

Судебное же дѣло, не считая потери времени, нравственныхъ сильныхъ потрясений и физическихъ въ дальнихъ дорогахъ лишений, вывернуло у Юркова изъ кармана цѣлыхъ пятьсотъ рублей, которые онъ сберегалъ копѣйками да рубликами; но Юрковъ теперь былъ спокойнѣе, чѣмъ до начала дѣла: онъ раскусилъ, что и за передовые люди—они не лучше и его грѣшнаго. Поэтому, изобижаться ему изъ-за каждого пустяка, не слѣдуетъ, такъ какъ въ своихъ поѣздкахъ и мытарствахъ по судебнѣмъ дѣламъ онъ насмотрѣлся и наслушался, что даже нашимъ умнымъ образованнымъ людямъ, считающимъ себя въ печати передовыми и нашими учителями, часто илюютъ, за ихъ достойнія того дѣла, въ лицо, а они—ничего: утираются платкомъ, посмѣиваются, да корчать довольную сіяющую физіономію, что они такую умную штуку отмочили, что принять даже илевокъ за это имъ ничего не стонть.

„Ну и народець,—думалъ про себя Юрковъ,—я считалъ себя ловкимъ, а они куда какъ хитрѣе и находчивѣе меня на разныя продѣлки, гдѣ видятъ они себѣ пользу“.

Въ этомъ дѣлѣ еще пришлось пострадать свидѣтелю Кирикову. Петръ Синюшинъ, разсердившись на него, что онъ пошелъ свидѣтелемъ и показывалъ въ пользу Юркова, рѣшился отомстить ему. У судебнаго слѣдователя онъ предъявилъ къ Кирикову обвиненіе въ оклеветаніи себя, какъ земскаго гласнаго, въ прошеніи, поданномъ въ земскую управу, гдѣ выразилъ, что онъ, „Синюшинъ, повидимому, не принималъ присяги, что онъ на собраніи говорилъ на свою пользу а не общественную, что онъ лгалъ“. Конечно, при другихъ бы обстоятельствахъ Синюшинъ не сталъ бы возбуждать такого пустяшнаго дѣла, такъ какъ оно не стоило выѣденнаго лѣтца, но теперь онъ хотѣлъ проучить Кирикова, какъ худо соваться въ чужія дѣла.

Домашнія Кирикова, жена и мать, узнавъ про это, заревѣли: что засадятъ его въ острогъ, что ни-за-что ни-про-что на иущее время, можетъ быть лѣтомъ, лишатся своего работника; да и самому Кирикову было больно по-зорно и обидно, почти не зная за собой никакой вины, попасть въ острогъ.

Отъ слѣдователя онъ получилъ новѣстку, которой вызывался для примиренія съ Синюшинымъ. Цѣлыхъ три дня шелъ онъ пѣшкомъ до города, расходуя трудовыя крестьянскія деньги, и намялъ ноги до кровяныхъ мозолей; но примиренія не состоялось — Синюшинъ о немъ даже не поднускалъ словъ.

Черезъ нѣсколько времени Кириковъ получилъ копію съ частной жалобы обвинителя, гдѣ предоставлялось ему право съ своей стороны выставить свидѣтелей. Онъ едва нашелъ около себя какого-то писарышка, который и составилъ ему въ судъ прошеніе о допросѣ свидѣтелей, лицъ участвующихъ въ осмотрѣ его мѣста подъ пунктъ, но не сослался,

въ доказательство чего, должны быть допрошены эти свидѣтели, почему судъ ему въ просьбѣ и отказалъ.

Такого отказа Кириковъ совсѣмъ не ожидалъ; получивъ его, онъ и голову повѣсила. Взялъ въ дорогу пироговъ и пошелъ опять въ городъ и наялъ тамъ присяжнаго повѣреннаго за семьдесятъ пять рублей защищать его, умоляя его, чтобы тотъ хотя освободилъ его отъ тюрьмы.

Повѣренный надѣялся дѣло выиграть, обѣщалъ ему, что судъ его оправдаетъ и просилъ впередъ деньги за веденіе дѣла — выиграетъ ли онъ дѣло или проиграетъ, повѣренный все равно получаетъ съ него семьдесятъ пять рублей; но только за эти деньги онъ обязанъ дѣло провести до конца. Кириковъ продалъ лошадь и корову и, явившись на судъ, вручилъ своему защитнику деньги.

Со стороны Синюшина выступалъ тоже присяжный повѣренный, который очень высоко поставилъ своего клиента, высказавъ, что Синюшинъ человѣкъ образованный, состоять членомъ въ нѣсколькихъ ученыхъ обществахъ, корреспондентомъ въ извѣстной газетѣ, и что онъ, какъ человѣкъ интеллигентный, очень чувствителенъ къ оскорблѣніямъ, поэтому онъ не можетъ оставить безъ наказанія то оскорблѣніе, которое нанесъ ему Кириковъ, — и просилъ судъ признать его виновнымъ въ клеветѣ и наказать. Защитникъ Кирикова не находилъ въ словахъ, за которыя Кириковъ подвергался отвѣтственности, никакого для Синюшина оскорблѣнія, тѣмъ болѣе, что Кириковъ человѣкъ темный, не могъ войти во всѣ тонкости содержанія своего прошенія, составленнаго не имъ же, и просилъ его оправдать. Судъ послѣ долгаго совѣщенія Кирикова оправдалъ. Тотъ, просто не чувствуя подъ собою ногъ, вышелъ изъ суда и съ радостнымъ сердцемъ покатилъ домой.

Въ числѣ пострадавшихъ въ расправѣ Юркова съ Синюшинымъ, оказались мѣстный священникъ и земскій начальникъ.

Священникъ, жившій недалеко отъ Синюшиныхъ, по слухамъ, будто бы доставлялъ ему материаль для сказки и былъ не въ ладахъ съ земскимъ, который держалъ сторону Юркова. Земскій отыскалъ за священникомъ неисправности по службѣ и сообщилъ объ нихъ владыкѣ. Владыка въ наказаніе вызвалъ его къ себѣ и заставилъ съ недѣлю исполнять церковныя службы. По отбытіи наказанія владыка спросилъ его:

— Вы слыхали басню: Лебедь, Ракъ да Щука.

— Слыхалъ, — отвѣчалъ священникъ, смекнувшій въ чомъ дѣло.

— Вотъ видите вы въ ней и сами: какъ они везли поклажу въ разныя стороны, то у нихъ возъ и не подавался впередъ, — поэтому, въ жизни вы должны исполнять свои обязанности сообща, чтобы возложенное на васъ дѣло шло дружно. Можете теперь отправляться домой.

А на дѣйствія земскаго начальника, который не отливался большою осмотрительностью, Синюшинъ сталъ косвенно, черезъ другихъ, приносить начальству жалобы. Земскому, наконецъ, надоѣли всѣ эти непріятности — онъ перепросился на другое мѣсто.

Неизвѣстно отъ какой причины волостное правленіе сгорѣло. Юрковъ предложилъ волости подъ правленіе безвозмездно неотдѣланный новый домъ съ землею къ нему съ тѣмъ, чтобы отдельку дома волость приняла на свой счетъ. Волость на этотъ даръ согласилась, тѣмъ болѣе, что на постройку зданія для волостного правленія теперь не приходилось разрубать на жителей ни одной копѣйки — на отдельку зданія хватить полученной страховой преміи. Уѣздный съѣздъ и губернское присутствіе утвердило постановленіе схода о переносѣ волостного правленія въ деревню Блиново.

Теперь Юрковъ торжествовалъ: онъ на себѣ испыталъ, какъ неудобно имѣть не подъ руками волостное правленіе,

куда съ каждымъ письмомъ нужно брести цѣлыхъ пять верстъ, да въ теченіе года и по другимъ дѣламъ нерѣдко приходится бывать въ волостиомъ правленіи, а путешествоовать каждый разъ такъ далеко—имѣеть свою пріятность. Хотя уже существуетъ казенная продажа вина, но продажа мелочного и мануфактурного товара пойдетъ лучше. „Теперь я пожалуй съ Синюшиными въ расчетѣ, думалъ Юрковъ,—они мнѣ досадили, да и меня они скоро не забудутъ — случится какая надобность въ волостиомъ правленіи — всиомнятъ меня, да и въ карманѣ многаго не досчитываются“.

IX.

Для ознакомленія съ бытомъ крестьянъ, въ той мѣстности проѣзжалъ ученый Сергѣевъ, кончившій университетъ и всю свою жизнь пробывшій въ столицѣ. Представленіе о нашемъ народѣ онъ имѣлъ почти по однѣмъ книгамъ, и ему хотѣлось видѣть жизнь народа своими глазами; особенно ему хотѣлось знать взглядъ народа на нашихъ земенитыхъ кулаковъ—міроѣдовъ, которыхъ часто выводить на свѣтъ Божій наша печать, стараясь по возможности представить ихъ въ самомъ неприглядномъ видѣ.

Нашъ ученый остановился въ деревнѣ Блиново у мужика Ивана. Радушный хозяинъ иоставилъ самоваръ и не зналъ чѣмъ угостить заѣзжаго такого гостя. За чаемъ гость иовелъ разговоръ о мѣстныхъ торговцахъ.

— Много-ли у васъ торговцевъ-то въ волости? — сиропиль онъ.

— Крупныхъ-то немногого — всего трое: нашъ Юрковъ, да братья Синюшины, а мелкихъ-то штука семь наберется.

— Хорошо-ли у нихъ идетъ торговля?

— Конечно, теперъ ужъ не то дѣло, что прежде было. Много вотъ казенка отбила у нихъ доходу — прежде вѣдь многіе разживались отъ вина, а теперъ они уже лишились

этого доходу, а отъ мелочныхъ лавокъ много барышей не схватишь. До того еще было: осенью торговцы накупятъ дѣлые амбары хлѣба и отправляютъ его весною прямо на судахъ, теперь уже покупать хлѣба для отправки стало нечего — все уходитъ для своей мѣстности; иногда еще не хватаетъ — тогда торговцы хлѣбъ привозятъ издалека, здѣсь и продаютъ... Да что и говорить, съ умомъ такъ и теперь можно торговать и кормиться. Вонъ, Синюшины, хотя и по-рядочно наживаются отъ торговли, да болѣно ужъ расхоже живутъ, то ихъ и затягаетъ не туда. Когда загуляетъ кото-рый нибудь изъ нихъ, то по сотнѣ и болѣе оставляетъ въ городѣ. Смотришь — при такой жизни иногда и приходится прихватывать отцовскихъ дѣнегъ, а это ужъ не дѣло. Да и народъ-то нынѣ болѣно изъ вѣры выбился: набрать въ долгъ хоть того болѣе набереть, а какъ придетъ время платить, то онъ нерѣдко и хвостъ покажеть; а за тѣмъ немногого и прошадеть, да за другимъ тоже самое, то у торговца-то все изъ одного кармана — и многаго не хватаетъ.

Синюшины ужъ болѣно и просты — много раздали въ долгъ товару, а собрать-то и не могутъ. Нашъ же Юрковъ какъ живеть по скучнѣе, да поменьше распускаетъ въ долгъ товаръ, то у него и барыши получаются: а стань деньгами зря сорить, то хоть того болѣе ихъ раскидаешь.

— Я думаю, что у васъ торговцевъ здѣсь не любятъ. Навѣрно смотрятъ на нась какъ на своихъ враговъ и считаютъ нась кулаками-міроѣдами, которые высасываютъ изъ крестьянъ нослѣдніе соки.

— Это ты толкуешь про нашихъ торговцевъ-то — Юркова и Синюшиныхъ? Что ты — Богъ съ тобой — перекрестись. Они у нась въ волости первые люди и каждый имъ, еще гдѣ себѣ, шапку снимаетъ.

— Навѣрно за то, что они, пользуясь вашей бѣднотой и темнотой, держать васъ въ своихъ рукахъ и пользуясь

вашимъ тяжелымъ положеніемъ, выжимаютъ изъ васъ послѣднія крохи?

— Ничуть не бывало. Отъ нихъ такъ я вотъ кромѣ хо-
хорошаго ничего не видѣлъ. Взять хоть для примѣра на-
шего Юркова—что онъ за кулакъ, за міроѣдъ такой? Я здѣсь
живу весь свой вѣкъ и даже не слыхалъ такихъ словъ. У
насъ только ему и названія Иванъ Васильевичъ. Да сов-
сѣмъ намъ не-за-что и бранить его. Придѣтъ-ли какая ну-
жда—къ кому обратиться? Бѣги къ Юркову, онъ тебя не
оставить—выручить изъ бѣды.

— И за эту свою милость и обдереть тебя, какъ липку—
не мало наживеть съ тебя.

— Кто же, баринъ, задаромъ-то работаетъ: вѣдь каждый
ѣсть, иить хочетъ и Юрковъ тоже. Пусть онъ и наживаетъ.
Намъ то дорого, что у него, въ случаѣ нужды, можно де-
негъ перехватить. Вотъ и прошлымъ лѣтомъ у меня нала ло-
шадь. Что дѣлать? Безъ лошади я не крестьянинъ, а ку-
пить ее вскорѣ не на что. Я ишелъ къ Юркову съ покло-
номъ дать мнѣ денегъ на лошадь съ тѣмъ, что я зимой
долгъ заработаю: изъ своего лѣса навожу ему бревенъ. Онъ
до-словечка далъ мнѣ пятьдесятъ рублей—и сдѣлалъ меня
съ лошадью, а зимой-то я и уплатилъ ему свой долгъ
лѣсомъ.

— Такъ онъ, я думаю и нажилъ съ тебя рублей двад-
цать пять. Ему такъ выгодно давать деньги, почему онъ
охотно васъ и ссужаетъ.

— Не знаю я тамъ, сколько онъ нажилъ отъ моего лѣсу,
а противъ людей, какъ онъ иокупалъ лѣсь на чистыя деньги,
онъ взялъ съ меня лишнихъ много много рубля два.
А эти два рубля для меня въ то время были дороже,
чѣмъ теперь двадцать рублей. Мнѣ бы ни почемъ не
сбиться на лошадь, а въ лѣто-то я иронаймовалъ
не два рубля: худо—худо красненькихъ полторы, да самъ
бы набѣгался въ поискахъ за лошадью, да не во время

другое дѣло сдѣлалъ бы. Надо тебѣ начать—время, сѣять, а тебѣ никто лошади ни за какія деньги не даетъ, каждому дороже своя работа. Смотришь и упустишь время посѣва, весенний день дороже осенней недѣли, то у людей выспѣлъ хлѣбъ, а у тебя, за позднимъ посѣвомъ, его и не имѣтъ прихватило, поэтому ты и не мало не досѣялъ хлѣба противъ людей то. Потомъ, люди въ хорошую погоду убрали свой хлѣбъ, а ты упустилъ время; между тѣмъ пошло ненастье—того гляди, что сгноитъ и хлѣбъ-то. Да какъ въ крестьянствѣ братъ у людей лошадь на каждый пустякъ и платить за нее деньги—не дѣло.

— У васъ вѣдь есть мірской капиталъ—оттуда можно получать сеуду.

— Есть-то онъ есть, да что толку-то въ немъ: весь онъ разобранъ по рукамъ, а ссуду иной держитъ лѣтъ по пяти, по шести, случись у тебя нужда—мірского капитала въ запасѣ ни гроша. Если при недостаткѣ и пойдешь занимъ въ правленіе, то только поиству въ ходѣбѣ потеряешь время, не скоро его добѣешься. Да и деньги, девятьсотъ рублей мірского капитала, больно не велики для нашей волости, насчитывающей болѣе тысячи ревизскихъ душъ. Далеко ли подернешь ихъ на нашу нужду?

— Неужели ужъ, въ случаѣ какого-либо несчастья, у васъ такъ—таки никого здѣсь нѣтъ, кто бы помогъ вамъ въ нуждѣ, или нѣтъ учрежденія, которое оказалось бы помошь?

— Пожалуй, что, баринъ, нѣтъ. Посуди ты самъ, куда ткнешься? Всѣ почти только едва иронимаются своимъ, а у многихъ такъ еще нужда, то они бы и рады помочь—да нечѣмъ. У кого есть деньжонки, да такихъ мало, развѣ у кого одного и во всей-то деревнѣ заведется какаянибудь сотенка другая, то онъ бережетъ ее и никому не даетъ, потому что и дать нельзя: раздай деньги, а чуть у самого приключись какая нужда—и онъ не скоро долги сберешь—

самъ бѣгай и терпи изъ-за себя нужду. Словъ пустыхъ не говоря, исправные крестьяне даютъ бѣднякамъ взаймы сѣмянъ—ржи, овса, ячменя, и ссужаютъ, при недостаткѣ, мукой, не получая за это ничего—не безъ добрыхъ людей—не даютъ они вовсе бѣдствовать своимъ сосѣдямъ, — но у самихъ-то не часто приводится въ запасъ хлѣба: иногда бы другое и дали бы хлѣба на нужду, зная, что должники осенью съ благодарностью возвратили бы, да у самихъ его въ обрѣзъ—только для себя.

— Но нотомъ, зачѣмъ вы не сами вырабатываете масло, а черезъ своихъ торговцевъ, тѣмъ теряете много денегъ: все тѣ барышы, которые торговцы получаютъ отъ производства масла, должны бы поступить къ вамъ. Вы сговарились бы все сообща, завели бы у себя маслодѣльный заводъ, да сами бы и продавали черезъ довѣрнаго свое масло—вамъ тогда гораздо выгоднѣе было бы, чѣмъ теперь, продавая торговцамъ молоко.

— О, баринъ, этого у насть никакъ невозможно. Посуди ты самъ по тому: вотъ этта Юрковъ судилъ Макаровскимъ мужикамъ лишнихъ пять конѣекъ за пудъ молока если они на заводъ будуть носить молоко на своихъ рукахъ, а це доставлять его черезъ возчика; это было бы для нихъ гораздо выгоднѣе, потому что пять конѣекъ съ пуда для нихъ расчетъ, да и Юркову имъ передать пятачекъ любѣ возчику не плати—да и молоко, доставленное на рукахъ самими хозяевами, куда—какъ лучше; по какъ ни мерекали, какъ ни толковали, сговориться между собою не могли: молока у большей части немногого; а какъ одному хозяину изъ-за пустяковъ, изъ-за какихъ нибудь десяти фунтовъ таскаться съ молокомъ каждый день за двѣ версты, совсѣмъ не стоитъ; носить же сообща по перемѣнио, одному молоко двухъ или трехъ хозяевъ,—не могли, потому что все мало довѣряютъ другъ другу. Да если самимъ работать масло, то деньги получить только тогда, когда-то еще приготовлять мас-

ло, когда-то его свезутъ въ городъ, когда-то сго продадутъ Долга больно эта пѣсня. Деньги же иногда позарѣзъ нужны, какъ настанетъ срокъплатежа податей, то, гдѣ хочешь возьми да ихъ подай, а то живо въ казаматку на два дnia угадаешь, или продадутъ у тебя коровенку, или сѣновалишко, или амбаришко, да и другіе вѣдь у насть есть расходы, гдѣ ча-стенько нужны деньги—и ждать ихъ отъ выручки за масло не приходится. Теперь же у торговцевъ каждый мѣсяцъ рас-четъ, а какъ получилъ деньги, далъ старостѣ хоть часть ихъ въ уплату податей, вотъ онъ оиять и ждетъ до слѣду-ющей получки. Да если и масло свое мы будемъ продавать, то барыша не больше получимъ, чѣмъ отъ молока, потому что торговцы иногда продаютъ масло въ долгъ и ждутъ деньги по иолугоду и болѣе, почему имъ и даютъ за масло подороже, намъ же ждать денегъ, не придется: какъ пона-добрятся деньги, то и заплачешь, да дешевой цѣнѣй продать масло; потомъ и за хлопоты надо заплатить тому, кто бу-детъ завѣдывать заводомъ и продавать масло; да если, когда случится маслу дешевая цѣна, то торговцы могутъ изъ-за денегъ держать масло на рукахъ, выжидая, когда цѣна по-высится, а намъ же ждать не придется: понадобрятся деньги, то масло и дешевой цѣнѣй сбудешь. Какъ ни роскинешь— все самимъ дѣлать масло не подойдетъ.

— Скажи мнѣ на милость: вѣдь маслодѣльные заводы вѣдь для васъ большое благодѣяніе—теперь не мало денегъ выручаete отъ молока, и у васъ во всякое время на нужду имѣется копѣчка, такъ что въ деньгахъ не приходится осо-бенно нуждаться.

— Да, баринъ,—съ тяжелымъ вздохомъ проговорилъ хо-зяинъ,—были мы ранѣе сыты, а теперь, съ этими проѣля-тыми маслодѣльными заводами, приходится намъ голодовать.

— Какъ такъ,—удивился Сергѣевъ.

— Очень просто. Ранѣе-то, какъ никакихъ заводовъ у насть и въ поминѣ не было, то у каждого крестьянина

всякаго молока въ домѣ было довольно—его никуда не носили. А какъ есть хлѣбъ и молоко—вотъ мы и сыты, потому что все кормиться говядиной намъ не приходится—она дорога, намъ не по карману. Когда молоко въ дому есть, то появится сметана, масло и творогъ. За обѣдомъ—то нахлебаются крушиныхъ щей со сметаной, картошки со скромнымъ масломъ, ияскнаго молока, или творогу, или яичницы—вотъ и сыты; потомъ, какъ было масло, молоко и сметана, то бабы искли хорошія ишеничныя налеушки съ крупой или съ творогомъ, которые сами такъ и разваливаются—до чего они удачны да мягки, а масло съ нихъ такъ и течетъ; молока—же маленькимъ ребятишкамъ было довольно—ней, ъшь его, сколько душа желаетъ.

Нынче, все это молоко тащать на заводъ, не оставляя себѣ даже ни одной кринки молока, иногда необходимой для грудного ребенка. Деньги издержать все на пустяки—на чай, на сахаръ, на бѣлую кислую муку, на скрутушки, больно баско стали всѣ ходить, холстинную одежду почти забросили, стали носить ситцевую, суконную, да казинетовую,—то дома—то ъсть стало нечего.

Поработаютъ иные, придутъ домой—и обѣдать нечего. Поставятъ самоваръ, наполошутъ брюхо водой, пойдуть одного хлѣба съ солью или кислыхъ бѣлыхъ пироговъ, которые и около масла-то и не лежали, или пойдуть послѣ чаю обрату, принесенную съ завода—вотъ и весь обѣдъ, а это—не ъда. Работа, особенно лѣтомъ, тяжелая, а какъ пища-то стала плохая, то мужики, да бабы стали плохіе работники: иные къ концу-то лѣта едва волочатъ ноги—у нихъ, несноро подается впередъ работы... А сколько отъ этихъ заводовъ мреть ребятишекъ—страсть.

Какъ рождается ребенокъ, то его бѣдняки-то обратой и надуваютъ: у него научить брюхо, да и только. Помаются, помаются, „сердечные“, да многіе, отъ такого худого житья на тотъ свѣтъ и отираются.

— Зачѣмъ вы все молоко носите на заводъ: можно часть и оставлять для себя.

— Богатые, да прожиточные такъ и дѣлаютъ: какъ держать они по четыре, но пятыи и болѣе дойныхъ коровъ, то у нихъ молока вездѣ хватить—и себѣ, и на заводъ; но такихъ то немногого—у большей части двѣ, много три коровенки, а есть такіе, что при семи ртахъ имѣютъ одну коровенку; да и доять у насть коровенки ионемногу, и съ новотелу-то фунтовъ восемь, развѣ ужъ хорошая корова фунтовъ двѣнадцать дасть—съ овсяницы, съ соломы, да съ воды немногого коровы надоять, а у коровы молоко ворту. Потомъ вѣдь коровы неодинаково доять круглый годъ: одна отелилась, другая испердилась, или совсѣмъ не доить; а какъ отъ одной коровы, хоть и новотельной, молоко оставлять про себя, тогда совсѣмъ будетъ нечего носить на заводъ.

— Вы ужъ лучше совсѣмъ его не продавайте, если у кого нѣтъ его лишняго.

— Нужда-то, баринъ, чего не дѣлаеть: бѣдняку приходится тащить на заводъ и послѣднюю кринку молока: на подати, на хлѣбъ и на другіе расходы надо деньги, а какъ взять ихъ—негдѣ, да и заплачешь, да послѣднюю кашлю молока продашь. Зло, большое зло у насть отъ этихъ заводовъ, чтобы имъ ни дна, не покрышки.

— Все-таки я не понимаю, за что особенно ты ругаешь заводы: ты самъ говоришь, что сильная нужда заставляетъ васъ продавать молоко и выручать изъ нихъ деньги, слѣдовательно, тутъ заводы не при чемъ.

— Да какъ бы заводовъ то не было, то искучье стали жить, поменьше на пустяки расходовать, раньше жили безъ заводовъ, да своими деньгами иронимались, а по крайней мѣрѣ, были бы сами сыты, да не морили бы съ голоду, или не окармливали бы обратой своихъ ребятишекъ.

— Вотъ хоть бы лѣсъ-то вы гоняли но рѣкѣ сами и

продавали бы прямо, не черезъ чужія руки, тѣмъ не ли-
шали бы себя деиегъ.

— Охъ, баринъ, какъ понадобятся кому деньги на по-
дати, на хлѣбъ и на другіе расходы, то онъ и идетъ къ
торговцу и просить его купить у него лѣску. Тотъ при-
торговываетъ и въ задатокъ ему даетъ деньгами и хлѣ-
бомъ нерѣдко половину заработка—вотъ и сталъ житель
нашъ мужикъ: и хлѣба онъ купилъ, и подати уплатилъ;
а зимой, работая, забереть товаромъ и деньгами не только
остальную плату, но нерѣдко еще останется у торговца и
въ долгъ. На другой годъ, смотришь, также нужда, такъ
она и затягаетъ его изъ года въ годъ, да и долгъ прихо-
дится зарабатывать—поэтому и уходитъ нашъ лѣсокъ не-
дорогой цѣнной. Затѣмъ, если съ однимъ или съ двумя
плотами лѣса тащиться на ярмарку въ городъ, да прожи-
ваться тамъ—совсѣмъ не стоитъ: разъ—проживешься тамъ,
—уже какъ дѣло у рукъ не бывало, не знаешь куда съ
лѣсомъ и сунуться, то лѣсокъ-то дешевой цѣнной и уйдеть:
получишь за него меныше того, что дома за него давали.

По правдѣ тебѣ сказать—мы ужъ больно и темны-то;
боимся мы съ своимъ умомъ куда и сунуться; да и нельзя:
чуть кто сунется—понадеть какъ куръ во щи, и отобѣть
даже у другого охоту впередъ вылѣзать со своимъ носомъ.
Надо ужъ видно жить такъ, какъ было заведено нашими
отцами!

— Вотъ это-то пожалуй правда, что темнота, да нужда
забиваетъ васъ: но вести дѣло по-старому ужъ становится
вамъ нельзя—надо хозяйство править поумнѣе, тогда и
нужды увидаете менѣе.

— Пожалуй, оно выходитъ такъ.

Ну, а вѣтъ-то торговли приносятъ ли вамъ пользу тор-
говцы?

— Какъ не приносятъ, иногда даже и хорошее добро
отъ нихъ видимъ. Такъ, къ примѣру тебѣ сказать: когда

Сименъ Синюшинъ женился, то на радостяхъ, что богатую да хорошую невѣсту бралъ, намъ угощенія цѣлую бочку — сороковку вина выкатилъ; и nilъ каждый прямо изъ ковша, сколько хотѣлъ. И такъ хорошо мы тогда поопировали, что такого ииоровства намъ послѣ даже вѣкъ не видать: одинъ даже совсѣмъ опился и съ этого веселія въ селенія праведная угадалъ, да троихъ едва откачали.

— Ну, братъ, это еще не велико его добро, что отъ его угощенія на тотъ свѣтъ одинъ отправился, да еще трое туда мѣтили.

— По моему, такъ онъ тутъ нисколько не виноватъ — вольно имъ было такъ напиться. Больно ужъ солоши до вина-то и были рады готовому-то обожраться. Доберутся до вина, какъ коровы до барды, не могутъ отъ него и отстать ..

— Нѣть ли получше такого ихняго добра, — перебилъ Сергѣевъ.

— Не знаю, ужъ право, что тебѣ и сказать: но моему, такъ на что лучше этого... Развѣ то, что старикъ Синюшинъ, умирая, пожертвовалъ на украшеніе храма пятьсотъ рублей.

Ранѣе-то, у насъ худа была церковная ограда, мы и вздумали сдѣлать новую: навозили міромъ камня, надѣлали киричей, купили известки, желѣза и краски, наняли каменщиковъ и склали на эти деньги ограду, такъ что на ее даже любо теперь и самимъ посмотретьъ. А безъ пожертвованныхъ денегъ, намъ не шутка бы сбиться деньгами: приходъ небольшой, небогатый, а пятьсотъ рублей для бѣднаго прихода большая поддержка, почему и жертва его есть для насъ большое добро.

— Это хорошо. Еще что.

— Да вотъ еще Петръ Синюшинъ выхлощоталъ намъ земское училище. Сначала было мы не давали квартиры — думали что безъ училища ребята обойдутся, какъ и мы

обходились. Тогда Петръ Синюшинъ года три платить отъ себя за квартиру, за отоплениe, за освѣщеніе училища: наши ребята, одинъ по одному, да и стали забираться въ училище, такъ что ихъ ужъ на третій годъ стало въ училищѣ цѣлыхъ шестьдесятъ человѣкъ.

Посмотрѣли мы, посмотрѣли, да и видимъ, что отъ училища есть нашемъ ребятамъ не малая польза: вѣдь что-не-что ученаго нельзѧ сравнить съ темнымъ человѣкомъ. Мы тогда разсудили, что мы не ладно дѣлаемъ: нашимъ ребятамъ дѣлается польза, а одинъ чужой расходуетъ на нихъ деньги,—и порѣшили мы ужъ квартиру, отоплениe, освѣщеніе училища иринять на себя. Теперь и благодаримъ Синюшина, что онъ завелъ у пасъ училище.

— А Юрковъ хоть что-нибудь устроилъ у васъ полезное.

Онъ перво-на-перво много старался, чтобы у церкви хорошо иѣли—вишь, онъ часто ходить въ церковь и любить иѣніе, почему иѣвчимъ даетъ двадцать пять рублей въ годъ. Потомъ, онъ иногда, при недожваткѣ, ссужаетъ храмы деньгами безъ всякихъ процентовъ— и это много значить. О Рождество на свой счетъ устроилъ ребятишкамъ въ училищѣ елку. Сколько радости то было у ребятъ, да разговоровъ-то—даже ни прислушаешь...

Ты лучше сходи-ка самъ къ Юркову, да потолкуй съ нимъ то узнаешь, что онъ за человѣкъ. Вѣдь ничего худого въ немъ нѣть, другое не лучше его. Да его и хорошиe люди не обѣгаютъ: слѣдователь, докторъ, акцизный и другое никогда его не обѣзжаютъ и всегда съ почтеніемъ относятся къ нему, а свой земскій, священникъ, учитель, фельдшеръ даже вироходъ у него бывають и всегда довольны имъ. И ты, какъ къ нему сходишь, то кромѣ хорошаго ничего не увидаешь.

— Зачѣмъ мнѣ идти къ нему, если я съ нимъ не знакомъ.

Здѣсь знакомятся болѣе просто: придутъ, или пріѣдутъ увидаютъ, разговарятся между собою, вотъ и все знакомство. Тѣмъ болѣе къ нему и сходить есть предлогъ: купить какого-либо товарцу.

— И правду, повидать развѣ самого кулака-міроѣда, посмотрѣть, что онъ за человѣкъ на самомъ дѣлѣ,—мелькиуло у Сергѣева въ умѣ. И сказалъ онъ хозяину:

— Пожалуй, я къ нему схожу. Тебѣ спасибо за бесѣду.

— О, не стоитъ, батюшка, благодарить я радъ такому гостю; ты ужъ болѣе не сиѣсивъ-то: самъ баринъ, а сидѣлъ и толковалъ со мной, словно со своимъ братомъ. Заходи и въ другой разъ—я радъ буду.

— Благодарю. Будетъ время такъ зайду.

— Смотри, заходи, заходи,—проводя за двери, говорилъ хозяинъ.

X

Наотставѣ отъ деревни Блинова, спустившись къ рѣчкѣ, стоитъ обширный, двухъэтажный, деревянный домъ Юркова. Черезъ рѣчку перекинута плотина, гдѣ шумитъ, раскидывая брызги, мельница; рядомъ съ ней помѣщается маслодѣльный заводъ; по другую сторону дома въ низменномъ длиниомъ строеніи находится мелочная лавка; сзади, дома тянутся дворъ, каретникъ, погребъ, дровяникъ и баня. Словомъ, вся торговля, все хозяйство у Юркова подъ руками, такъ что онъ можетъ вездѣ усмотрѣть своимъ хозяйствскимъ глазомъ.

Надъ нараднымъ входомъ дома, къ рѣчкѣ, устроенъ обширный балконъ, куда Юрковъ со своей семьей выходитъ лѣтомъ нить чай. Теперь онъ занималъ весь домъ,—а земскій поселился въ другомъ его домѣ, стоявшемъ наотставѣ. Въ низу Юрковъ жилъ постоянно, а въ верху онъ принималъ особенно почетныхъ гостей.

Сергѣевъ подошелъ было сначала къ лавкѣ, — думалъ купить табаку и папиросъ; но лавка была заперта. На лицѣ бѣгали ребятишки, чисто одѣтые, должно-быть дѣти Юркова. Сергѣевъ попросилъ одного изъ нихъ сходить за хозяиномъ лавки. Тотъ стремглавъ нолетѣлъ домой. Вскорѣ вышелъ и самъ Юрковъ. Онъ былъ средняго роста, плотный, съ большой головой и съ быстрымъ взглядомъ, на немъ надѣтъ стрыій пиджакъ и брюки въ заборъ въ русскіе сапоги.

Юрковъ вѣжливо поклонился Сергѣеву и спросилъ:

— Что вамъ угодно.

— Мнѣ-бы нужно табаку и гильзъ. Они у васъ есть?

— Каже, есть. Пожалуйте за мной въ лавку.

Въ лавкѣ былъ самый всевозможный товаръ, начиная отъ сиичекъ, табаку, мыла, гвоздей, веревокъ, тесемокъ и кончая мукой, чаемъ, сахаромъ, ситцами, платками, шальми. Что ни спроси — все къ вашимъ услугамъ.

— Много ли вамъ табаку и гильзъ? — спросилъ Юрковъ.

— Четверть табаку, да двѣ сотни гильзъ!

— Пожалуйте, — говорилъ Юрковъ, подавая товаръ. — Не угодно ли вамъ еще что?

— Нѣтъ, болѣе мнѣ ничего не надо.

— Позвольте васъ спросить: откуда вы будете? Извините меня за нескромный вопросъ; но здѣсь въ глупи такъ мало приѣзжающихъ, что каждый, вновь прибывшій, бросается прямо въ глаза и невольно интересуясь знать о немъ, что онъ за человѣкъ.

— Хоть и спросили — это ничего. Я самъ дальний, изъ Петербурга, пріѣхалъ сюда познакомиться съ жизнью мѣстныхъ обитателей.

— Такъ что-жъ, это дѣло хорошее: конечно, на мѣстѣ и видя жизнь своими глазами, вы ее лучше узнаете, чѣмъ черезъ вторыя руки — книги, которыя нерѣдко и ошибаются.

— Вотъ, это-то самое и заставило меня пріѣхать сюда.

— Не угодно ли вамъ пожаловать ко мнѣ въ домъ—попить чайку, и я, можетъ-быть, буду полезенъ въ вашемъ дѣлѣ и кое-что сообщу о здѣшней жизни.

— Но не стѣсню-ли я васъ: навѣрно вы теперь заняты дѣломъ, а я отвлеку васъ отъ него.

— Пожалуйста, вы идите ко мнѣ безъ всякаго стѣсненія и будьте какъ дома. Здѣсь все одни и тѣ же люди, одни и тѣ же разговоры, такъ что они принадѣдаются намъ, и всегда радъ поговорить со свѣжимъ человѣкомъ.

Сергѣевъ изъявилъ согласіе на любезное приглашеніе хозяина, и они по парадному крыльцу поднялись въ верхъ дома. .

— Пожалуйте, проходите,—приглашалъ хозяинъ, когда гость раздѣлся въ прихожей.

Они вошли въ большую свѣтлую комнату, уставленную вѣнскими стульями; посрединѣ комнаты стоялъ длинный столъ, а надъ нимъ висѣла ламина—молнія, около стола, въ углу прижимался къ стѣнѣ высокій, хорошей работы буфетъ. Эта комната, повидимому, служила гостиной Рядомъ съ ней находилось что-то, похожее на залу: нальво отъ входа, передъ мягкимъ диваномъ стоялъ ломберный столъ съ изящной лампой на немъ; мягкие стулья въ перемѣжку съ вѣнскими, большое зеркало довершали обстановку залы.

— Вотъ мое и жилище,—указывая рукой, говорилъ Юрковъ.—Пожалуйста, садитесь.

— Благодарю васъ. Да у васъ здѣсь очень хорошо и чисто,—замѣчалъ гость.

И дѣйствительно, послѣ грязныхъ деревенскихъ избъ, это поображеніе производило очень пріятное впечатлѣніе.

— Ничего, можно жить, нельзя въ томъ Бога гнѣвить. Вы посидите здѣсь, а я сиущусь внизъ—распоряжусь на-счетъ самоварчика.

— Вы, пожалуйста, не беспокойтесь.

— Что вы—это не велико беспокойство. Мы съ вами за чайкомъ посидимъ и поговоримъ.

Вскорѣ шумѣвшій большой самоваръ внесъ самъ хозяинъ, а за нимъ, держа тарелки съ бѣлыми нирогами, шла его, еще молодая, жена.

Поздоровавшись съ гостемъ, она собрала на столъ стаканы съ серебряными ложечками, вазу съ вареньемъ, сухари, налила чаю и стала отъ души потчевать гостя. Гость соблазнился видомъ бѣлой съ сыромъ налеушки и съ аппетитомъ закусилъ ее. Хозяева безпрестанно угощали его, говоря: „Кушайте, пожалуйста. Что же вы ничего не купаете. Будьте какъ дома“.

Во время чая приходили нѣсколько покупателей и просили отпустить товаръ.

— Чѣмъ народу дожидаться, то ты, Маша, сходи въ лавку, отпусти имъ товаръ,—обратился къ женѣ хозяинъ, видя, что она налилась чаю и сидѣть изъ-за гостя.—Чай разливаю и я, а гость навѣрно проститъ, что ты отлучишься въ лавку.

— Можетъ быть я задерживаю и васъ—то пожалуйста и вы, если вамъ не свободно, не сидите изъ-за меня здѣсь, а идите къ своему дѣлу.

— Полноте-ка, вы нѣсколько не задерживаете меня. Тѣперь, я совсѣмъ свободенъ, а съ покупателями поправится и жена. Когда я уѣзжаю—она и все одна торгуетъ; она у меня хорошая помощница.

— Позвольте вѣсъ спросить: какъ идетъ у васъ торговля—поинтересовался гость.

— Ничего, слава Богу, подвигается помаленьку. Можно ей прониматься. Но только противъ прежняго куда какъ плоше, потому что народъ сталъ бѣднѣе и не такъ ужъ вѣренъ: казенка не мало отбила у насть доходу, да и лѣссохранительный комитетъ подбиваетъ наши крылья; отъ ме-

лочной же торговли и отъ маслодѣльного завода богатъ не будешь—прокормишься съ семьей и ладно. Можно бы и эту торговлю вести какъ слѣдуетъ, но свой же братъ больно сбиваетъ цѣну на товаръ; иногда приходится продавать товаръ за то, что онъ себѣ стоитъ; или же нахлещутъ въ другой разъ на молоко такую цѣну, что при продажѣ масла случается, что за него предлагаютъ дешевле, чѣмъ себѣ стоитъ.

— Неужели и лѣсоохранительный комитетъ подорвалъ вашу торговлю?

— Подорвалъ, да какъ еще и подорвалъ то. Прежде, какъ не было стѣсненія въ рубкѣ, то мужики, гдѣ высмѣтрятъ получше лѣсокъ, тамъ его и заготовляютъ, а потомъ и иродаютъ намъ же; часть денегъ забираютъ товаромъ,—такъ что мы получали пользу и отъ лѣсу, и отъ товару. Нынѣ же—ни той, ни другой; а тамъ—еще когда-то мужики размежуются, когда-то приведутъ въ порядокъ свои дачи; жди, когда это еще будетъ, чтобы можно было рубить дачи участками. Но и тогда пойдетъ дѣло не такъ хорошо: въ какой-нибудь шестидесятой или сороковой части дачи не добудешь столько денегъ, сколько получиль бы, выбирай получше лѣсокъ изо-всей дачи.

Да многіе еще изъ нашего брата изъ-за лѣсоохранительного комитета и изъ-за своей опрометчивости налетѣли и получили большие убытки. Нѣкоторые лѣсопромышленники купили въ разсрочку большія дачи, разсчитывая уплатить долгъ деньгами, вырученными отъ заготовокъ лѣса изъ общей площади дачъ, но на дѣлѣ-то вышло не то: изо всей-то дачи рубить не даютъ, а изъ небольшой части ея немного получишь прибыли; а сильный спросъ на дачи, бывшій ранѣе въ виду быстраго новышенія цѣнъ, теперь, ири ограниченіи рубки, уналь; дачи стали покупать неохотно, а время платежа денегъ наступаетъ, вскорѣ денегъ взять негдѣ, такъ что инымъ придется лишиться и самыхъ дачъ, потерявъ на томъ не мало убытку.

— Такъ вѣдь вы знали, что будетъ лѣсоохранительный комитетъ, то зачѣмъ же такъ опрометчиво поступали.

— Хотя слухи объ этомъ носились, по увѣренно-то о его введеніи, никто не говорилъ.

Всѣ понадѣялись на авось... а тутъ лѣсоохранительный комитетъ, какъ сиѣгъ на голову.

— Вы ранѣе—то хорошо пользовались отъ лѣсного дѣла.

— Ничего, пожаловаться было нельзя—наживали хорошо, а особенно кто во время занимался скункой и перепрода-жей дачъ. Такъ напримѣръ, семь лѣтъ тому назадъ я ку-нилъ дачу въ триста десятина за тысячу рублей; черезъ два года я ее продалъ за десять тысячъ рублей, такъ что на тысячу рублей, въ теченіе двухъ лѣтъ я нажилъ, кроме всѣхъ расходовъ, вѣрныхъ восемь съ половиною тысячъ рублей.

Можно было во-время очень хорошо заниматься этимъ дѣломъ, пріобрѣтая на немъ огромные барыши, но только я самъ не обладалъ достаточнымъ капиталомъ, чтобы по-купать большія дачи и выжидать время, когда цѣны на нихъ повысятся, чтобы ихъ перепродать. Я приглашалъ Синюшиныхъ покупать сообща крупныя дачи; но они и словъ не подпустили. „Станемъ мы съ тобою связываться, самодовольно говорили они. У насъ хватитъ и своего ка-питала, если вздумаемъ покупать дачи“. А сами, вмѣсто того, гонялись за пустяшной мелочной торговлей, сбивая цѣны и переливая изъ пустого въ порожнее. Хотя и нопа-дались намъ для покупки дачи но четыре и по пяти ты-сячи десятина за двадцать, а потомъ уже за тридцать, за сорокъ тысячъ рублей—конечно это шаль не купля, что мы и сами хорошо сознавали, какъ опытные въ лѣсномъ дѣлѣ; что купи эти дачи, выдержи ихъ годовъ шесть, то полу-чишь за каждую не двадцать—сорокъ тысячъ, а цѣлыхъ сто или двѣсти тысячъ рублей; а одному купить дачу и заплатить за нее сорокъ тысячъ рублей—совсѣмъ было не

по силамъ. И горько, и обидно было терять такое счастье, да ничего не подѣлаешь. Приходилось безучастно смотрѣть какъ наши крупные лѣсопромышленники — Гриши, Бѣляевъ, Гиршъ, Рыбкинъ, скучкой большихъ дачъ, тащили изъ-подъ нашего носу крупные куши, оставляя намъ одни крохи, — и горюю своему ничѣмъ нельзѧ было помочь. Теперь, вотъ эта лѣсная горячка прошла: небось, и съ капиталомъ немногого наживешь на лѣсномъ дѣлѣ, а особенно съ веденіемъ лѣсохранительного комитета и малаго спроса за границу лѣсныхъ матеръяловъ, отчего въ послѣднее время цѣны на нихъ до того упали, что и небольшіе лѣсопромышленники получали отъ заготовокъ въ прошломъ году тысячные убытки; почему съ лѣснымъ дѣломъ каждый ужъ сталъ поступать очень осторожно, не зарываясь въ покупкѣ лѣса.

— Но мнѣ думается, что иѣкоторые торговцы и теперь отъ торговли строятъ себѣ хорошия капиталы...

— Опутывая темныхъ людей. Извините, что я досказалъ то, что вы думали и постѣснялись бы выразить, и что вѣльлось въ илоть и въ кровь нашей печати, которая насъ кромѣ словъ — кулакъ, міроѣдъ, наука — иначе никакъ не честитъ... Будто мы не люди, а какіе-то изверги рода человѣческаго, поѣдающіе мужиковъ. Всего же обиднѣе то, что разные крупные торговые тузы, какъ Гриши, Гиршъ, Бѣляевъ, Рыбкинъ и другіе, хватающіе нерѣдко въ годъ стотычные барыши и наживающіе миллионныя состоянія, благодаря своимъ ловкимъ операциямъ, въ родѣ лѣсного дѣла, считаются хорошими людьми и вездѣ прияты, какъ богачи; а если сотня нашего брата мелкихъ торговцевъ наживеть только то, что одинъ крупный воротила, и на эти деньги прокормится со своей многочисленной семьей, сохранивъ себѣ конѣчку на черный день, то онъ кулакъ, міроѣдъ, наука... И этотъ взглядъ на насъ печати усвоили интеллигентные читатели, которые о сельской жизни знаютъ по однимъ книжкамъ писателей; а писатели иногда обла-

дають такимъ даромъ всевѣдѣнія, что сами сидятъ въ столицѣ и первомъ разсказываютъ то, что дѣлается отъ нихъ за сотни, тысячи верстъ, гдѣ они иногда и проѣздомъ не бывали... Удивительные, вновь явленные пророки! Но по моему, прежде чѣмъ бросать грязь другимъ въ лицо, нужно оглянуться на себя: мы сами-то какую пользу приносимъ народу, или жизнь наша такъ ли безупречна, что можетъ служить примѣромъ другимъ?

Возьмите всѣхъ нашихъ издателей, редакторовъ, писателей, корреспондентовъ,— то они только на словахъ ворочаютъ горами на пользу народа; но посмотрите ихъ на дѣлѣ: много ли изъ нихъ найдется такихъ, чтобы, жертвуя, частью своихъ средствъ, и нравственно, и материально приносили пользу народу лишь единственно для блага народа, а не лично для себя? Я думаю, что такихъ нужно искать днемъ, да и то съ огнемъ; а каждый изъ нихъ заботится только о себѣ, какъ бы отъ изданій пріобрѣсти больше барыша, какъ бы подороже продать свой трудъ, какъ бы пріобрѣсти себѣ славу и такъ далѣе.

Или же возьмите для примѣра жизнь чиновниковъ нашего уѣзднаго города—уѣзднаго члена, предсѣдателя земской управы, врача, податнаго инспектора, казначея и другихъ.

Во время весенней ярмарки, гдѣ мнѣ приходилось по долгу жить въ ихъ городѣ, я присмотрѣлся къ ихъ жизни и скажу, что все они только и добиваются того, чтобы получить прибавку жалованія, новышеніе, чины, награды, пособіе, пенсію, какъ бы воспользоваться отпускомъ... Однимъ словомъ, у каждого одно о себѣ, а ничего о другихъ. Но мы напрасно свои личные интересы ставимъ отдельно отъ народныхъ, какъ будто, хотя бы низшій народъ и бѣдствовалъ, но мы безъ нихъ можемъ жить счастливо и богато.

Горькая ошибка каждого изъ нась! Тогда только мы можемъ быть спокойны, счастливы, богаты, сильны, тогда

только можетъ продвѣтъ у нась наука, промышленность, искусство, когда будетъ благоустроенъ народъ, когда не будетъ онъ погрязать въ нуждѣ и въ темнотѣ, а когда избытокъ и нравственныхъ, и физическихъ, и материальныхъ силъ у него закипитъ ключемъ! Такъ напримѣръ, есть у народа достаточно хлѣба—онъ самъ съѣсть и всѣмъ доволенъ; избытокъ же даетъ намъ возможность заботиться о немъ; обѣднѣй онъ—намъ ужъ взять хлѣба не только ему, но даже себѣ не откуда: мы не пахари. Поэтому мы и должны заботиться о своемъ фундаментѣ—о простомъ народѣ, чтобы онъ былъ крѣпокъ, проченъ; иначе—если фундаментъ будетъ плохъ, то будь хоть того роскошнѣе и великолѣпнѣе построенное на немъ зданіе, должно разрушиться.

Но наша интеллигенція не остается безучастной зрительницей жизни простого народа: нынче, благодаря ей, открываются богадѣльни, больницы, дѣтскіе пріюты, училища, народныя безплатныя библіотеки, читальни, чайныя, столовыя, и вообще многое дѣлается для блага гарода.

— Дѣлается-то, дѣлается, но только не на средства интеллигенціи, а на готовыя—казны, земства, города; а число частныхъ средствъ на народное благо, выбросивъ отсюда огромныя пожертвованія того же нашего брата кулаковъ міроѣдовъ, въ родѣ Солодовникова, Морозова, Третьякова, то много ли придется материальныхъ средствъ нашей интеллигенціи на пользу народа? Между тѣмъ, благодаря тѣмъ же темнымъ и тупымъ кулакамъ-міроѣдамъ открыта у нась масса полезныхъ учрежденій: училищъ, богадѣлень, дѣтскихъ пріютовъ и пр.

Интеллигенція бы и рада материально помочь народу, но у нея не имѣется свободныхъ средствъ, чтобы можно было пожертвовать ихъ на народное благо; а если у кого имѣются лишніе капиталы, то отчего и не пожертвовать ихъ на полезное дѣло.

— У нашей интеллигенции не быть денегъ, да у нея никогда не будетъ, если она будетъ такъ жить—сорить деньгами. Я думаю, и у Соловникова миллионы не съ неба свалились, или не огромное наслѣдство онъ получилъ, а нажилъ благодаря своему уму, расчетливости, бережливости: онъ первоначально не проживалъ того заработка, который онъ получалъ; хотя въ началѣ заработка былъ, можетъ быть, скромный—какія нибудь сотни, но онъ считалъ достаточнымъ расходовать не весь годовой доходъ, а часть его сберегалъ. По пословицѣ, какъ говорится, копѣйка рубль бережетъ, то свободныя сотни капитала стали складывать изъ себя съ доходами къ нимъ тысячи, а тысячи приобрѣтали десятки, сотни тысячъ, смотришь—у него и округлился миллионъ, который ужъ самъ за собой тянетъ деньги. Такъ капиталъ Соловникова доехалъ до громадныхъ размѣровъ, что дало ему возможность, благодаря умному его распоряженію, много добра сдѣлать народу.

Возьмемъ жизнь нашихъ крупныхъ чиновниковъ уѣзднаго города: у нихъ не только получается экономія отъ тысячнаго, двухъ и трехъ тысячнаго годового жалованія, но иерѣдко, даже и при небольшой семье, они живутъ кругомъ въ долгѣ, какъ въ шелку, а между тѣмъ, въ томъ же городѣ есть чиновники, получающіе въ годъ по триста, по четыреста рублей, которые сыты, обуты, одѣты, довольные живутъ съ семьями иерѣдко въ восемь человѣкъ и еще скапливаютъ себѣ денегъ на домикъ.

Сами они и ихъ ребята выглядятъ еще бодрѣе и здоровѣе, чѣмъ у получающихъ огромныя жалованія. Поэтому, изъ сопоставленія жизни тѣхъ и другихъ чиновниковъ въ одномъ и томъ же городѣ и при одинаковыхъ условіяхъ жизни, видно, что чиновники, считающіе себя мѣстной интеллигенціей, могли бы изъ своихъ жалованій сберегать хорошую экономію, и если бы ихъ внѣслужебное время составляло бы не одно вино и карты, то они могли бы при-

носить пользу бѣднякамъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

— Но, однако, эти же чиновники вносятъ членскіе взносы, тѣмъ жертвуя деньги на благое дѣло: богадѣльни, пріюты, училища и прочее.

— Ихняя сумма такъ ничтожна въ сравненіи съ жертвами купцовъ, что о ней не стоитъ разговаривать, и даютъ на благое дѣло какіе-то ничтожные гроши и думаютъ, что долгъ свой они исполняютъ.

— Большая же часть и грошей своихъ не даютъ и пальцемъ своимъ не шевелить на пользу народа, успокаивая себя тѣмъ, что у насъ есть государство, земство, городъ, благотворительные учрежденія, на обязанности которыхъ лежитъ помочь въ нуждѣ народа. Не подумаютъ они, что при всемъ благомъ и добромъ своимъ желаніи помочь въ нуждѣ народа и улучшить его жизнь, ни государство, ни земство, ни городъ, не въ состояніи одни достигнуть своей цѣли, если близко стоящіе люди къ народа будутъ оставаться въ сторонѣ и не будутъ принимать отъ души никакого участія, клонящагося ко благу народа. Если бы городъ былъ на подобіе куколъ, которыхъ можно было раздѣлить, напримѣръ, хотя на пять разрядовъ: одни пронимаются своимъ, другіе—живутъ въ довольствѣ, третья—имѣютъ избытокъ, четвертые—нуждаются и пятые—сильно бѣдствуютъ; и если бы количество ихъ было известно, то упрежденіемъ тогда легко бы справляться съ народными бѣдствіями: они видѣли бы количество имѣющихъ нужду и количество имѣющихъ въ рукахъ средство и отчисляло бы отъ однихъ къ другимъ известную сумму—и тѣмъ дѣлу конецъ. Но въ жизни-то выходитъ не такъ: ни одного человѣка нельзя подвести, чтобы онъ безусловно походилъ на другого, и между ними всегда будетъ разница какъ по вѣнченному виду, такъ по уму, по характеру, по материальному положенію, по труду, по образу жизни, по взгляду... Поэтому, мы при

дѣланія добра должны изучать жизнь каждого человѣка, и только освоившись что-не-что съ его положеніемъ и убѣдившись въ его трудѣ, должны, не откладывая въ долгій ящикъ, помочь его горю... И не та есть истинная нужда, которая громко о себѣ кричитъ, а та, которая въ тишинѣ гнететъ человѣка, давить его своими цѣнными лапами, заставляетъ его втихомолку жестоко мучиться и страдать, потому что всякий человѣкъ, въ комъ еще есть хоть искра личнаго достоинства, считаетъ для себя униженіемъ протягивать руку о помощи, и до послѣднихъ силъ своихъ борется со своимъ врагомъ, нуждою, нерѣдко изнемогая, падая подъ ея ударами, но съ покойнымъ сознаніемъ, что онъ боролся съ нуждой покамѣсть могъ, а не стало силь, ужъ на то не его воля. Вотъ такихъ-то бѣдняковъ намъ нужно искать, чтобы имъ въ трудную минуту протянуть руку помощи и вывести ихъ изъ бѣдственнаго положенія. И тогда только пойдетъ истинная помощь народу. А то всѣ ваши богадѣльни, пріюты и другія благотворительныя учрежденія, въ сравненіи со всей народной нуждой, приносятъ ничтожную долю помощи.

— Опять же я съ вами не совсѣмъ согласенъ: таѣь именующая себя „уѣздной интеллигенціей“, если не матерьяльно, то своимъ трудомъ приносить пользу народу; въ вашемъ городѣ, гдѣ я проѣздомъ останавливался на нѣкоторое время, есть двѣ публичныя библіотеки—земская и бесплатная народная—читальня, чайная попечительства о народной трезвости, двѣ богадѣльни, дѣтскій пріютъ, бесплатная столовая при городскомъ училищѣ, столярная мастерская, мужское и женское городское училище, церковно-приходская школа, есть нѣсколько обществъ, члены которыхъ безвозмездно, но только изъ-за хорошихъ порывовъ для блага народа, участвуютъ и трудятся въ этихъ обществахъ: въ благотворительному, въ трезвости, въ попечительствѣ о народной трезвости, вольной пожарной дружинѣ.

— Еще добавьте ужъ въ обществъ—итицъ, которое существовало съ чѣмъ-то безъ году недѣлю и теперь каждый членъ самъ но себѣ, со своими курами, индюками и другими пернатыми его двора обитателями, составляетъ самостоятельное общество. Бѣда-то есть въ томъ, что въ городѣ-то жителей всего, какъ говорится, полтора человѣка, а чуть-ли не до десятка разныхъ обществъ. Гдѣ ни посмотришь—вездѣ только члены обществъ, не кому въ городѣ приносить и пользу, не считая самимъ себѣ. Еще бы ничего, какъ бы общества, имѣя въ виду одну цѣль—народное благо, шли бы рука объ руку, то доброе бы дѣло двигалось впередъ. Но бѣда-то въ томъ: гдѣ ни посмотришь—вездѣ рознь. Всѣ стали ужъ очень умны: предсѣдатель и члены одного общества считаютъ себя умнѣе чѣмъ предсѣдатель и члены другого общества, а послѣдніе въ свою очередь такъ—первыхъ, и думаютъ, что они только въ состояніи руководить народнымъ благомъ,—почему и происходитъ между обществами рознь. Вместо того, чтобы въ благомъ дѣлѣ помогать другъ другу, каждое общество часто даже вредитъ другому—и ни въ какомъ обществѣ ничего хорошаго и не выходитъ.

Да какимъ же добрымъ примѣромъ могутъ служить сами члены этихъ обществъ, если я зналъ одного изъ нихъ такого, состоявшаго даже секретаремъ въ обществѣ трезвости, который однажды, возвращаясь съ пикника большою почтовою дорогою, свалился отъ лишняго употребленія вина врагомъ и гонителемъ котораго онъ состоить въ обществѣ, и долго лежалъ на грудѣ песку въ безчувственномъ положеніи, служа примѣромъ для возвращавшихся съ полевыхъ работъ крестьянъ. Вѣроятно, крестьяне вынесли отъ этого себѣ такое поученіе: общество трезвости учить только ихъ не пить вина, какъ человѣческаго зла, для самихъ же членовъ вино есть другъ, въ объятіяхъ котораго теперь покоится секретарь общества.

Главное же, больше всего портятъ все хорошее самыя начинатели и руководители обществъ: обыкновенно они бываютъ, сравнительно съ другими членами, образованные люди, нахватавшіеся верховъ. Они думаютъ, что своимъ умомъ, образованіемъ и знаніемъ теоріи жизни, могутъ одни только измѣнить жизнь и поворотить ее къ лучшему и пренебрежительно относятся къ мнѣніямъ людей, хотя и не особенно просвѣщенныхъ, но практическихъ и опытныхъ. Но извѣстнымъ отраслямъ житейской мудрости; пренебрегать же ихъ практичесностью никогда не слѣдуетъ, такъ какъ ихъ, хотя и немногое знаніе, но оно, какъ основанное на опыте, хотя первобытно и требуетъ еще совершенства, но оно прочно и приложимо для настоящей жизни, тогда какъ теорія безъ практики нерѣдко составляеть одни мыльные пузыри. Только опытность настоящей жизни въ связи съ мудрой и основательной теоріей могутъ, идя рука объ руку, развить жизнь къ лучшему, иначе—одно безъ другого почти находится на точкѣ замерзанія: одна практика остается всегда при прежнемъ положеніи, основываясь только на прежнихъ опытахъ, нисколько не двигаясь впередъ, а теорія безъ практики не примѣнима.

— Пожалуй, что въ этомъ и я согласенъ съ вами.

— Наши-то руководители обществъ смотрятъ на дѣло не такъ: они пренебрегаютъ мнѣніями не совсѣмъ образованныхъ, но людей дѣла; и хотя тѣ иногда иоиадаютъ въ члены обществъ, но видя, что они приняты только для счета, что руководители обществъ ни во-что считаютъ ихъ мнѣнія, что нерѣдко они съ презрѣніемъ относятся къ нимъ, то мало просвѣщенные не хотятъ быть руководителямъ въ тягость... и члены изъ общества постепенно улетучиваются: Остаются нерѣдко въ обществѣ: предсѣдатель, секретарь или дѣлопроизводитель и два, три руководителя общества, которые, наконецъ, и сами между собою

пересорятся... и общество совсѣмъ распадается, и руководители остаются при печальномъ интересѣ.

Да какъ я посмотрю: вступая предсѣдателемъ, или секретаремъ или членомъ въ общество, каждый, большую частью, руководится не тѣмъ добромъ, для котораго онъ долженъ вступить въ общество, а своимъ личнымъ честолюбіемъ, что онъ будетъ членомъ общества, что онъ будетъ давать обществу своего ума и что всѣ, развѣяя уши, будутъ слушать его, какъ умнаго человѣка, что обѣ иемъ, какъ обѣ общественному дѣятелю, будутъ всѣ говорить, что онъ восторгомъ наполнится, когда будутъ смотрѣть на него, какъ на выдающагося человѣка; некоторые считываютъ только за честь быть въ обществѣ—посидѣть, хлопая глазами, съ хорошими людьми; часть разсчитываетъ получить за трудъ по обществу приличное вознагражденіе, которое для нихъ будетъ не лишнимъ, а есть и такие, что не постыжутся стянутъ у общества кусочекъ, который плохо лежитъ.

— Однако вы хоть не отрицаете пользы отъ учрежденія бесплатной народной библіотеки?

— Но только отъ нея получается не та польза, какую она могла приносить на самомъ дѣлѣ. Сначала былъ библіотекаремъ очень ужъ ученый, который хотѣлъ черезчуръ ужъ скоро просвѣтить читателей и всучивалъ имъ по возможности книги серьезнаго содержанія, какъ напримѣръ деревенскимъ грамотѣямъ, едва разбиравшимъ книги, давалъ „Преступленіе и наказаніе“ Достоевскаго и „Отцы и дѣти“ Тургенева. Читатели по необходимости возьмутъ по рекомендаціи книги и принесутъ ихъ домой, но большую частью поверятъ ихъ въ рукахъ, да и отнесутъ обратно; а если у кого изъ нихъ и хватить терпѣнія прочитать эти книги, то пользы немногимъ больше приобрѣтеть: эти книги не по его развитью. Нужно давать полезныя книги такъ, чтобы онъ были понятны читателю и составляли бы

для него интересъ, а тамъ — уже со временемъ, когда читатели что-не что разовыются, тогда можно давать имъ и болѣе полезныя. Послѣ ученаго поступилъ библіотекаремъ, который въ литературѣ и ткнуть не зналъ, который веденіе своего дѣла считалъ достаточнымъ тѣмъ, что выдавалъ книги, да получалъ ихъ обратно... и пошли въ ходъ воздушныя книги, какъ напримѣръ „Путешествіе на луну“, „Всадникъ безъ головы“ и другія. Скажите, пожалуйста, много ли читатели отъ этихъ книгъ приобрѣтутъ пользы? Я думаю, что эти книги составятъ одно пустое провожденіе времени.

— Хотя и малая польза, да отъ нашей интеллигенціи есть, а отъ вашего брата, что-то и этого не видно; поэтому интеллигенція стоитъ гораздо выше васъ.

— Еще бы и не быть отъ интеллигенціи пользы: они и получаютъ-то образованіе не наше—въ уѣздномъ училищѣ, гдѣ я напримѣръ кончилъ, это еще хорошо, а многіе изъ нась поучатся въ сельскомъ училищѣ, а не то зиму на дому писать да читать—вотъ и все наше образованіе. А для просвѣщенія нашей интеллигенціи существуютъ гимназіи, реальные училища, институты, университеты и другія училища, гдѣ казной, городомъ, земствомъ затрачиваются огромныя суммы, да и родители не мало расходуютъ на образованіе своихъ благородныхъ дѣтей,—то такимъ воспитанникамъ и стыдно быть не умнѣе и не полезнѣе для народа нась, для которыхъ часто, ни городъ, ни общество не расходуютъ ни одного гроша. Во всякомъ случаѣ, государство, земство, городъ, затрачивая на народное образованіе громадныя суммы, имѣютъ въ виду, что затраченный капиталъ они не пускаютъ на вѣтеръ, а надѣются, что впослѣдствіи, полезный трудъ отъ ихъ воспитанниковъ оправдаетъ расходъ на нихъ. Но посмотрите въ жизни: окончивъ высшія училища, многіе ли, за исключеніемъ небольшого числа истинныхъ тружениковъ,

отъ души желающихъ народнаго блага, оправдывають во-
злагаемыя на нихъ надежды?

Скажите на милость: чѣмъ же они лучше нась, и за
что они презираютъ, грязнятъ нась, темныхъ людей?

Или за то, что мы хотимъ иногда такъ жить, какъ они
живутъ: имѣя подъ руками средства, пріобрѣтаемъ себѣ
хорошую квартиру, хороший столъ, одѣваемся въ прилич-
ное платье и стараемся дѣтямъ дать образованіе? Всего
этого домогаются они, почему же намъ возвращается? Или
за то, что у нась есть капиталы, которые приносятъ намъ
доходъ? Но интеллигентіи не уято имѣть капиталы, и по
моему, они пользы не большие дѣлаютъ, что ведя роскош-
ную жизнь, направленную для личнаго счастья, прожи-
ваютъ весь, иногда очень хороший свой доходъ и нерѣдко
остаются нашему брату, кулакамъ-міроѣдамъ, даже долж-
ными, и нѣкоторые нисколько не стѣсняются, если при
удобномъ случаѣ отвильнутъ отъ уплаты намъ долга. Или
что мы пріобрѣтаемъ съ небогатыхъ крестьянъ тысячи двѣ
рублей въ годъ дохода, тѣмъ мы и виноваты? Какъ я ужъ гово-
рилъ—предсѣдатель унравы вѣдь не стѣсняется получать съ
тѣхъ же крестьянъ, иногда за два, за три часа работы въ
день, двѣ тысячи рублей въ годъ—и онъ правъ, а мы нѣтъ?

Если мы, за свой трудъ, гдѣ затрачивается капиталъ
при рискѣ имѣ, такъ что случается у нась, что иногда
вмѣсто вознагражденія за трудъ, даже теряемъ часть сво-
его собственнаго капитала; если мы никогда не знаемъ
отдыха—стъ утра до вечера трудимся, такъ какъ который
день мы не поработаемъ, то намъ въ тотъ день жалова-
ніе не идетъ; если мы постоянно заботимся, рѣдко зная,
что такое есть покой—того и смотри, чтобы что ни сго-
рѣло, чтобы воры что ни украли, чтобы что ни потонуло,
чтобы кто ни обманулъ, и если за все это получимъ въ
годъ тысячу, двѣ—рублей,— то мы—кулаки-міроѣды! За-
тѣмъ, мы вѣдь съ мужиковъ силой не деремъ эти деньги.

Если они видятъ, что необходимый для нихъ товаръ выгоднѣе купить у меня, то они идутъ ко мнѣ, а если они находятъ, что для нихъ полезнѣе пріобрѣсти товаръ въ другой лавкѣ, то его добрая воля—туда опъ можетъ и обратиться. Если же по нуждѣ своей бѣднякамъ приходится сбывать необходимыя для нихъ молоко, ленъ, скотину... то виноваты въ этомъ не торговцы, что у нашихъ мужиковъ такая бѣдность. Торговцамъ не исправить ее, да многаго и спрашивать съ насть, какъ съ темныхъ людей, нельзя у насть есть много образованныхъ людей, которые, кромъ словъ своихъ, никогда не перейдутъ къ дѣлу и не помогутъ бѣднякамъ, то намъ, темнымъ и непросвѣщеннымъ людямъ, если мы не помогаемъ народу, и Богъ ироститъ.

Пусть наши передовые люди, считающіе себя нашими учителями и указывающіе наши недостатки, подадутъ примѣръ помощи народу не только на словахъ, но и на дѣлѣ, я надѣюсь, что наши торговцы не останутся въ сторонѣ, откликнутся на призывъ добра, какъ и всегда отзывались... и тогда помошь народу будетъ двигаться впередъ; а теперь немного пользы отъ того, что мы только грязнимъ друѣ друга—отъ этого мы не лучше бываемъ: грязь не дастъ чистоты... Извините меня, можетъ быть что лишнее наговорилъ вамъ, но я отъ лица торговцевъ расплачивалясь съ интеллигенціей даже еще не той монетой, которой отъ нихъ торговцы получали... Не угодно ли вамъ пройтись и посмотрѣть хозяйство?

— Если у васъ есть свободное время, то, пожалуйста, покажите его: это для меня очень интересно.

Юрковъ показалъ свой маслодѣльный заводъ, мельницу, садикъ, гдѣ устроена босѣдка и стояли двѣ колоды со спичками, поля съ озимымъ и яровымъ хлѣбомъ и заливные луга. Вездѣ видно было устройство заботливаго опытнаго хозяина.

— Вотъ все это я пріобрѣлъ,— указывая рукой, гово-

рилъ Юрковъ,—благодаря своему уму, труду, бережливости—не пропивалъ, не прогуливалъ нажитыхъ денегъ—и опытности. Что ни возьми въ моемъ хозяйствѣ—домъ, скотину, мельницу, маслодѣльный заводъ, лавку, нашни и пожни—все составляетъ существенную и необходимую принадлежность нашей жизни, и я, какъ хозяинъ, какъ распорядитель этого имѣнія, не бросившій на вѣтеръ капиталъ, добытый тяжелымъ трудомъ, думаю, что упорнымъ трудомъ своимъ съ утра до вечера являюсь полезнымъ не только для себя и для своей семьи, которая есентѣло держится на мнѣ и которая не можетъ надѣяться ни на какія ненасіи и пособія, а только разсчитываетъ просуществовать безбѣдно, благодаря своему хозяину, но трудъ мой полезенъ и для общества, такъ какъ, если бы отъ меня окружающіе видѣли себѣ вредъ, то не имѣли бы со мной общенія и никакого дѣла, потому что никто себѣ не врагъ. А что же касается исправленія нужды народа, то сдѣлайте полезный примѣръ вы, умные люди, которые на то и существуютъ, чтобы выдумывать что-нибудь полезное и применять его къ жизни, которое на самомъ дѣлѣ улучшило бы ее, тогда и я всегда въ такомъ дѣлѣ приму участіе.

Между тѣмъ они уже возвратились изъ обзора хозяйства Юркова и любезно распрощались другъ съ другомъ.

„Ну и Юрко... сказалъ про себя Сергеевъ. „А пожалуй, есть въ его словахъ и правда“.

Евгений Мазенинъ.

Евгеній Мазепинъ.

II.

ЗЕМСКІЙ ФЕЛЬДШЕРЪ.

ПОВѢСТЬ.

Издание А. Б.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунова, Екатерининскій кан. № 71—6.

1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 Декабря 1904 г.

Земскій фельдшеръ.

ПОВѢСТЬ.

І.

Въ Гридинскую земскую лечебницу въ концѣ сентября прѣѣхалъ новый фельдшеръ—Николай Даниловичъ Столовъ, котораго звали больше просто Даниловичемъ, такъ и мы будемъ его звать.

Даниловичъ былъ совсѣмъ еще молодой — лѣтъ девятнадцати, сухощавый, небольшого роста, съ выдающимся впередъ длиннымъ подбородкомъ, доказывающимъ самолюбиваго человѣка. Онъ еще только весною пынѣшняго года кончилъ фельдшерскую школу и теперь на первое прибылъ мѣсто.

Навстрѣчу ему вышелъ сторожъ.

— Дома Васильевъ? — спросилъ Даниловичъ сторожа. Васильевъ—товарищъ Даниловичу по школѣ, поступившій на мѣсто лѣтомъ, сразу по окончаніи школы.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ сторожъ. — Онъ ушелъ. Вамъ на что его?

— Я къ вамъ назначенъ фельдшеромъ.

— Такъ проходите къ нему въ комнату. Ключъ онъ оставилъ у меня—я вамъ отопру. Вы посидите—онъ скоро придетъ.

По узкой лѣстницѣ они поднялись въ мезонинъ и вошли въ квартиру Васильева. Она состояла изъ трехъ комнатокъ:

прихожей—кухни, передней и спальни. Въ передней мебели было—столъ да два стула.

— Не угодно-ли я вамъ поставлю самоварчикъ,—предложилъ сторожъ.

— Пожалуй, онъ не мѣшаетъ.

Погода была холодная, а Даниловичъ щжалъ въ легонькомъ ватномъ пальтишкѣ, то онъ прозябъ и радъ чайкомъ согрѣться.

Покамѣстъ сторожъ возился съ самоваромъ, онъ, отъ нечего дѣлать, пошелъ осматривать лечебницу.

Лечебница помѣщалась въ деревянномъ, одноэтажномъ, съ двумя мезонинами, домѣ по шести оконъ съ каждой стороны. Широкимъ теплымъ коридоромъ, въ одномъ концѣ котораго было парадное крыльцо, а въ другомъ — черное, домъ раздѣлялся на двѣ половины.

На лѣвой сторонѣ отъ параднаго входа, въ двухъ комнатахъ, на девяти кроватяхъ помѣщались больные, а третья—служила операционной; на правой — приемная — аптека, а рядомъ съ ней кухня и квартира сторожа и кухарки. Прихожей служилъ коридоръ; изъ него вела лѣстница въ мезонины; въ другомъ мезонинѣ жила новивальная бабка.

Когда Даниловичъ возвратился въ квартиру фельдшера, то самоваръ уже былъ на столѣ, посуда собрана.

— Ты зачѣмъ заварилъ чаю, у меня вѣдь есть свой,—сказалъ онъ сторожу, замѣтивъ, что чай заваренъ.

— Покушайте вы моего-то.

— Такъ ты тогда садись со мною пить чай.

— Покорно благодарю—я сейчасъ только пилъ.

— Ну, чай на чай—ничего, побои на побои вѣдь худо-то. Ты ужъ чаю-то болѣе много положилъ, мнѣ всего не пинть—онъ также останется, да и мѣ пить съ тобою вѣсѣлѣ. Давай садись.

Вскорѣ вошелъ Васильевъ и дружески привѣтствовалъ товарища, протягивая ему толстую руку.

— О, Даниловичъ ужъ пріѣхалъ, — съ радостью говорилъ онъ. — Вотъ какое счастье — намъ припілось обомъ вмѣстѣ служить.

— Да, дѣйствительно, ладить, такъ по изладить, — поздоровавшись, отвѣчалъ Даниловичъ, — мы вмѣстѣ учились въ фельдшерской школѣ, вмѣстѣ ее кончили и вмѣстѣ служить пришлось.

Ну, какъ ты здѣсь привыкаешь?

— Пичего. Теперь стать привыкать, а спачала, такъ, братъ, показалось не больно весело. Вѣдь у насть въ школѣ-то было очень хорошо, а здѣсь, далеко не то: выйти почти некуда, одному, да еще съ больными — надѣждаетъ. Ладно, что ты пріѣхалъ — вдвоемъ будетъ веселѣе. Жить ты оставайся у меня, мѣста намъ обомъ хватить, а квартирныя три рубля останутся у тебя въ карманѣ — они тебѣ не помѣшаютъ.

— Отправляясь сюда, я и думалъ у тебя поселиться, но, смотри, съ тѣмъ условіемъ, чтобы квартирныя деньги дѣлить пополамъ.

— Обѣ этомъ не толкуй — сдѣлаемся. Пищу миѣ готовить сторожиха, а ей ужъ ладить все равно: что для одного, то для двоихъ.

— Такъ ты говоришь, что не больно добро здѣсь?

— Не совсѣмъ-то, парень. Когда я учился въ школѣ, то только и мечталъ о томъ, какъ бы поскорѣе ее копчить, да опредѣлиться на мѣсто — самостоятельно пожить — поблаженствовать, а оказывается въ школѣ намъ было куда какъ лучше: поили, кормили, одѣвали, обували хорошо; никакой заботы, кромѣ уроковъ, не было, въ свободное время то и дѣло заводили иѣсси, танцы, а когда завернется въ карманѣ двугривенный, то сходишь въ театръ; да и такъ пройтись по губернскому городу, а особенно съ барышнями, куда какъ веселѣе, чѣмъ здѣсь одному, да еще по лѣсу.

На должности, братъ, заботы небольшие, работы довольно, каникуль никакихъ нѣть, скуча—однимъ словомъ, незавидное житье.

— Пріемъ-то больныхъ у васъ въ какие часы?

— По расписанию: утромъ — съ десяти до часу, вечеромъ — съ четырехъ до шести, а трудно-больныхъ принимаемъ во всякое время.

— Дежурство у васъ здѣсь учреждено?

— Какое-то дежурство выдумалъ. Здѣсь одному фельдшеру приходится очень часто путешествовать по участку, то другого, оставшагося при лечебнице, какъ угодно считай: хоть дежурнымъ, хоть нѣть.

— Участокъ здѣсь великъ?

— Порядочный: въ одну сторону верстъ пятьдесятъ будетъ, а въ другую едва-ли не болѣе, пятнадцать училищъ въ немъ; ихъ нужно посѣтить, во время ученія, каждый мѣсяцъ, да нерѣдко таскаютъ къ больнымъ; всего хуже мы съ тобой попали сюда на самый разгаръ эпидеміи—осны и скарлатины—еще чаще приходится выѣзжать въ участокъ.

— Отъ скарлатины и осны иnomираетъ больныхъ норядочно?

— Есть. Въ одной деревнѣ, пока я ночевалъ, умерло двое; эпидеміи въ трехъ дальнихъ волостяхъ; больно ужъ много хлопотъ съ ними—хоть не выѣзжай изъ участка.

— Можетъ быть, эпидеміи и скоро прекратятся — тогда носвободнѣе будетъ. Здѣсь сходить-то хоть кому-нибудь можно?

— Не больно, братъ, здѣсь разгуляешься, когда и выпадетъ свободное время; хотя народу живеть довольно, но онъ самый разнокалиберный, сторонится другъ друга, такъ что едва-ли подойдутъ они къ намъ: земскій пожилой—мы ему не нара; одинъ попъ ничего, да старикъ, а другой—какой-то нелюдимъ — самъ никуда не ходитъ, да у себя немногого угостить; дьяконъ и два исаломщика славные

ребята, но они для кармана невыгодны, старшина — ровно
блаженной памяти о. Августинъ, а писарь и поневолѣ его
сынъ; еще на придачу двѣ старухи — вотъ и вся наша
публика.

— Ты на гармоніѣ хорошо играешь, а я кое-что умею на
скрипкѣ, то мы съ тобой заведемъ: одинъ — гармонію, а
другой — скрипку и станемъ на нихъ играть. Вотъ и будетъ
намъ весело.

— Это дѣло. Но соловья баснями не кормятъ — ты на-
вѣрно „ѣсти“ хочешь. Давай-ка поужинаемъ, а потомъ ля-
жемъ спать.

Послѣ ужина наши фельдшера легли на одну кровать,
долго еще разговаривали другъ съ другомъ, но сонъ взялъ
свое — они заснули.

II.

На другой день Даниловичъ пришелъ въ пріемную.
Здѣсь была уже новивальная бабка и осипрививательница,
помогавшія при пріемѣ больныхъ. Вскорѣ явился врачъ,
уже пожилой и толстый изъ себя.

Начался пріемъ. Даниловичъ записывалъ больныхъ въ
книгу, врачъ осматривалъ и назначалъ лѣкарства, Васильевъ
и новивальная бабка приготавляли лѣкарства и помогали
врачу при пріемѣ, а осипрививательница дѣлала пере-
вязки.

Больные были все большею частью съ самыми обыкно-
венными болѣзнями: экземой, чесомъ, спирилломъ, кашлемъ,
ноносомъ, запоромъ, лихорадкой, ранами...

Въ какихъ-нибудь три часа врачъ отпустилъ сорокъ
больныхъ. Послѣ пріема онъ осмотрѣлъ больныхъ, находя-
щихся при лечебницѣ и ушелъ домой, а наши фельдшера
поднялись къ себѣ въ квартиру.

На другой день врачъ послалъ Даниловича на мѣсто

эпидеміи скарлатини, въ деревню, находившуюся отъ лечебницы въ тридцати восьми верстахъ.

Даниловичъ, посовѣтовавшись съ Васильевымъ, какихъ нужно взять въ дорогу лѣкарствъ, уложилъ ихъ въ дорожный ящикъ, взялъ пироговъ и побѣхалъ въ путь на парѣ земскихъ. Хотя фельдшеру полагается одна лошадь, но самъ содержатели станцій обыкновенно возятъ на парѣ: скорѣе лошади возвратятся домой, да двумъ лошадямъ легче везти чѣмъ одной.

Дорога была проселочная, грязь стояла по колѣнамъ—гдѣ—индѣ настланный жердникъ весь избитъ, онъ усиливалъ и безъ того чувствительные толчки въ тряскомъ тараптасѣ. Вечеромъ сдѣлалась такая темнота, что лошади едва разбирали дорогу. Выѣхавъ въ два часа дня, Даниловичъ едва только къ десяти часамъ вечера дотащился до деревни, гдѣ была эпидемія.

Десятскій поставилъ ему самоваръ. Даниловичъ попросилъ у него яицъ, сварилъ ихъ въ самоварѣ и ими и пирогами поужиналъ.

Хозяйка постлала на лавкѣ шубу, и Даниловичъ, положивъ подъ голову брюки и ииджакъ и окутавшись своимъ нальтишкомъ, легъ на шубу; но во всю ночь онъ проспалъ не болѣе двухъ часовъ: блохи не давали ему покою, тревожа его не столько своими укусами, сколько бѣготней по тѣлу; да въ избѣ, полной народу, было и жарко и душно, что еще болѣе отгоняло сонъ.

Какъ только стало свѣтать, онъ понялъ чаю и отправился по больнымъ, которые были въ трехъ домахъ.

Онъ вошелъ въ небольшую избушку. Печка еще топилась; дымъ спирало вѣтромъ и онъ стлался почти до полу, такъ что хозяйка пріотворила двери въ холодный сѣни. Щурясь отъ Ѣдкаго дыму, Даниловичъ прошелъ впередъ. Передъ печкой на лавкѣ онъ едва разглядѣлъ лежавшаго подъ овчиннымъ одѣяломъ исхудалаго болѣнаго—молодого

парня. Внимательно осмотрѣвъ его, онъ убѣдился, что парень боленъ скарлатиной.

— Нѣтъ-ли у васъ другого помѣщенія получше этого,— спросилъ онъ хозяйку, повидимому мать больного. — Тутъ вѣдь ему илохо поправляться.

— Только у насъ и есть одна эта изба,— отвѣчала хозяйка,— и дѣвать его больше совсѣмъ некуда.

Даниловичъ далъ лѣкарства, объяснилъ какъ его употреблять, пошелъ въ другую избу; но здѣсь ужъ больной умеръ.

Въ третьей избѣ, у дверей онъ увидѣлъ двоихъ больныхъ—мальчика лѣтъ двѣнадцати и дѣвочку лѣтъ восьми, лежавшихъ рядомъ на соломѣ и покрытыхъ разныемъ тряпьемъ.

Въ избѣ была страшная грязь; стѣны прокопчены дымомъ; около печки стояла вонючая деревянная дохань, а изъ подъ пола нахло навозомъ и тамъ безпрестанно блеяли овцы и телята. Холстинное толстое бѣлье на дѣтяхъ все было въ грязи.

— Чѣмъ вы ихъ кормите,—спросилъ Даниловичъ, видя дѣтей ужъ сильно истощенными.

— Что сами їдимъ, то и имъ даемъ: горохъ, крупуяня ящи и картошку.

— Вы имъ давайте постоянно прясного молока.

— Да, батюшка, у насъ его нѣтъ — у насъ одна боровенка, да и та не доитъ.

— Такъ ты купи у сосѣдей.

— Купить-то не па что. Развѣ ужъ для больныхъ-то ребятокъ попросить у сосѣдей, добрые люди дадутъ; да ребятишкамъ-то не много и надо — ничего почти они не їдятъ; но поди по постнымъ-то днямъ имъ грѣхъ молоко-то давать.

— Здоровымъ—грѣхъ, больнымъ—не грѣхъ,—объяснилъ Даниловичъ.—Ты спроси у своего священника—онъ это же скажетъ.

— Ну, ладно, когда стану ихъ я кормить молокомъ— пусть они поправляются, а то все ужъ измаялись „сердечные“, съ мѣста не встаютъ другую недѣлю, меня-то они измучили: мужика у меня нѣть, ребята четверо—все малъ-мала меньше, и старшему-то двѣнадцать лѣтъ, а младшему еще три года о „вениомъ“ Николай днѣ минуло; только было стать подростать помощникъ, старшій-то сынъ, какъ заболѣлъ, того смотри что помреть — придется мнѣ съ ребятишками еще одной долго „маяться“. Вотъ и дома-то съ ребятами и со скотиной и въ полѣ—одна, а теперь еще ребята больные—надо руки съ ними; сидѣть дома не приходится: надо на гумно идти — хлѣбъ молотить... и оставляешь ихъ, бѣдняжекъ, подолгу однихъ, — говорила съ нлачемъ баба.

Съ тяжелымъ сердцемъ вышелъ Даниловичъ изъ избы. Чужое горе было ему какъ будто своимъ. Онъ видѣлъ нужду, горе бабы и ея дѣтей, но не въ спахъ былъ имъ помочь.

Когда онъ возвратился къ десятскому, то въ избѣ сидѣло много больныхъ, набѣжавшихъ изъ этой и окрестныхъ деревень; они рады слушаю обратиться за помощью къ фельдшеру, пріѣхавшему къ нимъ.

Даниловичъ отпустилъ имъ изъ взятыхъ съ собою лѣкарствъ, надавалъ имъ рецептовъ, предупредивъ при этомъ, чтобы они за лѣкарствами обратились въ лечебницу, такъ какъ ихъ съ собой у него нѣть, и навѣстилъ еще больныхъ двухъ сосѣднихъ деревень.

Нѣкоторые изъ больныхъ такъ и остались съ одними рецептами: за дальностью разстоянія они не пошли въ лечебницу за лѣкарствами.

Даниловичъ домой пріѣхалъ уже передъ утромъ; тот-часъ же легъ спать и проснулся въ одиннадцать часовъ дня.

— У насъ такъ поздно не ходятъ на службу,—съ такими словами встрѣтилъ его врачъ.

— Я изъ участка пріѣхалъ уже утромъ,—оправдывался Даниловичъ.

— Но все-таки, предупреждаю васъ, на слѣдующее время вы должны быть на службѣ поаккуратнѣе.

Горько и обидно сдѣлалось на душѣ у Даниловича: онъ мучился въ дорогѣ и съ больными, почти не смыкая глазъ, болѣе полутора сутокъ, и за то, что послѣ такой работы, онъ, для возстановленія своихъ силъ, выспался, ему дѣлаютъ замѣчаніе!

— Ну, какъ тебѣ понравился первый выѣздъ къ больнымъ,—съ добродушной усмѣшкой спросилъ его Васильевъ послѣ приема больныхъ.

— Самъ бывалъ нѣсколько разъ, такъ лучше меня знаешь—что и сирашиваешь,—недовольнымъ голосомъ замѣтилъ ему Даниловичъ.

— Ты, братъ, не сердись—надо привыкать ко всему: какъ здѣсь надъ каждымъ пустякомъ разстраиваться, то и не жить.

А ты смотри на все похладнокровнѣе—тогда лучше будетъ.

— Мнѣ кажется, что врачъ совсѣмъ безъ сердца: я почти не спалъ подъ рядъ цѣлыхъ двѣ ночи; утромъ только немножко соснулъ—и онъ мнѣ сдѣлалъ выговоръ, что я не своевременно явился на службу. Вѣдь это совсѣмъ безчеловѣчно!

— Въ общемъ, онъ хороший человѣкъ—вѣжливый съ нами, всегда застуپается за нась, но только его проклятая аккуратность портить всегда: что хошь для него дѣлай, а въ назначенные часы на службу явись. Ну, хоть и скажу—не велика важность, за то же промететь.

— Самъ-то онъ часто выѣзжаетъ на эпидеміи?

— Вотъ я служу три мѣсяца и во все это время онъ бывалъ тамъ одинъ разъ.

— Его больные часто увозятъ къ себѣ?

— При мнѣ такъ не случалось ни одного раза. На одной лошади, поданной отъ больного, онъ не пойдетъ, а какъ платить ему прогоны за пару лошадей въ ту и другую сторону, то для крестьянина дорого стоитъ—они и предпочитаютъ увозить на своей лошадкѣ насть.

— Хорошимъ довѣріемъ пользуется здѣсь врачъ?

— Не особеннымъ.. Если бы онъ былъ русскій, то, можетъ быть, побольше довѣряли бы ему, а то ему, какъ еврею, не очень довѣряютъ; многіе, при возможности, обращаются ко мнѣ.

— Онъ не сердится на это.

— И очень иногда сердится; но я не виноватъ, что больные больше вѣрятъ мнѣ, чѣмъ ему, и я не въ правѣ отказать больному, если онъ просить меня исѣчить его; если больной не желаетъ обращаться къ врачу, то не оставлять же его безъ помощи.

— Операций много дѣлаетъ врачъ?

— Какое много: если нѣкоторые больные избѣгаютъ лѣчиться у него отъ легкихъ болѣзней, то тѣмъ болѣе не довѣрятъ ему сдѣлать у себя операцию. Такъ какъ другихъ операций приходится мало дѣлать, то онъ налагаетъ на чирьи: ни одного чирья не пропустить, чтобы не разрѣзать его; а я даю пластыря и за тоже чирьи скоро проходятъ, и больные довольно—они операций не очень любятъ.

— Кто больничнымъ хозяйствомъ завѣдуется?

— Это все лежитъ на моей обязанности, а врачъ только сдѣлаетъ хороший нагоняй, если замѣтить гдѣ какую-либо неисправность. Самъ же онъ только и знаетъ: посидѣть въ лечебнице съ десяти до часу дня, а когда больныхъ мало, то и ранѣе, остальное же все дѣло лежитъ на нашихъ илечахъ.

III.

Вскорѣ врачъ бросилъ свой участокъ на произволъ судьбы, а самъ, получая ранѣе полторы тысячи въ годъ жалованья, перешелъ въ городъ на девятьсотъ рублей.

Исправленіе должности врача, упра ви поручила сосѣднему Дроздову, жившему отъ Гридинской лечебницы въ ста верстахъ.

Этотъ врачъ былъ еще совсѣмъ молодой, русскій, человѣкъ доброй души, хотя вспыльчивый, но не надолго; со своими молодыми фельдшерами онъ обращался по-дружески.

Но для него достаточно было дѣла въ своемъ участкѣ, поэтому въ Гридинскую лечебницу онъ прѣѣжалъ на два или на три дня въ мѣсяцъ. Вся работа врача всецѣло лежала на фельдшерахъ.

Они принимали приходящихъ больныхъ, лечили лежавшихъ въ лечебницѣ, наблюдали за хозяйственной частью, за порядкомъ, составляли отчеты, юздили въ участокъ, гдѣ особенно, при эпидеміяхъ, имъ часто приходилось бывать. Во все время ихъ жизни безъ врача, одинъ фельдшеръ путешествовалъ съ недѣлю по участку, а другому по горло было дѣла въ лечебницѣ; возвращался изъ участка одинъ, ему на смену юхалъ другой. Въ участкѣ приходилось жить большою частью на одномъ сухоядѣніи — молоко было у многихъ кислое и пахло дымомъ, а остального, кромѣ яицъ, въ деревнѣ нечего достать.

Упра ви болѣе полугода не могла нанять врача; несмотря на неоднократныя публикаціи, желающихъ занять мѣсто, неявлялось, тѣмъ болѣе, что управѣ хотѣлось имѣть врача по происхожденію русскаго; а нѣкоторые, пообѣщавшись поступить на службу, потомъ отказывались — находили болѣе лучшее мѣсто.

Но наши ребята не унывали, славно обходились и безъ врача — они чувствовали себя даже свободиѣ, а Дроздова

пріѣзжавшаго къ нимъ ненадолго, они ждали какъ дорогого гостя и по душѣ бесѣдовали съ нимъ.

Несмотря на молодые годы, фельдшера пользовались и довѣріемъ: къ нимъ не только обращались одни крестьяне, но даже охотно шли за помощью священники, діаконы исаломщики, учителя и торговцы.

Но Даниловичъ отъ природы былъ самолюбивый, настойчивый, и изъ-за своего характера нажилъ себѣ непріятности.

Недалеко отъ лечебницы жилъ богатый торговецъ Наживинъ, содержавшій въ окрестности безъ чего-то двадцать кабаковъ. Онъ поставлялъ для лечебницы мясо. Въ Великій постъ, когда уже стояло тепло, послалъ въ лечебницу цѣлыхъ полтуши мяса, которое сохранить долго свѣжимъ было трудно. Даниловичъ взялъ только половину посланного мяса, а остальную возвратилъ обратно. Торговца это задѣло за живое—онъ сталъ ждать случая, чтобы отомстить фельдшеру.

Во время пріѣзда врачъ Дроздовъ прописалъ ему рецептъ, съ этимъ рецептомъ посланный Наживина пришелъ въ лечебницу, гдѣ находился одинъ Даниловичъ.

Онъ только что возвратился изъ пріемной послѣ занятій и теперь обѣдалъ. Посмотрѣвъ на рецептъ и видя, что отпускъ лѣкарства не срочный, онъ сказалъ посланному, чтобы онъ приходилъ за лѣкарствомъ въ назначенные часы, то есть въ пять часу вечера.

Этотъ отвѣтъ посланный передалъ Наживину, котораго окончательно взбѣсило.

Одна за другой полетѣли врачу жалобы на Даниловича съ предупрежденіемъ, что если врачъ ничего не сдѣлаетъ, то онъ пожалуется на него земской управѣ, а если и управа не уважить его прошенія, то станетъ на него жаловаться губернатору.

Но врачъ всѣми мѣрами защищалъ Даниловича. Онъ даже, встрѣтившись съ Наживинымъ, спорилъ съ нимъ по этому поводу.

— Даже совсѣмъ непримѣнимый у насъ фельдшеръ Даниловичъ, — началъ со злобой Наживинъ. Онъ мальчишка, а дѣлаетъ все по своему. Посылаю я къ нему за лѣкарствомъ — онъ не хочетъ и отпустить.

— У меня на рецептѣ не было помѣчено, что отпускъ лѣкарства срочный, почему фельдшеръ и могъ не въ назначенные часы не отпустить лѣкарства, — возразилъ врачъ.

— Для меня-то онъ во всякомъ случаѣ долженъ сдѣлать исключеніе.

— Если для васъ дѣлать исключеніе, то для священниковъ, учителей тѣмъ болѣе; да и другіе торговцы и крестьяне не грѣшили васъ, чтобы что для васъ было сдѣлать можно, а имъ нельзя.

— Пріемныхъ вашихъ часовъ, установленныхъ вами же, я знать не хочу; у насъ есть правила службы врачей и фельдшеровъ, по которымъ фельдшеръ обязанъ принимать больныхъ и отпускать лѣкарство во всякое время, то онъ и долженъ исполнять эти правила.

— Но правила существуютъ для всѣхъ фельдшеровъ, а условія жизни ихъ неодинаковы. Такъ, напримѣръ, въ этомъ случаѣ: врача уже четыре мѣсяца, какъ въ участкѣ совсѣмъ неѣтъ, другой фельдшеръ уѣхалъ по училищамъ на недѣлю, оставшійся дома и обязанъ быть на службѣ одинъ всю недѣлю, работать за троихъ, не зная себѣ ни отдыха, ни покоя? И предъявлять въ такое время къ человѣку требованія, хотя основанныя на правилахъ, но убивающія и нравственно, и физически, его совсѣмъ не справедливо.

— Если онъ взялся за гужъ, то не говори, что не дюжъ.

— Положимъ, что управа многое сдѣлаетъ только то, что переведетъ Даниловича въ другой пунктъ, боясь, чтобы при новыхъ выборахъ вы, какъ гласный, не положили бы шаръ налево предсѣдателю и членамъ, но это нисколько не придаетъ вамъ чести: вы, взрослый мужчина, пользуясь окружѣемъ уваженіемъ, связались бороться съ ма-

лонькимъ человѣкомъ, еще неопытнымъ въ жизни, кото-
рого сѣсти болѣе нѣтрудно. Я бы на вашемъ мѣстѣ, если
бы и видѣлъ за нимъ какія ненравильности, то только обѣ
ихъ сказаць бы ему или мнѣ, не какъ фельдшеру или
врачу, какъ своему знакомому: если бы ваши слова были
правда, то онъ самъ бы созналъ, или я разъяснилъ бы
ему, что онъ поступилъ неправильно. И вотъ, это бы съ
вашей стороны было хорошо и противъ этого я ничего бы
не имѣлъ.

Покамѣстъ Дроздовъ исправлялъ должность врача въ ихъ
участкѣ, всѣ происки Наживина оставались тщетными; но
вскорѣ прѣѣхалъ новый врачъ, который, какъ и всякий вновь
поступающій служака, принялъся горячо за дѣло, то проше-
ніемъ Наживина произвелъ дознаніе и представилъ его на
врачебно-санитарный совѣтъ.

На врачебно-санитарномъ совѣтѣ вышелъ горячій споръ.
Врачъ Дроздовъ предложилъ совѣту: во избѣженіе другихъ
непріятностей фельдшеру отъ Наживина, лучше его убрать
отъ лихого человѣка; онъ же согласенъ взять его къ себѣ
на самостоятельный пунктъ, гдѣ мѣсто для фельдшера бу-
детъ еще лучше. Врачебно-санитарный совѣтъ, найдя всѣ
жалобы Наживина неосновательными, Даниловича перевелъ
въ предложенный врачемъ Дроздовымъ Красиборскій уча-
стокъ.

Даниловичъ, совсѣмъ не ожидая себѣ перевода, полу-
чивъ отъ управы бумагу, прибылъ въ пунктъ черезъ недѣлю
и противъ назначенаго управой срока. Управа потребовала
отъ него объясненіе о причинѣ неприбытія къ сроку на
мѣсто и въ наказаніе ему, за просроченное время не вы-
дала жалованія.

Врачу Дроздову за исправленіе участка въ теченіе семи
мѣсяцевъ земское собраніе дало вознагражденія триста ру-
блей, фельдшерамъ-же, несмотря, что къ прѣѣзду врача и
эпидеміи прекратились даже и спасибо не сказали, а Данило-

вичъ въ награду еще, помимо желанія, былъ переведенъ въ другой пунктъ.

VI.

Красноборскій фельдшерскій пунктъ находился въ двухъ, этажномъ домѣ, стоящемъ одиноко—далеко отъ ближайшей деревни. Въ низу дома помѣщается волостное правленіе, а въ верху—впереди живетъ писарь съ семьей, задъ занятъ пунктомъ.

По парадному крыльцу, подымаясь на верхъ дома, входите въ длинный коридоръ. По лѣвой сторону отъ дверей отведена фельдшеру просторная комната, а въ концѣ коридора находится прихожая, гдѣ виситъ рукомойникъ, да около стѣны, стоять подвижная длинная лавка, въ прихожей—три двери: одна ведутъ по черному крыльцу на улицу, другія—по коридору въ комнату фельдшера, а третыи—въ пріемную, почти всю занятую топорной работы бурыми шкафами съ лѣкарствами въ нихъ, и длиннымъ посерединѣ комнаты столомъ, на которомъ находились вѣсы и гири; у окна ютился небольшой столикъ съ толстой книгою на немъ для записыванія больныхъ.

Изъ руководствъ для фельдшера оказалась одна только Фармакопея изданія 1880 года; медицинскихъ инструментовъ было пустяки, даже не имѣлось пульверизатора для обеззараживанія комнатъ.

Вотъ въ такомъ-то помѣщеніи, при такихъ-то пособіяхъ отъ участковаго врача, въ сорока шести верстахъ, Даниловичъ сталъ лечить больныхъ трехъ волостей, насчитывающихъ до пятнадцати тысячъ жителей и находившихся отъ него на разстояніи: въ одну сторону двадцати трехъ, а въ другую—тридцати верстъ. Первое время, опредѣленіе серьезныхъ болѣзней ставило нашего фельдшера совсѣмъ втунѣ и посовѣтоваться было не съ кѣмъ; если бы при

пунктѣ имѣлись медицинскія книги, то можно бы справиться въ нихъ, а на бѣду и ихъ-то иѣтъ. Видя, что безъ пособій плохое леченію, онъ на другой же мѣсяцъ вынѣсъ книгу по медицинѣ на свои пятьадцать рублей.

„Ну, теперь хоть будетъ немногого полегче, думалъ онъ: у меня есть подъ руками хорошіе учителя, съ которыми можно посовѣтоваться“.

Жизнь при Красноборскомъ пункте была для Даниловича очень невеселая. Кромѣ правленія сходить больше некуда: мужики въ будни заняты, а въ воскресные и праздничные дни идти къ нимъ никогда—постоянно прибывали больные, да и до деревни далеко; а церковь же, гдѣ для фельдшера есть всегда подходящій народъ — священникъ, причтъ и торговцы—находилась въ пяти верстахъ,—и подумаешь, да отдумаешь туда сходить.

При такой скучной и однообразной жизни, Даниловичъ ужъ служить въ Красноборскомъ пункте скоро пять лѣтъ. Сегодня онъ проснулся въ семь часовъ утра. Сторожиха, босоногая, въ красной юбкѣ пожилая баба, принесла на столъ самоваръ. Даниловичъ заварилъ чай и сталъ читать книгу, чтобы убить до приема больныхъ время. Около девяти часовъ утра онъ видѣлъ въ окно, что къ дому подходятъ больные и подъѣзжаютъ на телѣгахъ „одноколкахъ“—простой деревянный ящикъ, лежащій на оси, на которую вдѣты два колеса; на одноколкахъ обыкновенно возятъ на земѣ: онъ очень тѣсны—аршинъ ширины и два длины, задъ у нихъ ниже, а передъ выше.

— Въ десятомъ часу Даниловичъ пошелъ принимать больныхъ. Въ приемной уже находилась повивальная бабка, помогавшая ему при приемѣ больныхъ. Она служить бабкой давно; а такъ какъ своей практики у нея было мало, не болѣе въ годъ двадцати пяти приемовъ дѣтей у роженицъ, то она помогала фельдшеру; аптечное дѣло и перевязки на практикѣ узнала хорошо; фельдшеръ только осматривалъ

больныхъ и назначалъ лѣкарства, а бабка отпускала ихъ и дѣлала перевязки. При своемъ двѣнадцати рублевомъ жалованіи въ мѣсяцъ, она была очень полезна для пункта, гдѣ одному фельдшеру при восьми тысячахъ больныхъ въ годъ и при частыхъ выѣздахъ въ участокъ трудно было управляться.

Въ приемную вошла молодая баба съ ребенкомъ.

— Сама больна, или ребенокъ, — спрашиваетъ ее фельдшеръ.

— Ребенокъ, — отвѣтываетъ баба.

— Какъ его зовутъ?

— Петькой.

— По отчеству?

— Ивановъ.

— Фамилія?

— Не знаю.

— Какъ тебѣ-то самой фамилія?

— Не знаю.

— А мужу?

— Тоже не знаю. Мужа-то все по отцу Никитенкомъ кличутъ: Никитенокъ, да Никитенокъ, а больше никакъ я не слыхала... Погоди, парень, немножко: вотъ я сейчасъ у бабы изъ нашей деревни спрошу—она сидитъ здѣсь въ прихожей и можетъ, быть, знать нашу фамилію.

Баба заглянула въ прихожую и спрашиваетъ:

— Федосья, ты не знаешь ли, какъ моему мужику фамилія?

— Гурьевъ, — отвѣтываетъ ей изъ прихожей женскій голосъ.

— Слыши ты—Гурьевъ, — обращается баба къ фельдшеру.—Ты такъ и запиши. Вишь ты, дѣло—то какое—живу замужемъ четыре года и не слыхала какъ мужу фамилія, удивлялась сама надъ собою баба.

— Сколько ребенку лѣтъ?—спрашиваетъ далѣе фельдшеръ.

— Другой годъ минулъ.

— Чѣмъ онъ болѣшъ?

— У него ипоность.

— Я дамъ тебѣ лѣкарства и ты его давай ребенку по три каши три раза въ день утромъ, днемъ и вечеромъ.

— А чѣмъ ты его кормишь—то?

— Що сами Ѵдимъ, то и ему даемъ: обрату, капусту, рѣдьку...

— Этого нельзя ему давать. Ты корми его молокомъ—иначе и каши ему не помогутъ.

— Ладно, когда ужъ не все молоко буду на заводъ таскать, а кринку ему стану оставлять.

Баба отиравилась. Вошелъ мужикъ, едва передвигая ногами.

— У тебя что? Опять съ ногами?—говорить фельдшеръ, видя мужика съ ревматизмомъ уже во второй разъ обращающагося къ нему за помощью.

— Да.

— Ну, какъ, мазь помогаетъ тебѣ?

— Что-то худо она помогаетъ—пользы мало вижу отъ нея, ты дай чего нибудь другого.

— На что тебѣ лучше этой мази, три ноги хорошенъко ею: у тебя боль и пройдетъ.

— Я и то ноги тру каждый день до красна, да что-то нѣтъ легче. Какъ ляжешь сиать, то еще болѣе заноютъ ноги; долго вертишься съ боку на бокъ—не можешь заснуть, а днемъ немножко и „иротищаетъ“.

— Чѣмъ ты занимаешься-то

— Колодцы рою.

— Навѣрно, иногда приходится стоять въ водѣ.

— Какже, безъ этого не обойтись. Въ другой разъ по часу и болѣе стоишь по колѣно въ водѣ, сапоги дыроватые, текутъ, да не убережешься—за голенище вода попадаетъ.

— Тебѣ ужъ надо бросить этотъ промыселъ, а то трудно

тебѣ неправиться, ты еще хуже усилиши свою болѣзнь, никакія тебѣ лѣкарства не помогутъ.

— Да конкой-то колодцевъ я и кормлю всю семью, восемь человѣкъ. Хлѣба на годъ не хватаетъ, да какъ заработка—то не будетъ, то вѣдь я и семья сѣрымъ волкомъ завоемъ.

— Ты бы нашелъ какой—нибудь другой промыселъ, гдѣ бы ноги были въ теплѣ.

— Какой?—добродушно спросилъ мужикъ.

Фельдшеръ не нашелся посовѣтовать больному мужику занятъ, гдѣ бы онъ могъ на заработкѣ содержать семью въ восемь человѣкъ и гдѣ бы ноги были въ теплѣ.

Въ приемную вошла толстая старуха и сказала:

— У меня, батюшка, ноги ноютъ. Вотъ я этта сѣно ко-
сила, а на покосѣ-то у насъ больно водняно; я въ водѣ—
то долго босая пробыла; какъ повернулась—у меня лишь
закружилось все въ глазахъ, то я свалилась, да и не могу
встать-то. Кое-какъ, то поднялась; а ноги у меня ровно
деревянныя—совсѣмъ худо ворочаются. Стою да охаю—что
хочь со мной дѣлай, не могу грести.

Сестра и давай ругать меня: „Виши, валенъ—не охота
работать, такъ стоитъ, да охаетъ“. Больно ужъ обидно мнѣ
стало: какъ у нея у самой спина ныла, такъ, „небося“,
сюда къ вамъ приходила, и я не по однѣнъ день ей мазью
спину растирала—и хорошо, а мнѣ такъ не вѣрить. Я ей
и говорю: „Ты сама ходила къ фельдшеру“ и стало легче,
то и я туда пойду“—Она мнѣ въ отвѣтъ: „Возьми постнаго
масла, да натри ноги—все пройдетъ! Хоть постнаго масла
я и купила, но тереть ноги имъ не буду. Сама-то она
лѣкарствомъ вылѣчила, то и я имъ полѣчусь. Милости-
вый господинъ фельдшеръ, ты ужъ меня вылѣчи, какъ мою
сестру вылѣчишь.

Фельдшеръ, осмотрѣвъ ноги, велѣлъ бабѣ приготовить для
старухи мазь, самъ сталъ осматривать мальчика лѣтъ девяти

и его еще молодую мать, больныхъ глазами трахомой. Осмотрѣвъ ихъ, фельдшеръ съ сердцемъ сказалъ бабѣ:

— Что же ты долго не приходила съ мальчикомъ? Въ прошлый разъ вѣдь я тебѣ наказывалъ, чтобы ты непремѣнно являлась съ нимъ въ иедѣлю два раза, а ты вотъ не бывала цѣлыхъ двѣ недѣли. Такъ будете лечиться, то вѣкъ вамъ не поправиться; хоть бы ты пожалѣла сына: смотри, ужъ у него на одномъ глазу бѣльмо набило, останется онъ на всю жизнь уродомъ и будетъ жаловаться, что онъ страдаетъ изъ-за тебя.

— Ходить—то сюда далеко—цѣлыхъ девять верстъ, да и недосугъ—работы много.

— Такъ я тебѣ тогда же говорилъ, что если ты не будешь ходить сюда, то отиравь его къ врачу въ лечебницу: тамъ его примутъ, будутъ кормить, поить, каждый день лечить, тогда онъ скорѣе поправится.

— Нѣтъ, мы ужъ здѣсь лучше полечимся—по крайней мѣрѣ дома.

— Если здѣсь станете лечиться, то нужно чаще сюда ходить.

Баба съ парнишкомъ и старуха вышли въ прихожую.

— Худа здоровьемъ въ дѣвкахъ была, „поюща“ и замужъ выходила,—говорила старуха бабѣ больной глазами—На сѣмена не гожа была, такъ не надо бы замужъ выходить; не вышла бы, такъ „парнишко—то вѣкъ и не мучился“.

— Въ дѣвкахъ—то я вѣдь была здорова.

— Какое ужъ здорова. У васъ вся семья глазами скучается. Говори ужъ то, что въ дѣвкахъ-то вы больно бойки, всемъ вамъ замужъ охота, и не разберутъ, гожи или нѣтъ на сѣмена. А наряжаются о праздникѣ въ красный сарафанъ, да и пойдутъ все пѣсни пѣть и плясать:

Руки въ бокъ,
Во весь вздохъ,
Веселись моя душа!

Какъ выйдеть ная замужь—шапоротки-то и отпустить:сама-то вѣкъ мучится, да и ребята изъ-за нея страдаютъ.

Фельдшеръ же спрашивалъ молодого парня, у которого глубокая рана зияла на лбу и все лицо и рубашка были въ крови:

— Какъ это ты себѣ такъ лобъ раскроилъ?

— Сегодня у насъ праздникъ,—отвѣчалъ парень,—мы съ ребятами панились, да и разодрались; одинъ въ дракѣ то меня по лбу камнемъ и хватилъ; у меня изо лба, какъ изъ-зарѣзаннаго барана, похлестала кровь. Сгоряча же я еще долго махался, но потомъ ужъ стало турить меня—голова въ круги пошла и я отправился сюда.

Фельдшеръ, позлѣдовавъ рану, сказалъ:

— Здорово же тебя ударили даже кость проломили, такъ она и вдавилась Ты будешь жаловаться?

— Нѣть, не буду: не стоитъ по судамъ таскаться. Вотъ какъ поправлюсь, да онъ, кто ударилъ, мнѣ подъ руку понадѣть, то я его не хуже уважу, а мнѣ, больше чѣмъ ему не будетъ.

Во время перевязки, парень, несмотря на свое крѣпкое тѣлосложеніе, нѣсколько разъ видалъ въ обморокъ.

— Смотри, каждый день на перевязку ходи,—наказывалъ ему фельдшеръ, тяжелой работы не дѣлай—тогда скорѣе поправишься.

Парень съ разбитымъ черепомъ, пѣщкомъ, придя въ пунктъ пѣщкомъ пошелъ въ свою деревню, находившуюся въ одной верстѣ отъ пункта.

На перевязку онъ ходилъ каждый день; не только былъ на ногахъ, но даже работалъ, а черезъ три недѣли совсѣмъ поправился и пересталъ посѣщать пунктъ.

Въ приемную привела мать сына лѣтъ десяти съ вывихнутой въ локтѣ рукой.

— Какъ онъ это вывихнулъ себѣ руку?—спросилъ фельдшеръ.

— Бѣжалъ онъ вмѣстѣ съ ребятишками, отвѣчала баба,— его подоннули, онъ свалился, и вывихнулъ руку.

Фельдшеру не приходилось не только выправлять локтевые вывихи, но даже видѣть какъ они выправляются. Но однако-же, осмотрѣвъ внимательно у мальчика руку, онъ при помощи бабки, сталъ выправлять и хотя послѣ долгихъ опытовъ, но руку исправилъ.

Затѣмъ, подходили больные съ чесомъ, сифилисомъ, экземой, трахомой и съ другими наружными и внутренними болѣзнями. Всего ихъ набралось тридцать четыре человѣка; фельдшеру пришлось пробыть въ пріемной до трехъ часовъ вечера.

V.

Только что усилилъ онъ пообѣдать, какъ вкатывается въ его комнату молодая баба съ раскрытой грудью и обнаженными руками.

О, о, обварилась вся, полѣчи меня,—со стономъ отъ мучительной боли говорила баба.

Даниловичъ тотчасъ же отправился съ ней въ пріемную и сталъ перевязывать раны.

— Захотѣла я около полудня чайку попить и скипѣтила самоваръ,—рассказывала баба.—Свекра-то у меня не было дома. Я боялась чтобы онъ не увидалъ меня что я днемъ во второй разъ пью чай, самоваръ—то я потащила въ мезонинъ, первая-то ступень лѣстницы была высока—лѣстница-то еще не совсѣмъ устроена, то къ ней и поставленъ не большой чурбашикъ, чтобы съ него попадать на лѣстницу; несу я самоваръ, а онъ такъ ключемъ и кипитъ; какъ только я встала на чурбашикъ, возьми онъ, да и подвернись подо мной—я и полетѣла съ самоваромъ названиемъ—кипятокъ-то и полился на меня... О, о, какъ саднѣеть—даже терпѣнія нѣтъ... Пришлосьѣхать сюда на тѣ-

дъгъ двадцать одну версту; меня дорогой даже изъ памяти выкидывало не знаю какъ, и доѣхала досюда.

Покамѣсть Даниловичъ перевязывалъ ее, подошло двое больныхъ—старуха и мужикъ.

У старухи была давно поранена нога, она ее не лѣчила и нога сильно разболѣлась.

— Ты, что долго не приходила лѣчиться,—сказалъ ей Даниловичъ.

— Виши ты, родимый, мнѣ было некогда: у невѣстки есть маленькие ребята—я съ ними вожусь, когда она уходитъ на работу; какъ порѣзала я ногу, то тогда же хотѣла идти сюда; но невѣстка стала просить меня: „Погоди маленько—вотъ я исправлюсь съ работой, то ты сходишь, а теперь ребята-то мнѣ оставить не съ кѣмъ“. Я ходила, да ходила—болѣзнь-то совсѣмъ и заустила. Вотъ ужъ мнѣ другой годъ на „седьмой“ десятокъ пошелъ, и я сроду ии чѣмъ не баливала, а на старости лѣтъ пришлось изъ-за ноги къ фельдшеру обратиться. Да идти то сюда было далеко—пятнадцать верстъ—едва я дотащилась.

— Тебѣ надо, бабушка, въ ближней деревнѣ пожить итому что придется на перевязку ходить сюда.

— Я и поживу. У меня въ этой деревнѣ родни много, да все и ближняя; даже есть два брата, ты навѣрно ихъ знаешь: Тигко, да Заяцъ Кривой.

— Какъ не знать—знаю.

— Вотъ они самые и есть мнѣ братовья—я у нихъ и побуду.

Послѣ старухи иришель съ жолтымъ лицомъ мужикъ

Объяснивъ свою болѣзнь, мужикъ началъ:

— Приходится мнѣ страдать изъ-за своего сосѣда. Ко-
силъ я на пожнѣ; лѣто нынче дождливо, и на пожнѣ было
водняно. Въ первую ночь я пошелъ спать къ сосѣду въ из-
бушку, до дому-то идти далеко—верстъ десять будетъ; въ
избушкѣ—то полу нѣту, а изъ земли даже мѣстами выжи-

мается вода, то я взялъ у сосѣда изъ стога сухого сѣна и подоспалъ подъ себя. Пришелъ сосѣдъ, увидалъ, что на его сѣнѣ я силу, разбудилъ меня, выругалъ, сѣло изъ избушки выкидалъ. Я говорю ему: „Что ты, шальной, ругаешься— какъ мое сѣно просохнетъ, то я сколько взялъ на подстлаку, тебѣ принесу“. И всего-то было взято съ бакую нибудь ношу. Но онъ сѣна не далъ. И пришлось спать на голой сырой землѣ. На другой же день у меня заболѣла голова, а теперь ужъ работать не могу, работникъ-то явъ семьѣ почти одинъ—хворать то бы некогда, да ничего не подѣлаешь.

— Ты бы хоть своей травы постлалъ—все бы лучше было.

— Какое ужъ лучше—траву мы только съ бабой скосили, да прямо въ воду—ее хоть выжми—благодать была бы одна. Неужели бы я для своего здоровья пожалѣлъ бы сѣна, вѣдь никто себѣ не врагъ.

Больной потихоньку побрелъ изъ приемной, а за нимъ направился фельдшеръ. Навстрѣчу ему идетъ мужичекъ л, низко кланяясь, говоритъ.

— Я къ вашей милости.

— Что надо?

— Я за тобой прѣхалъ. У меня парнишка лазилъ на дерево, да оборвался, упалъ на огородъ, прошкололъ насквозь коломъ себѣ въ наху ногу, такъ и повисъ. Хорошо, что скоро увидалъ я, снялъ его съ кола, принесъ домой, кой-какъ упялъ кровь, завязалъ ногу, да и за тобой. Везти его самого сюда—боялся: какъ да ногу будетъ тревожить, да онъ изойдетъ кровью. То ты сдѣлай милость—пойдемъ со мной.

— Ты изъ какой деревни?

— Изъ Ивановской.

— Ого, далеко же до васъѣхать!

— Да верстъ двадцать хорошихъ будетъ.

— Подожди немногого. Я сейчасъ стану сбираться.

— Ладно.

Вскорѣ Даниловичъ со своей корзиночкой, гдѣ помѣщалась лѣкарства, тащился на лошадѣ мужика, запряженной въ „душегубку“, въ родѣ двухколесной коляски, какія дѣти возятъ на себѣ. Тошная лошадка, уже пробѣжавшая двадцать слишкомъ верстъ, едва волокла ихъ³ ступью и везла до дому сѣдоковъ, при всемъ своемъ стараніи, пять часовъ, такъ что только къ полночи они прѣѣхали къ больному.

Даниловичъ занялся больнымъ, а хозяинъ поставилъ самоваръ. За чаемъ хозяинъ и хозяйка отъ всего усердія угощали Даниловича черными пшеничными пирогами, испеченными изъ своей муки и отъ души благодарили, что онъ послушался, прѣѣхалъ къ нимъ; даже унимали его оставаться почевать; но Даниловичъ, зная но опыту каковы почлѣги въ деревняхъ, поинтересовалъ хозяина отвезти его обратно. Хозяинъ часовъ въ семь утра доставилъ его домой. Даниловичъ тотчасъ же легъ и крѣпко уснулъ.

Утромъ еще часовъ съ восьми, стали сбираться больные. Они то и дѣло хлопали дверями прихожей, находившейся рядомъ со спальней фельдшера, и безпрестанно тотъ или другой спрашивали у прислуги, дома ли фельдшеръ, долго ли онъ проснѣть, нельзя ли его разбудить. А нѣкоторые даже ругались и нарочно громко говорили, чтобы проснулся фельдшеръ и услыхалъ: „Да чего намъ ждать его! Ужъ скоро полдень, а онъ все-жъ еще спить. Не велико благородіе—могъ бы пораньше встать. Мы люди рабочіе—намъ прохладиться здѣсь некогда“.

Эти слова долетали до Даниловича и сильно кололи его сердце: онъ проработалъ почти сутки, не смыкая глазъ,—спитъ какихъ-нибудь четыре часа, и за это его оскорбляютъ.

Онъ всталъ и, наскоро напившись чаю, вышелъ къ больнымъ.

Такая жизнь тянулась изо-дня въ день, изъ-года въ годъ. Когда же Даниловичу ужъ сильно соскучится, то онъ

ѣздили на ночку къ своему пріятелю—землевладѣльцу Лугову, жившему отъ него въ пяти верстахъ. Тамъ его принимали какъ родного; въ его семье онъ чувствовалъ какъ въ кругу своихъ близкихъ родныхъ; съ ними онъ отдыхалъ душой. Нерѣдко хозяинъ привозилъ и отвозилъ его на своей лошади.

Весною у Лугова заболѣло скарлатиной двое старшихъ дѣтей, а всего дѣтей у него было пятеро. Луговъ и его жена ужъ очень любили дѣтей, и болѣзнь двоихъ дѣтей имъ была за бѣду: они боялись, чтобы дѣти не умерли и не заразили остальныхъ.

Къ больнымъ дѣтямъ они пригласили Даниловича, который, каждый день, три недѣли выѣзжалъ къ нимъ: послѣ пріёма онъ къ ночи отиравлялся къ Лугову, а утромъ прѣѣжалъ домой.

Дѣти были сильно больны; но неотступной просьбѣ родителей, Даниловичъ не рѣдко оставался у Лугова до полу-дня: онъ наблюдалъ за больными и обеззараживалъ комнаты.

За неимѣніемъ пульверизатора интересно производилось обеззараживание комнатъ: Даниловичъ надѣвалъ бѣлый фартукъ, лилъ въ воду карболовку, бралъ чистый вѣникъ и, расхаживая по комнатамъ, размахивалъ направо и налево вѣникомъ, обмакивая его въ разведенную карболовку.

Все время, съ утра и до полудня, Даниловичъ былъ не-спокойенъ; онъ зналъ, что его дома ждутъ съ нетерпѣніемъ десятки больныхъ, а онъ занять двумя больными, да жалко было не утѣшить находящихся въ горести своихъ добрыхъ знакомыхъ. Въ полдень онъ съ облегченнымъ сердцемъѣхалъ домой и тотчасъ-же, по прїездѣ, принималъ больныхъ.

Нѣкоторые крестьяне были недовольны, что имъ подолгу приходится дожидаться фельдшера, жаловались земскому, что фельдшеръ только и проживаетъ, что у Лугова; когда ни придешь къ нему — его все дома нѣтъ. Земскій, недовольный Даниловичемъ, что тотъ во все время своей службы

не бывалъ у него и не поздравляетъ его съ праздниками — почему-то его сторонится, передавалъ о жалобахъ крестьянъ врачу и предупреждалъ того, что если у фельдшера будутъ еще такія упущенія по службѣ и если ни врачъ, ни управа не примутъ никакихъ мѣръ, чтобы фельдшеръ былъ исправленъ по службѣ, то онъ будетъ жаловаться губернатору.

Врачъ, хотя и находился съ Даниловичемъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но вынужденъ былъ предупредить его, что на него есть жалобы со стороны земского начальника, и что если эти жалобы будутъ повторяться, то можетъ онъ получить непріятности.

Кромѣ того, крайняя отъ пункта, самая большая въ участкѣ волость, вздумала просить земское собраніе открыть въ ихъ волости самостоятельный пунктъ, такъ какъ обращаться за помощью въ Красноборскій пунктъ, имъ далеко; въ виду такого своего ходатайства, отказалась давать деньги на отопленіе, освѣщеніе и наемъ прислуги для Красноборского пункта. Извѣщеніе объ этомъ Даниловичъ получилъ отъ старшины уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ и половину расходовъ на эти надобности ему пришлось въ теченіе года урывать изъ своего скромнаго жалованія — двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ.

Онъ обращался черезъ врача въ земскую управу съ просьбой выдать ему деньги на эти потребности. Управа почти черезъ полгода отвѣтила ему, что отопленіе, освѣщеніе и прислуга даются тремя волостями, которые пользуются пунктомъ, поэтому фельдшеръ долженъ съ нихъ получить деньги.

Дѣлать нечего — пришлось обратиться къ земскому съ просьбой о понужденіи волости выдать деньги на отопленіе, освѣщеніе и прислугу. Земской приказалъ волостному сходу ассигновать просимыя фельдшеромъ деньги. Даниловичъ израсходованныя свои собственные деньги шестьдесятъ рублей, получилъ съ волости уже черезъ годъ.

Не было у Даниловича такого времени, чтобы онъ чувствовалъ себя свободнымъ и могъ бы на волѣ отдохнуть. Уѣдетъ ли онъ лѣтомъ за рыбой, чтобы успокоиться отъ всѣхъ волненій и чтобы иособраться съ мыслями,—но только закинетъ удочки, какъ явится у него неотвязная дума: „вотъ я занимаюсь пустяками, а меня дома, можетъ быть, дожидаются больные, и пѣкоторымъ изъ нихъ необходимо сейчасъ же оказать помощь“. Даниловичъ складывалъ удочки и тащился домой—большею частью, больные уже ждутъ его.

Всѣ несчастья, всѣ стоны больныхъ тяжело отзывались на душѣ его и усиливали еще болѣе угнетенное, лишенное почти всякихъ радостей, при однообразной деревенской жизни, настроеніе.

VI.

Въ Красноборскомъ фельдшерскомъ пункѣ Даниловичъ служить подъ рядъ четырнадцать лѣтъ. Онъ уже женился, имѣетъ пятеро дѣтей. Его, какъ хорошаго фельдшера, перевели въ больницу, находящуюся въ уѣздномъ городѣ.

Здѣсь, какъ въ мѣстѣ обитанія земскаго начальства, куда можетъ скорѣе всего нагрянуть губернское начальство, больница образцово устроена на земскій счетъ. Она находится на краю города; состоитъ изъ главнаго зданія, барака для остро-заразныхъ больныхъ, кухни, бани съ прачечной, дезинфекціонной печи, усыпальницы, ледника съ ногребомъ, сарая для склада кроватей и другихъ вещей. Всѣ эти зданія занимаютъ площадь съ полдесятины и окружены заборами. При больнице находится тонолевый садикъ.

Обширное главное зданіе состоитъ изъ двухъ этажей, окрашено въ бурую краску. Широкая небольшая лѣстница ведетъ въ нижній этажъ. Первая отъ дверей комната—прихожая, уставленная деревянными, со спинками, желтыми диванчиками; прихожую пересѣкаетъ съ двумя окнами на концахъ свѣтлый коридоръ ироходящій вдоль дома. На-

право отъ прихожей, дверь изъ коридора ведеть въ приемную, просторную комнату съ длиннымъ передъ окнами столомъ и уставленную шкафами съ медицинскими книгами и инструментами.

Черная, висѣвшая на стѣнѣ доска объявляла, что въ больницѣ пятьдесятъ четыре кровати и свободныхъ мѣстъ нѣть. Рядомъ съ приемной находилась дежурная со входомъ изъ приемной и ванная, куда дверь вела изъ коридора.

Въ противоположной сторонѣ была комната для служащихъ, влѣво отъ нея арестантская, а остальные комнаты устроены для больныхъ женщинъ.

Посрединѣ дома, широкая лѣстница съ мягкимъ ковромъ ведеть вверхъ, гдѣ находятся часовня, комната для конвоя, пять палатъ для больныхъ, одна изъ нихъ для привилегированного сословія.

Огромныя окна прекрасно освѣщали комнаты; хоропо-выкрашенный полъ былъ чистъ, а оштукатуренныя стѣны такъ и блестѣли.

Недалеко отъ больницы, въ новомъ обширномъ зданіи помѣщалась земская аптека, подъ управлениемъ провизора. При аптекѣ были два помощника и два ученика.

Лѣчение всѣхъ больныхъ и отпускъ изъ аптеки лѣкарствъ жителямъ своего уѣзда были безплатные.

О благоустройствѣ больницы лучше можно судить изъ-тѣхъ отзывовъ, какіе дали почетные посѣтители въ книгѣ больницы.

Губернскій врачебный инспекторъ при врачебной ревизіи нашелъ: „больница своимъ прекраснымъ образцовымъ устройствомъ и чистотою, строгимъ порядкомъ и весьма удовлетворительнымъ заботливымъ содержаніемъ больныхъ, производить самое пріятное впечатлѣніе и составляетъ отрадное явленіе въ санитарномъ отношеніи, свидѣтельствующее о понеченіи земства о народномъ здравіи и глубокой его въ этомъ дѣлѣ опытности. Лѣченіе больныхъ про-

изводится вполнѣ соотвѣтственно научнымъ требованиямъ и съ истинно-гуманнымъ раченіемъ“.

Начальникъ же губерніи замѣтилъ, что онъ, „посѣтивъ больницу, нашелъ въ ней образцовую чистоту“.

При больнице состояли: врачъ, три фельдшера, фельдшерица, смотритель, двѣ осиротивательницы, двѣ сидѣлки и кухарка.

Врачемъ уже давно служитъ Стопъ. Къ какой національности принадлежитъ — неизвѣстно. Предсѣдатель земской управы хотѣлъ зачислить его на государственную службу, но сколько справокъ ни сбирали о его происхожденіи, а положительныхъ свѣдѣній достать не могли, и зачисленіе оставили въ сторонѣ. Одинъ мѣщанинъ опредѣлилъ его происхожденіе такъ: „Врачъ Стопъ изъ еврея въ жида перекрестился“, и всѣ иорѣшили, что должно быть такъ.

Врачъ Стопъ уже былъ пожилой, небольшого роста, съ умными, грустными, темными глазами, и очень живой. Въ душѣ онъ былъ прекрасный человѣкъ, отзывчивый на все доброе; если бы не его беззокойный странный характеръ, онъ былъ бы образцовый врачъ.

Въ первое время, припертый къ стѣнѣ нуждой, Стопъ передъ предсѣдателемъ земской управы, важнымъ генераломъ, вынужденъ былъ волей-не-волей играть роль вноля подчиненнаго. Понадобится ли генералу исполнить пустячное порученіе въ его усадьбѣ, находившейся отъ города въ верстахъ шестидесяти... и готовый къ услугамъ врачъ Стопъ, покинувъ больницу и больныхъ на фельдшеровъ, скакетъ на земскихъ въ усадьбу и возвращается награжденный: „благодарю“. Смѣнился грозный генералъ, пріосмотрѣлся нашъ Стопъ — и въ больнице онъ сталъ полнымъ распорядителемъ, незнающимъ надъ собой почти никакого контроля, и разсорившись какъ-то съ молодымъ предсѣдателемъ, даже повернулся къ нему спиной и поклонился.

Самъ по себѣ дѣятельный былъ Стопъ и любитель му-

зыки. На какихъ только инструментахъ онъ ни переняграли— даже не пересчитаешь. Кунить флейту и въ свободное время, не умолкая, свистить на ней, услаждая своей игрой гостей, которые кое-какъ вырвавшись отъ его угощенія, не оглядываясь, бѣжали, заткнувъ уши, на улицу, гдѣ еще долго своимъ свистомъ догоняла ихъ флейта.

Проходилъ ныль и у самого Стона, смотришь ужъ на флейтѣ его сынишка катается верхомъ, а самъ Стона теперь пилить съ усердіемъ на скрипкѣ. Онъ даже устроилъ изъ любителей въ городѣ свой музыкальный хоръ и почти ему одному обязаны всѣ инструменты своимъ существованіемъ. Между тѣмъ, какъ раньше содержаніе наемныхъ пріезжихъ музыкантовъ стоило въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ пятьсотъ рублей, а теперь, за эти деньги играли свои музыканты пичѣмъ не хуже круглый годъ.

Пріемъ больныхъ въ больницѣ врачемъ былъ днемъ съ десяти до двухъ, а вечеромъ, хотя не всегда, съ шести до восьми, а въ остальное время принималъ дежурный фельдшеръ; дежурство фельдшерами ведется аккуратно: фельдшеръ дежурилъ цѣлые сутки, а въ слѣдующій день былъ свободенъ.

Между больными у Стона не было различія: богатые-ли, бѣдные-ли, старые-ли, молодые-ли—для него равны и одинаково внимательно, онъ относился ко всѣмъ, а если что-не понравится ему, то иногда очень рѣзко скажетъ вся кому, не стѣсняясь его положеніемъ.

Каждый день онъ обходилъ больныхъ, справляясь о ихъ здоровье и довольны ли нищей и уходомъ за ними, почти ни одной налата онъ не пропустить, чтобы не поговорить, не пошутить съ кѣмъ-нибудь изъ больныхъ. Больные, въ то время, когда онъ долженъ прибыть, съ нетерпѣніемъ его ждутъ: послѣ его шутокъ они оживали, поднимался у нихъ духъ лучшіе, чѣмъ отъ лѣкарствъ.

При пріемѣ же больныхъ Стона терпѣть не могъ, чтобы

больные просили у него того или другого лѣкарства, и изъ-за своего вспыльчиваго характера, иногда оскорблялъ ихъ.

Такъ, пришла въ больницу словоохотливая деревенская баба, которая объяснила врачу, что у нея за болѣзнь и просила дать ей „рыкателныхъ капель“, потому что она слыхала, что эти капли хорошо помогаютъ отъ всѣхъ болѣзней. Врачъ былъ занятъ другой больной и просилъ бабу замолчать: когда очередь дойдетъ до нея, то онъ осмотритъ ее и назначить лѣкарство, но баба не унималась, продолжая объяснять пользу отъ „рыкателныхъ капель“. Стопъ подошелъ къ ней и сказалъ: „у меня есть вѣрное средство вылечить тебя. Раскрывай ротъ“. Баба послушалась. Онъ вложилъ въ ротъ ей попрекъ палку и велѣлъ держать ее до тѣхъ поръ, пока онъ не скажетъ, а самъ опять занялся больной. Баба стоитъ, не шевелится, съ палкой въ зубахъ.

Находившіеся въ больницѣ фельдшера и спѣлки не могли стерпѣть — стали смеяться. Баба смутила, что смеются надъ ней, бросила палку и, заругавшись, выѣждала изъ больницы.

Связавшись какъ-то съ фотографіей, Стопъ не могъ съ ней разстаться: пластиинки даже натащилъ въ больницу; то и дѣло отлучался отъ больныхъ, наблюдая за пластиинками, чѣмъ задерживалъ больныхъ.

Въ больницѣ у него по году и по два жили человѣка по два хроническихъ больныхъ, понравившихся ему; держалъ онъ ихъ болѣе не для леченія, а изъ-за жалости — вмѣсто богадѣльщиковъ, хотя иногда приходилось отказывать за недостаткомъ въ пріемѣ больныхъ, требующихъ серьезнаго больничнаго леченія. Какъ врачъ, Стопъ навѣрно и самъ сознавалъ, что въ этомъ случаѣ онъ поступаетъ не совсѣмъ правильно, но природная доброта заглушала это чувство: онъ больныхъ считалъ своими людьми и даже нѣкоторымъ безпріютнымъ подыскивалъ по выходѣ изъ больницы занятіе.

Одного безбородаго богадѣльщика онъ изъ больницы переселилъ въ предбаникъ, гдѣ тотъ занялся починкой гармоній. Стоицъ держалъ его вмѣсто шута.

Въ больницу приходили иногда изъ любопытства обозрѣвать его знакомые мѣстные интеллигенты—мужчины и женщины.

Когда же они обходили все, то Стоицъ обращался къ пимъ:

— Теперь пойдемте въ баню: тамъ у меня есть очень интересный больной—я вамъ его покажу; но только вы съ нимъ будьте поосторожнѣе—у него не хватаетъ въ головѣ одного винтика.

Гости направлялись къ банѣ, отворяли двери и одинъ за другимъ съ робостью входили въ предбаникъ. Стоицъ мигалъ больному, который зналъ въ чемъ дѣло: схватывалъ польно, и грозно выпрямляясь своимъ большимъ ростомъ, неистово кричалъ, угрожая польномъ:

— Я вамъ задамъ! Что вы тутъ по баниямъ бродите!

Мужчины и женщины, потерявъ всю свою солидность, въ ужасѣ, кое-какъ бѣгомъ, не оглядываясь, выбирались изъ бани. Когда же Стоицъ разъяснялъ имъ, что это онъ устроилъ имъ въ шутку, то они до слезъ хотели вмѣстѣ съ нимъ.

Хотя городскимъ врачамъ числился уѣздный врачъ, получая за то жалованіе отъ города, но такъ какъ половину года онъ путешествовалъ по уѣзду, то горожане большую частью приглашали Стоица. И къ богатымъ, и къ бѣднымъ онъ охотно шелъ на домъ безъ всякаго вознагражденія за визиты. Онъ даже оскорблялся, если кто предлагалъ ему за лѣченіе деньги или подарокъ.

„Вѣдь я не даромъ служу, а получаю за свой трудъ жалованіе“, обыкновенно говорилъ онъ, и ни на какие доводы больного, взять деньги за визитъ, не соглашался.

Однажды мѣстный купецъ послалъ ему въ подарокъ цѣ-

лый возъ товару, но Стоинъ, несмотря, что иногда нуждался въ деньгахъ, товаръ отоспалъ обратно; а какъ-то другой пріѣзжій купецъ подалъ ему за лечение своего брата сто рублей, то Стоинъ, зная, что для богача ничего не стоять эти деньги, взялъ ихъ съ тѣмъ условіемъ, что онъ па нихъ при больницѣ устроитъ цвѣтникъ. И въ то же лѣто передъ больницей былъ разбитъ цвѣтникъ.

Несмотря на свою неутомимую дѣятельность и внимательность къ службѣ, разъ Стоинъ допустилъ ошибку, которая много надѣлала ему непріятностей и хлопотъ.

Какъ-то заболѣлъ лѣсничій въ городѣ и пригласилъ Стоина. Стоинъ ходилъ къ нему изо-дня въ день недѣли двѣ. Сначала онъ опредѣлилъ у лѣсничаго корь, а потомъ убѣдился, что онъ боленъ сливной осиной, и, боясь заразить свою семью, сталъ верхнюю одежду оставлять въ сѣняхъ. Между тѣмъ, навѣрно по своей разсѣянности, кромѣ дезинфекціи карболовкой, никакихъ мѣръ, въ предупрежденіе зараженія другихъ, имѣвшихъ общеніе съ больнымъ, не принялъ, между тѣмъ, къ больному ходила прислуга, письмоводитель, который давалъ ему для подписи бумаги и разсыпалъ ихъ повсюду.

Умеръ больной. Сейчасъ же, по распоряженію Стоина, были приняты мѣры, чтобы не заразились другіе: къ дому былъ поставленъ городовой, который, кромѣ необходимыхъ лицъ, никого къ умершему не пускалъ; вещи умершаго сожгли и комнаты усиленно дезинфекцировали. Но было уже поздно.

Черезъ недѣлю послѣ смерти лѣсничаго пришелъ въ больницу его письмоводитель и жаловался на болъ въ горлѣ, объясняя ее простудой, такъ какъ онъ ходилъ въ катаникахъ, а было сыро, то онъ промочилъ ноги. Стоинъ не зналъ, что онъ служилъ письмоводителемъ у лѣсничаго, внимательно осмотрѣлъ его и дѣйствительно нашелъ болѣзнь отъ простуды; смазалъ больному въ горлѣ ляписомъ

и отпустилъ его домой, предупредивъ, чтобы онъ пришелъ черезъ два дня. Больной явился въ назначенное время и сказалъ, что ему стало гораздо легче. Стоиль вторично смазать въ горлѣ ляписомъ и отпустилъ его домой. Больной, чувствуя себя почти совсѣмъ исправившимся отъ болѣзни, сталъ гулять по улицамъ города. Между тѣмъ, на лицѣ его стали появляться пузырьки; прохожіе подозрительно посматривали на него. Больной, думая, что это простуда высыпала на лицо, пришелъ въ больницу подѣться отъ пузырьковъ. Тогда только Стоиль опредѣлилъ, что онъ болѣе вѣтриной осиной, и оставилъ его въ больницѣ. Черезъ недѣлю больной совсѣмъ исправился; но не успѣлъ онъ выйти изъ больницы, какъ туда поступилъ больной осиной его товарищъ. И оспа пошла писать свое дѣло: въ городѣ нерѣбѣло человѣкъ двадцать, изъ которыхъ двое умерло, да человѣкъ пять остались на всю жизнь съ изрытыми лицами.

Со служащими—фельдшерами, осенпрививательницами, сидѣлками, сторожами—Стоиль обращался попросту: если кто изъ нихъ провинится передъ пимъ, или найдетъ гдѣ какую неисправность, то проберетъ ихъ, хотя бы въ это время были и посторонніе, но тѣмъ дѣло кончалось; въ случаѣ же нужды всегда заступался за нихъ.

Служащіе, несмотря на его крутой нравъ, его любили. И какъ его не любить, что если во время его многолѣтней службы, подолгу жили при немъ такие фельдшера, которыхъ держать могъ одинъ только Стоиль. Такъ, напримѣръ, онъ нѣсколько лѣтъ терпѣлъ ротиаго фельдшера, жалѣя его семью, который и въ медицинѣ ничего не понималъ, да еще былъ пьяница. Стоиль какъ-то подавалъ на берегу рѣки помощь утонувшему и тутъ же на его глазахъ стоялъ этотъ фельдшеръ пьяный и не только не подсоблялъ врачу въ оказаніи помощи, но даже не въ состояніѣ былъ выговорить слова, что, конечно, крайне изобидило врача; по онъ, когда уходилъ домой, только фельдшеру замѣтилъ: „хотя бы ты,

напившись, не лѣзъ на глаза-то — не такъ обидно было бы".

Другой фельдшеръ былъ старичокъ, усердно поработавшій земству около тридцати лѣтъ, то ему, за прежніе труды, дѣлали по службѣ льготы. Фельдшеріцѣ же, какъ барышнѣ, тоже дѣлалось синехожденіе, то вся тяжесть фельдшерскаго труда въ больницѣ, а главное по городу, ложилась больше на фельдшера, получавшаго отъ города десять рублей въ мѣсяцъ жалованія и па Даниловича.

Уѣздные горожане, или боятся больницы, или какъ будто считаютъ за позоръ сходить туда. Они, особенно зажиточные, изъ-за каждого пустяка, приглашаютъ на домъ фельдшера или врача. Если кто изъ нихъ заболѣвъ серьезно, то врачу или фельдшеру приходится посѣщать его на дому каждый день, а при опасныхъ случаяхъ, даже не однажды. Городскому фельдшеру было иногда совсѣмъ не по силамъ, то горожане одинъ по одному стали приглашать Даниловича, вѣрились ему и часто таскали къ больнымъ, такъ что и въ городѣ ему свободнаго времени было мало.

У большей же части, больныхъ посѣщали фельдшера безплатно, хотя иногда приходилось бывать у нихъ, при серьезныхъ случаяхъ, по два, даже по три раза въ день, по вездѣ получали они самое радушное угощеніе: чай, закуску, а у некоторыхъ и водку.

Даниловичъ сначала вынивать водки наотрѣзъ отказывался, но потомъ началъ пробовать сладенькую — она понравилась ему, онъ сталъ и порядочно потягать ее; а отъ сладенькой къ простой водкѣ переходъ было невеликъ, то Даниловичъ привыкъ и къ горькой водкѣ, — въ кампаны, для веселья, вынивалъ ее; но все-таки, границъ умѣренности не переходилъ.

Хотя дѣла у Даниловича было много, но жизнь у него была хорошая: жалованіе получалъ онъ съ двумя прибавками, черезъ каждые первые два пятилѣтія службы, четыре-

ста рублей въ годъ, да иногда больные платили ему за визиты, то, при недорогой жизни въ уѣздномъ городѣ, онъ не нуждался въ деньгахъ; горожане, за его внимательное и ласковое обращеніе любили и уважали его; у него было хорошее знакомство; праздничное свободное время онъ со знакомыми проводилъ весело; иногда посыпалъ спектакли; съ фельдшерами у него было дружно, а главное, врачъ былъ имъ доволенъ; отъ врача, кромѣ хорошаго, онъ ничего не видѣлъ. Однимъ словомъ, жить было можно, но на бѣду его у врача Стона вышла неирѣтная исторія, изъ-за которой ему пришлось уйти со службы.

VII.

Въ больницу пришла барыня—жена чиновника земской управы, невѣдомо откуда въ городъ прѣхавшаго, считающаго себя образованнымъ человѣкомъ, свысока смотрѣвшаго на своихъ коллегъ, чиновниковъ, какъ по его мнѣнію, еще недоучекъ. Барыня пригласила Стона къ больному своему сыну. Стонъ съ ней, хотя какъ съ близкой знакомой, позволилъ совсѣмъ неумѣстную шутку: онъ взялъ что-то въ родѣ мѣшка и, надѣвавъ его ей на голову, сказалъ:

— Вы не по модѣ носите шляпки, а въ Петербургѣ вотъ какая попала на нихъ мода.

Барыня оскорбилась.

— Я не шутки шутить пришла сюда къ вамъ, а приглашать оказать помощь больному сыну,—проговорила она и, расплакавшись, вышла изъ больницы и рассказала объ этомъ своему мужу. Тотъ, какъ имѣющій рыцарскій характеръ, рѣшился тотчасъ же своимъ судомъ смыть, по его убѣженію, позоръ, нанесенный его супругѣ,—пришелъ въ больницу и, ничего не говоря, ударилъ Стона по щекѣ.

Стонъ вскипѣлъ и хотѣлъ дать ему сдачи, но его отташили и занерли въ дежурную комнату. Стонъ, не долго

думая, растворилъ окно, выныгнулъ въ него и погнался въ больничномъ фартукѣ за своимъ оскорбителемъ. Его увидали свои служащіе и погнались, чтобы остановить его. Стоіъ бѣжитъ и кричитъ: „держи его“! И проходившій на-встрѣчу имъ, знакомый Стоіу плотникъ задержалъ чиновника. Стоіъ подбѣжалъ къ чиновнику, далъ ему кулакомъ въ зубы и сказалъ: „семью твою заставлять бѣдствовать я не хочу, а теперь мы съ тобой въ расчетѣ“. И самъ прескокойно отиравился принимать остальныхъ больныхъ.

Управа, вскорѣ же, этого чиновника отказалася отъ мѣста, и хотѣла тотчасъ же уволить Стоіа, но за него нашлось много заступниковъ, которые находили несправедливымъ—врача, прослужившаго земству усердно пятнадцать лѣтъ, уволить со службы за первый же поступокъ.

По приглашенію земской управы былъ созванъ врачебно-санитарный совѣтъ при управѣ, куда явились: предводитель дворянства, предсѣдатель и членъ земской управы, бывшій членъ управы, уѣздный и ветеринарный врачъ, четыре земскихъ врача и мѣстный купецъ—членъ врачебно-санитарнаго совѣта.

Предсѣдатель управы заявилъ, что совѣтъ созванъ для того, чтобы выслушать мнѣніе отдѣльныхъ членовъ совѣта о врачу Стоіѣ, какъ о человѣкѣ и врачу.

Земской врачъ Крамникъ высказалъ, что мнѣніе, какъ о человѣкѣ, не подлежитъ обсужденію совѣта, а какъ врачъ, онъ очень внимательный и сердечный.

Купецъ заявилъ, что предсѣдатель не основательно ставить вопросы, а долженъ заранѣе сообщить факты, на основаніи которыхъ управа предполагаетъ уволить врача Стоіа.

Заявленіе это вызвало оживленныя пренія, во время которыхъ членъ управы сказалъ, что факты, известные управѣ, составляютъ канцелярскую тайну.

Второй и третій земской врачъ и купецъ отнеслись о Стоіѣ, какъ о человѣкѣ прекрасномъ, принесшемъ массу

пользы своему земству въ продолженіе пятиадцати лѣтъ, а четвертый врачъ—что онъ, лично какъ человѣка и врача не знаетъ, но слухи о Стоіѣ, какъ о прекрасномъ человѣкѣ—врачѣ, распространены далеко, даже за предѣлы нашей туберюліи.

Уѣздный врачъ имѣлъ массу личныхъ и товарищескихъ столкновеній со Стономъ; относительно личныхъ столкновеній онъ считаетъ себя иправымъ, а относительно товарищескихъ столкновеній не считаетъ возможнымъ высказаться въ врачебно-санитарномъ совѣтѣ, такъ какъ разборъ этихъ столкновеній можетъ подлежать не врачебному совѣту, а товарищескому суду. Что касается Стона, какъ земскаго врача, то приходится сказать о немъ, какъ много хорошаго, такъ много и дурнаго.

Ветеринарный врачъ ничего опредѣленнаго не можетъ сказать о Стоіѣ, какъ о врачу, но какъ о человѣкѣ, можно сказать, что раньше онъ имѣлъ много личныхъ столкновеній со Стономъ, и эти столкновенія прекратились съ тѣхъ поръ, какъ онъ прекратилъ свои отношенія со Стономъ.

Предводитель дворянства заявилъ, что онъ съ грустью долженъ сознаться, что онъ не можетъ согласиться съ мнѣніемъ земскихъ врачей, считая Стона, какъ человѣка, дурнымъ, а земскимъ врачомъ онъ могъ бы быть хорошимъ и подчасъ бываетъ идеальнымъ врачомъ.

Бывшій членъ управы высказалъ, что про Стона, какъ земскаго врача, онъ ничего дурнаго сказать не можетъ, а какъ человѣкъ, онъ неснокойный.

Членъ управы, служившій въ настоящее время, утверждаетъ, что къ Стону многие больные неустали обращаться потому, что не знаютъ, въ какую минуту понадутся: иной разъ онъ облаетъ человѣка ни за что, ни про что, а другой разъ выгонить вонъ; иногда издѣвается надъ больными, какъ было съ женою чиновника, когда она обратилась по поводу больного ребенка и оставляетъ иногда больныхъ

безъ медицинской помощи, какъ это было съ ребенкомъ этой же чиновницы. Какъ члену управы, ему приходилось видѣть массу произвола, изъ-за которыхъ онъ ранѣе имѣлъ бесѣду съ земскими врачами на санитарномъ совѣтѣ. Какъ человѣка, онъ Стона не уважаетъ и считаетъ его способнымъ на многое дурное.

Члены совѣта, державшиѳ сторону Стона, обратились словесно съ просьбой къ управѣ высказать па врачебномъ совѣтѣ тѣ обвиненія, которыя имѣются въ управѣ противъ Стона, на основаніи которыхъ предсѣдатель нашелъ нужнымъ предложить предыдущіе вопросы.

Предсѣдатель отвѣтилъ, что рядъ фактовъ, дошедшихъ до свѣдѣнія управы, несовмѣстныхъ съ занимаемой Стопомъ должностю земскаго врача, будетъ разсматриваться въ составѣ управы вмѣстѣ съ высказанными мнѣніями членовъ врачебно-санитарнаго совѣта.

Въ слѣдующемъ засѣданіи врачебно-санитарнаго совѣта предсѣдатель возбудилъ вопросъ о замѣщеніи вакансіи врача того участка, гдѣ состоялъ станъ и спросилъ, угодно ли выбрать врача изъ мѣстныхъ земскихъ врачей или пригласить новаго. Товарищи высказались о желаніи предоставить вакансію врачу Крамнику. Тотъ заявилъ, что онъ подчиняется постановленію врачебнаго совѣта. И врачемъ при больницѣ былъ назначенъ Крамникъ.

Немедленно управа послала Стону въ больницу бумагу о его увольненіи. Стонъ ея не принялъ. Ему вторично принесъ сторожъ управы и наставлялъ принять ее. Стонъ сказалъ ему, что если онъ будетъ съ нимъ еще разговаривать, то онъ прикажетъ гнать его изъ больницы въ шею. Съ большимъ трудомъ, уже посланный изъ управы чиновникъ вручилъ Стону бумагу.

Больно и прискорбно было Стону читать ее; по своему убѣженію, онъ считалъ себя правымъ, а ему, за всѣ пятнадцатилѣтніе труды земству, предлагаются выбираться съ

мѣста на все чѣтыре стороны. Въ сердцѣ, онъ сталъ грозить своимъ врачамъ, что онъ отомстить имъ своимъ судомъ. Тѣ, зная его горячій характеръ, пострусили, такъ что уѣздный врачъ, покамѣстъ Стоиль былъ еще въ городѣ, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ запершись и, имѣя на всякий случай револьверъ, чтобы можно было оборониться отъ Стоила.

Но Стоиль только понугалъ своихъ враговъ; онъ вскорѣ подыскалъ еще лучшее мѣсто и преснокойно укатилъ изъ города.

VII.

Сталъ новый врачъ — появился въ больницѣ и новые порядки. Врачъ требовалъ отъ всѣхъ служащихъ и больныхъ дисциплины, чтобы все совершалось по часамъ какъ-будто заведенная машина; а они привыкли не къ механическому, а къ сердечному отношенію Стоила, смотрѣвшаго на служащихъ какъ на людей, иногда обремененныхъ неносильнымъ трудомъ, а на больныхъ, какъ несчастныхъ, угнетенныхъ духомъ людей, почему и облегченіе ихъ и безъ того нерадостнаго положенія, по временамъ не мѣшало,— поэтому всѣ не взлюбили Крамника.

Фельдшера, чувствуя надъ собой сухой начальническій надзоръ врача, который не входилъ въ ихъ душевное положеніе и не разсчитывалъ въ состояніи ли они выполнить возложенный трудъ, ставившійся имъ иногда не по силамъ, а требовалъ отъ нихъ по временамъ, чтобы они работали день и ночь, — видя, что врачъ спрашиваетъ съ нихъ то, что они не въ состояніи выполнить, за каждый пустякъ дѣлаетъ имъ въ вѣжливой формѣ выговоръ, стали поверхностно относиться къ службѣ—имъ все равно получать отъ врача выговоръ; городской фельдшеръ и Даниловичъ сть горя даже стали часто поизировывать.

Сторожа и сидѣлки за фельдшерами, тоже стали небрежны къ службѣ—и въ больницѣ пошелъ новый порядокъ:

фельдшера невнимательно относились къ больнымъ и неаккуратно производили ихъ лѣченіе; прежде, напримѣръ, каждый день перевязки больнымъ дѣлалъ дежурный фельдшеръ, а теперь, эту обязанность возложили на сидѣлокъ; въ комнатахъ было нечисто—развелось много блохъ, клоповъ и таракановъ.

Больные, чувствуя надъ собой не прежнее теплое попеченіе врача, заботливо ухаживавшаго за ними, а какое-то механическое исполненіе приказаний нового врача, какъ будто они были ему подневольные, не взлюбили его; но выходъ врача изъ палатъ больныхъ, вслѣдъ за нимъ раздавалась иногда не очень скромная брань. Не только мужики, но даже болѣо образованные горожане, роптали на него.

Въ больницѣ находился больной съ воспаленіемъ легкихъ. Когда онъ сталъ непривлекательнымъ, то къ нему помѣстили двухъ больныхъ. Зная по-латыни, онъ по карточкамъ, висѣвшимъ надъ ихъ головами, прочелъ, что рядомъ съ нимъ лежитъ сифилитикъ, а далѣе—мальчикъ, лѣтъ десяти, которому только что сдѣлана операциѣ. Это его сильно возмутило. Онъ только и думалъ, какъ бы не заразиться отъ сифилитика; и безъ того болѣзнью разстроенные его нервы, теперь совсѣмъ не давали ему покоя, воли у него и угнетая и безъ того ослабѣвшій его духъ; не только больному но и здоровому имѣть койку рядомъ съ сифилитикомъ—не совсѣмъ пріятно. „А мальчикъ еще скорѣе моего можетъ заразиться,—думалъ онъ,—къ ранамъ скорѣе пристаетъ эта болѣзнь“. И напѣтъ больной ни одного часу не былъ спокойенъ и боязнь, и злоба на врача душили его; не могъ онъ выносить этой обстановки и, едва еще держась на ногахъ, вынисался изъ больницы.

Многіе горожане оставались подолгу безъ всякой помощи: къ Крамнику, какъ еврею, избѣгали обращаться, уѣзднаго врача часто не было въ городѣ, Даниловичъ отъ разныхъ непріятностей по службѣ, нерѣдко сталъ иониро-

вывать, а городской фельдшеръ немнога отставалъ отъ него, да и не въ силахъ былъ вездѣ посыпать.

Врачъ жаловался на Даниловича, что онъ сильно пьянствуетъ и просилъ управу, его отъ себя убрать. Даниловича перевели на самостоятельный фельдшерскій участокъ.

Онъ уложилъ свои пожитки и семьей потащился на земскихъ лошадяхъ на новое мѣсто — верстъ за двѣсти отъ города.

Хотя помѣщеніе для пункта было хорошее, но самое мѣсто совсѣмъ глухое, выйти некуда, такъ что нашъ Даниловичъ со скуки стала еще чаще занировывать.

Но надѣть ли онъ въ участокъ, занируетъ тамъ и живеть дня по два, по три, иногда и болѣе, а между тѣмъ его ждутъ при пункѣ цѣлые десятки больныхъ, притаившихся за пять, десять и двадцать верстъ; только напрасно потерявъ время, къ вечеру обратно идетъ домой. А если когда онъ возвратиться домой, то на другой день долго лежить съ похмѣлья и выйтъ къ больнымъ уже часа въ три днія.

Въ обращеніи съ больными онъ сталъ раздражительнымъ. Какъ-то торговецъ, находившійся въ саженяхъ полутораста отъ пункта, пригласилъ его къ больной дочери. Даниловичъ, бывшій навеселъ, велѣлъ посланному передать торговцу, что онъ нездоровъ, прийти не можетъ и просить послать за нимъ лошадь. Торговецъ увидалъ пару лошадей, возвращавшихся изъ-подъ почты и послалъ ее за Даниловичемъ; къ пункту съ шикомъ подкатила пара. Даниловичъ принялъ это за насмѣшку со стороны торговца, оскорбился и къ нему не поѣхалъ. Торговецъ вынужденъ былъ послать за врачомъ, который жилъ отъ него въ пятидесяти верстахъ.

Интересно лѣчили Даниловичъ своего знакомаго отъ зашоя. Знакомый жилъ отъ Даниловича въ шести верстахъ и приглашалъ его къ себѣ на домъ. Даниловичъ живеть у

больного сутки, посѣща пунѣтъ утромъ для отиуска больныхъ, живеть другія—самъ крѣпится, да и больного предо-стерегаетъ, чтобы онъ, по возможности, воздерживался отъ водки, тогда скорѣе поправится; но наконецъ лопнуло у Даниловича всякое терпѣніе и онъ уже больному самъ заго-варивалъ, что, для здоровья, не мѣшаетъ по рюмочкѣ вы-пить. Тотъ, конечно, чѣму былъ и радъ. И выпивъ рюмку, говорилъ:

— Ну, Даниловичъ, сейчасъ ты меня почти совсѣмъ по-иравилъ, а какъ выпить по другой, тогда вся болѣзнь пройдетъ.

— И правда, парень, пропустимъ и другую, — согла-шался Даниловичъ, — но только, смотри, съ тѣмъ, чтобы больше—ни-ни.

Но трудно имъ обоимъ было удерживаться, если ужъ зашумѣло въ головѣ—и стали они выпивать рюмку за рюм-кой—вся болѣзнь у больного прошла и стало у нихъ ве-селье. Жена больного, видя, что ужъ отъ Даниловича не помоць — мужъ скорѣе одинъ поправится, отправляла его-домой, а мужу не давала вина,—тотъ, хотя и помучившись послѣ заноя, выздоравливалъ.

Мы уже теперь видимъ не прежняго бодраго неутоми-маго Даниловича, а уже ирежевременио потерявшаго свои силы хилого, физически и нравственно разслабленнаго ста-рика; хотя ему не было еще сорока пяти лѣтъ, но онъ сгор-бился, лишился зубовъ, посѣдѣлъ и былъ такъ тощъ, что-въ чѣмъ только держалась его душа.

Участкомъ Даниловича завѣдывалъ молодой врачъ, какъ-съ годъ окончившій университетъ. Самолюбивый Данило-вичъ считалъ себя практическимъ и прекрасно знающимъ свое дѣло; на врача смотрѣлъ какъ на незнайку, почти ни-во-что ставилъ его, почему врачъ и не могъ быть доволенъ имъ, не прочь былъ отъ него избавиться, тѣмъ болѣе, что на Даниловича нерѣдко поступали къ нему жалобы. Но-

управа, цѣнѧ почти двадцати летнюю службу фельдшера, держала Даниловича, но предупреждая его, что если онъ не исправится, то управа его уволитъ. Даниловичъ же гордился прежнею своею службою и надѣялся, что земство продержитъ его долго, не оставить безъ куска хлѣба.

Въ послѣднее время онъ сдѣлался очень подозрительнымъ: даже до ближайшей деревни, хотя тамъ народъ былъ очень смирный, никого зря пальцемъ не тронетъ, не ходилъ съ пустыми руками, а носилъ подъ верхней одеждой на ремиѣ револьверъ и кинжалъ.

IX.

Сегодня Даниловичъ трезвый, сидѣть подъ окномъ и читаетъ газету. Вдругъ, раздался колокольчикъ, и кто-то на парѣ иодѣхалъ къ дому. Даниловичъ вышелъ въ прихожую и, увидавъ врача Дроздова, съ радостью сказалъ:

— А, Николай Ивановичъ. Здравствуй. Какими это судьбами.

— Здравствуй, Даниловичъ,—говорилъ Дроздовъ. Минѣ управа дала мѣсячный отпускъ,—я и поѣхалъ домой. Дорога идеть около васъ—то я и завернуль провѣдать тебя.

— Спасибо, большое тебѣ спасибо, — съ чувствомъ говорилъ Даниловичъ.—Ты вотъ не забылъ меня даже заѣхалъ навѣстить.

— Нельзя и забывать стараго сослуживца: мы вѣдь съ тобой, Даниловичъ, все время дружно жили.

— Да, Николай Ивановичъ, такъ бы жить и всѣмъ фельдшерамъ съ врачами, то дай имъ Богъ. Но вотъ что: соловья баснями не кормятъ. Ты скажи: чего тебѣ больше охота— чаю или йѣсть.

— Пожалуй, что чаю не хуже.

— Ну, ладно, тогда. Анна, поставь самоваръ,—сказалъ онъ прислугѣ.

— Та totчасъ же согрѣла самоваръ и принесла на столъ.

— Каково ты, Даниловичъ, поживаешь? — спросилъ Дроздовъ.

— Ничего. Только вотъ все у меня здоровье-то плохое. Того гляди, что на тотъ свѣтъ отиравшился.

— Полно-ка ты это говорить. Еще такой молодой, а сбираешься умирать. У тебя ребята малы, а ихъ много— надо пожить, ихъ поднять. Ты и для семьи надобенъ, да и земству еще полезенъ.

Да, былъ, Николай Ивановичъ, когда-то коць, да онъ ужъ Ѵзжень. Поработалъ я земству слишкомъ двадцать лѣтъ, а теперь ужъ сталъ никуда негоденъ; пора мнѣ на тотъ свѣтъ убираться—другому, со свѣжими силами, мѣсто дать: больные, старики въ земствѣ не служаки; ребята же, Богъ, да добрые люди не оставяты.

— Какой ты старики. Всего какихъ-нибудь съ небольшимъ сорокъ лѣтъ и ты считаешь себя старикомъ.

— Другой и въ семьдесятъ лѣтъ меня поздоровѣе будетъ, а я и въ сорокъ съ небольшимъ лѣтъ выгляжу развалиной—ничего, братъ, противъ этого не подѣлаешь.

— На скрипкѣ-то ты и нынче играешь, — желая перевести на другой тяжелый для Данилова разговоръ, спросилъ Дроздовъ.

— Какже. Одна-то она мнѣ осталась утѣха. Въ минуты тоски возьмешь ее, вѣрную подругу жизни и сыграешь пѣчальную, хватающую за душу иѣсню, такъ что слезы павернутся на глаза... И какъ-то легче сдѣлается на сердцѣ.

— Ты хоть бы сыгралъ, по только повеселѣе.

— Не только я для тебя сыграю, но даже съ Мишой подъ скрипку свою. Выборъ же иѣсни — предоставь мнѣ: обыкновенно, я пою то, что мнѣ правится. Миша, иди сюда,—сказалъ онъ двѣнадцатилѣтнему сыну.—Мы съ тобой споемъ „Сумракъ вечерній наль на поля“.

Взялъ Даниловичъ скрипку, настроилъ ее и сталъ играть

на ней, подицьвая своимъ старческимъ дребезжащимъ голо-
сомъ, а свѣжій чистый голосъ сына, вмѣстѣ со звуками
скрипки переливался какъ серебряный колокольчикъ и съ
чувствомъ ясно выводилъ слова тоскливой пѣсни:

„Сумракъ вечерній ужъ палъ на поля,
Въ тихой прохладѣ заснула земля.
Добрая ночь! Тихій покой.
Божій покровъ надъ заснувшей землей...“

Слушая печальную, выливающуюся изъ наболѣвшей души
пѣсню, тяжело было Дроздову смотрѣть на Даниловича, раз-
битаго жизнью, въ сорокъ лѣтъ выглядѣвшаго уже стари-
комъ, уиавшаго духомъ, а рядомъ съ нимъ видѣть свѣжаго
здороваго его сына съ любовью смотрѣвшаго на міръ и
исполненнаго самыхъ свѣтлыхъ надеждъ впереди своей жизни.
Куча ребятишекъ, одинъ другого менѣше, еще болѣе усили-
вала и безъ того печальное настроеніе духа.

Когда замерли послѣдніе звуки пѣсни, то всѣ долго мол-
чали иодь гнетомъ тяжелыхъ думъ.

— Тебя сирашаютъ болынѣ, — обратилась къ Данило-
вичу его жена.

— Ладно. Я не надолго тебя оставлю одного, — сказаль-
 онъ Дроздову: — я схожу, отиущу болынѣ и сейчасъ же
вернусь.

— Идите, идите. Изъ-за меня здѣсь не сидите — я и
безъ васъ здѣсь побуду.

— Какъ вы, Марья Ивановна, поживасте? — спросилъ
Дроздовъ жену Даниловича. — Нынче хоть именьше Дани-
ловичъ исциваетъ.

— Ужъ лучше бы и не говорить про мое житѣе, — ма-
нувъ рукою, сказала Марья Ивановна. — Совсѣмъ рѣдко онъ
отстаетъ нить. Прежде хоть были занои: понять съ мѣсяцемъ,
а тамъ, съ полгода, съ годомъ, кашли въ ротъ не береть; те-
перь же — какъ вздумаетъ или подойдетъ случай, такъ и
пашется.

— Хоть пьяный-то онъ спокосиъ, никакихъ грубостей не позволяетъ съ вами?

— Пьяный - то рѣдко кто бываетъ уменъ, а про моего Даниловича и говорить нечего. Все-то ему неладно: и сѣлаешь-то—неладно, и ступишь-то—неладно, и скажешь-то—неладно. Право, ума не могу приложить, какъ примѣниться къ нему. Пьяный иногда день и ночь не даетъ всей семье нокою: все что-нибудь да ерундить. Хоть отстуйайся отъ житъя.

— Пуще жаль ребятишебъ-то: вѣдь семеро ихъ—легко сказать; одинъ ужъ учится въ городскомъ училищѣ, да и другой туда посѣхаетъ; а самъ на черный день не сбережеть копѣйки — ихъ проиываетъ. Деньги иногда нужны ребятамъ на саноги, а онъ возьметъ да ихъ и проильтъ. Ребятишкамъ приходится бѣгать въ дыроватыхъ саножонкахъ. Лѣтомъ они бѣгаютъ босикомъ — теплѣ имъ, весною же да осенью въ дыроватыхъ-то саножонкахъ вѣдь имъ холдно; того гляди, что простудятся,—тогда майся съ ними, больными-то. Мнѣ и то съ такой-то обузой достается: надо ихъ накормить, обмыть.

Ты бережешь каждую копѣйку, боишься попусту израсходовать ее, а у него зря рубли лѣтять. Хоть бы ниль-то одинъ—то ничего, не такъ бы много прошилъ онъ, а то наведеть камианью — мужиковъ, да и пируетъ съ ними иногда цѣлую ночь: только, смотришь, лѣтятъ бутылка за бутылкой; еще, ты сама не спи, за гостями ходи: то и дѣло подогрѣвай самоваръ, приготовляй закуску; да и ребятамъ-то нѣть нокою—говорь, крикъ, иѣсни не дадутъ имъ заснуть.

— Вы бы трезвому поговорили, что такъ жить тяжело, что онъ отравляетъ жизнь семьи и что изъ-за его пьянства всѣмъ вамъ приходится бѣдствовать.

— Охъ,—тяжело простонала Марья Ивановна,—говорено ему было, все говорено, да пеймется. Прежде хоть немногого

слушался меня; самъ сознаеть, что онъ поступаетъ неладно, дасть себѣ зарокъ ни кашли не чинть: его самого-то пьянство мучить—на другой день онъ не находить пигдѣ себѣ мѣста. Такъ иѣть, все это ему ноймется: потерпнть не долго, все забудеть, да и оиять и занѣть...

Теперь, такъ и сказать ему ничего нельзя: если станешь что говорить, то кидается на меня драться; какъ-то онъ бросился на меня съ кулаками и я хотѣла бѣжать, а онъ схватилъ револьверъ, навель на меня и кричить: „У меня не убѣжишь—револьверъ догонить тебя“! Ноги у меня такъ и подсѣкли—я не смѣла бѣжать.

— Ужъ лучше вамъ молчать, чѣмъ принимать побои. Можетъ-быть онъ самъ образумится.

— Когда молчишь, оиять ему неладно. „Что ты на меня сердишься-то: ходишь, ровно языкъ прикусилъ“, начнетъ онъ. Или: „Ты, какъ дура: по цѣлимъ днамъ не можешь выдумать ни одного слова“. Вотъ, тутъ какъ хочешь, такъ и живи.

— Да, дѣйствительно, тяжелая у васъ жизнь.

— На что ужъ хуже, миѣ жаль не только своихъ ребятъ, но и больныхъ: иногда по цѣлимъ днамъ ждутъ его ионарасну: онъ—или пьянствуетъ, или лежитъ съ похмѣлья.

Многіе изъ нихъ жалуются врачу. Въ послѣдній прѣѣздъ врачъ миѣ сказалъ: „Только жалѣя вѣсъ и дѣтей, я держу Дапиловича, а то давно бы я отступилъ отъ него“. Я отвѣтила ему: — Если ужъ сколько можете поддержите его, а тамъ ужъ воля ваша. Миѣ ужъ и самой жаль больныхъ: ходятъ, ходятъ онъ—не могутъ добиться отъ него никакой помощи—въ чужѣ дажѣ страдаешь за нихъ. Если ужъ онъ не перемѣнить, то и уволять его—дѣлать нечего,—хоть больные не такъ будутъ бѣжствовать; а если онъ расквилилъ всю семью, то онъ намъ свой: миѣ—мужъ, а дѣтямъ—отецъ“. Не знаю, долго ли еще врачъ побьется съ нимъ.

Послѣ каждого заноя, онъ виравду или иѣть, захворасть; позоветь священника, исповѣдается, дѣтей благословляетъ, со всѣми прощается и говоритъ, что онъ скоро умретъ. Пройдеть немногого времени, онъ ко миѣ и обращается: „Маша, поди для здоровья не мѣшаешь рюмочку пропустить“. Миѣ не хочется его разстраивать: думаю, можетъ-быть онъ и на самомъ дѣлѣ такъ сильно боленъ, что не встаетъ съ постели и говоритъ:—Ты про себя больше знаешь. Если хочешь, то я иодамъ.—„Давай-ка принеси“. Выпить рюмочку, за ней другую... къ ночи опять ужъ ильянъ.

Здоровье-то, это вѣрно, у него совсѣмъ худо. Въ одно время онъ хотѣлъ лѣчиться: взялъ отпускъ на два мѣсяца и поѣхалъ въ Москву; но, получивъ въ городѣ за два мѣсяца жалованіе, тамъ засировалъ, и ногулявши съ мѣсяцъ, воротился домой. Тѣмъ и кончилось его лѣченіе. Отъ всего жалованія онъ и привезъ домой только пятнадцать рублей—тутъ какъ хочешь расходуй деньги, содержи на нихъ семью два мѣсяца. Вѣдь, когда онъѣхалъ обратно, погода стояла дождливая—его промочило даже до нитки; я все думала, что онъ, вмѣсто облегченія отъ болѣзни, со своей поѣздкой отправится на тотъ свѣтъ.

Ума не приложу, что это сдѣлалось съ нимъ: вѣдь пятнадцать слишкомъ лѣть онъ не бралъ въ ротъ ни капли вина и на службѣ былъ ужъ очень усерденъ, такъ что всѣ хвалили его и говорили: „Славный у насъ фельдшеръ Даниловичъ: хорошо лѣчить, да и обращается съ нами какъ со своимъ братомъ“. А теперь иѣть и похожаго на прежняго Даниловича.

X.

Вскорѣ вернулся Даниловичъ съ гостемъ, съ мѣстнымъ, уже пожилымъ, землевладѣльцемъ Иваномъ Ивановичемъ, котораго и отрекомендовалъ Дроздову.

Даниловичъ всегда любилъ потолковать о медицинѣ, и теперь завелъ о ней рѣчъ:

— Вамъ врачамъ, Николай Ивановичъ, такъ славное житье: отработалъ извѣстные часы — и кончено, а мы фельдшера, должны цѣлые дни находиться на службѣ. Когда и дѣла иѣть, отлучиться отъ пункта нельзя: фельдшеръ обязанъ всегда, и днемъ, и ночью, принимать больныхъ.

— Правила-то одни и тѣ же, что для фельдшеровъ, то и для врачей,—возразилъ Дроздовъ,—меня могутъ пригласить къ больному во всякоѣ время, и я долженъ идти.

— Могутъ, да не зовутъ. Все какъ-то нашего брата большоѣ таскаютъ. Еще говорять, что фельдшера вредны, что ихъ нужно замѣнить врачами. Никогда нашимъ земствамъ не обойтись безъ фельдшеровъ.

— Это почему?

— Потому что, даже въ врачебномъ участкѣ, врачи не могутъ обойтись безъ двухъ, безъ трехъ фельдшеровъ, то при самостоятельныхъ фельдшерскихъ пунктахъ они никогда ихъ не замѣнятъ. Тутъ нужны работники, а врачи у насъ бѣлоручки.

— Если бы захотѣли, то фельдшеровъ замѣнили бы сидѣлками: они бы при врачиѣ были бы ему хорошими помощницами, не хуже фельдшеровъ.

— А кто бы сталъ отпускать лѣкарства по вашимъ рецептамъ?

— Тѣ же сидѣлки. Ихъ нужно сначала къ этому подготовить: дать кой-какія познанія по фармациі.

— А виослѣдствіи, какъ образованнымъ, дать такое же жалованіе какъ и фельдшерамъ, двадцать или двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. Затѣмъ, если при лечебницаѣ перебынѣть среднимъ числомъ тридцать человѣкъ въ день, а васъ съ утра увезутъ къ больному, требующему немедленной помощи, верстъ за сорокъ въ грязную дорогу, гдѣ вы потеряете пѣлѣя сутки — и тридцать человѣкъ у васъ дол-

жны остаться безъ помощи? Между тѣмъ, теперь ни одинъ не уйдетъ безъ лѣченія единственно лишь потому, что врачъ въ отлучкѣ, а обратится за помощью къ фельдшеру, оставшемуся вмѣсто врача.

— Нужно имѣть себѣ помощника-врача.

— И платить ему полторы тысячи рублей жалованія, то есть въ пять разъ больше, чѣмъ фельдшеру. Да и то у васъ пользы будетъ меньше, чѣмъ, если станете служить, не говоря ужъ съ пятью фельдшерами, какъ ихъ можно содержать на одномъ жалованіи вашего помощника-врача, но даже съ двумя фельдшерами.

За вами, или помощникомъ вашимъ приѣдутъ на одной лошадкѣ и попросятъ васъ бхать верстъ за пятьдесятъ къ тяжело-больному на таратайкѣ-душегубкѣ, то вы не согласитесь тащиться по грязной дорогѣ по три, по четыре версты въ часъ, а фельдшеръ до слова бѣдетъ.

По правиламъ, да вы и сами требуете, чтобы вамъ подавали наручъ въ приличномъ экипажѣ, а у мужика одна лошаденка, таратайку же вынростили у сосѣда—своей нѣтъ; платить же вамъ прогоны въ ту и другую сторону шесть рублей, мужикъ не согласится: у него въ карманѣ рѣдко заводится лишній рубль, а шестью рублями онъ уплатить подать за одну половину года.

„И хорошъ дохтуръ, — скажетъ онъ самъ съ собою,— да онъ намъ не по карману— придется обойтись безъ него“.

— Если кто пригласить врача, то, во всякомъ случаѣ, отъ него больше пользы, чѣмъ отъ фельдшера, хотя бы врачъ посѣтилъ больного одинъ разъ, а фельдшеръ— нѣсколько.

— Не вы бы это говорили и не я бы васъ слушалъ,— безнадежно махнувъ рукою, сказалъ Даниловичъ,— позвать бы сюда нѣкогнаго самого Захарына къ больному нашему мужику, напримѣръ, съ воспаленіемъ легкихъ, да и заставить бы его лечить на дому мужика, то онъ, право, пользы

немногимъ больше сдѣлать бы больному, чѣмъ фельдшеръ.

Можетъ ли врачъ вылечить этого больного своими кашлями и своими микстурами, если зимнимъ утромъ больной лежитъ въ дыму около дверей, которыхъ отворены въ холодный сѣні, почему больного производитъ холода до костей, да въ теченіе дня двери безпрестанно, входя, выходя изъ избы, отворяютъ; потому, какой долженъ быть въ избѣ воздухъ, если подъ поломъ стоять скотъ, откуда на возвѣ на лантихъ приносится въ избу, если поль моется въ годъ разъ, много два и то, собственно говоря, его не моютъ, а грязь кипяткомъ отшпариваютъ, вмѣстѣ со снѣгомъ отскребываютъ лопатами и выбрасываютъ на улицу; въ избѣ кричатъ ребятишки; вмѣстѣ съ блеющими подъ поломъ овцами и телятами не даютъ покою больному, который нравственно разстраивается каждымъ нустикомъ; больной питается чернымъ хлѣбомъ, круинкой, рѣдькой, калустой и обратой. Я думаю, что будь хоть того лучше врачъ, но онъ тутъ много больному не поможетъ во время своего единственного посѣщенія, а въ другой разъ заnimъ, напримѣръ, верстъ за тридцать, за сорокъ не только не поѣдутъ, но не всегда пошлютъ и за лѣкарствомъ.

— Тоже и отъ вашего брата больные немнога пользы получаютъ: ротные, большую частью, ни уха, ни рыла не понимаютъ, а нѣкоторые иногда осматриваютъ больныхъ навеселѣ. Вообще рѣдко кто изъ фельдшеровъ относится съ усердіемъ къ своей службѣ.

— Ну, братъ, не все мы пьяницы; напримѣръ, я болѣе пятнадцати лѣтъ вѣрой и нравствомъ земству служилъ и вина ни капли въ ротъ не бралъ. Вы сами любите водку не хуже насть.

— Хоть и любимъ иногда выпить, но по службѣ-то все-таки иоаккуратнѣе; а вы, какъ заньете, такъ и запрете—остановится у васъ всякое дѣло.

— Хорошо это вамъ говорить; попробовали бы вы пожить на фельдшерскомъ пункте, то, когда и не хотѣли бы, да попеволѣ вышли.

— Если бы поставить на самостоятельный пунктъ вместо фельдшера врача, то у него дѣло пошло гораздо лучше.

— Чѣль же это лучше?

— Врачу больше довѣряютъ, чѣмъ фельдшеру; следовательно, большему количеству больныхъ онъ будетъ оказывать помощь.

— Это зависитъ отъ того — какой врачъ, какой и фельдшеръ. Есть врачи такие, что фельдшеру со школьнымъ образованіемъ и опытуому болѣе довѣряютъ, чѣмъ имъ. Возьми для примѣра хоть фельдшера Павлова, служащаго въ наше мѣсто: у него, по послѣднему отчету, за первую половину прошлаго года было шесть тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ два больныхъ, тогда какъ у врача, завѣдующаго его участкомъ и имѣющаго двухъ помощниковъ — фельдшеровъ, было въ это же время при его лечебницѣ только пять тысячъ восемьсотъ семьдесятъ семь больныхъ; да еще въ это же число вошли больные, припятые фельдшерами, которые обыкновенно разѣзжаютъ по участку, лечатъ больныхъ и осматриваютъ учениковъ въ училищахъ; при лечебницѣ же только восемь кроватей и на нихъ перебывало сто сорокъ больныхъ.

— Можетъ быть, населенія больше въ участкѣ фельдшера Павлова, чѣмъ у его врача?

— Вотъ нашель — больше. Въ участкѣ врача девять волостей, а у фельдшера три и размѣромъ волости почти одинаковы, такъ что населеніемъ участокъ врача втрое больше чѣмъ фельдшера.

Если бы населеніе не видѣло пользы отъ леченія фельдшеромъ, то въ теченіе полугода болѣе шести тысячъ человѣкъ не обратились бы къ нему за помощью, не стали бы попусту, въ ходьбѣ, въ ожиданіи приема и отиуска лѣ-

жарствъ, терять время, которымъ мужики очень дорожать.

На дѣлѣ и выходить, что фельдшеръ, получающій за многолѣтнюю службу со всѣми прибавками четыреста рублей въ годъ, приносить иногда пользы не меныше чѣмъ врачъ съ окладомъ жалованія тысячу пятьсотъ рублей, да въ придачу труды и жалованіе двухъ фельдшеровъ.

— Если врачи получаютъ болѣе вознагражденія за свой трудъ, то они выигрываютъ экономію въ отиускѣ лѣкарствъ, такъ какъ фельдшера много ихъ непроизводительно тратятъ.

— Возьмите-ка отчетъ управы и посмотрите: вы тамъ увидите, что расходъ на лѣкарства въ теченіе полугода выразился такъ: у фельдшера Павлова — шестьсотъ тридцать два рубля, а въ лечебницѣ у его врача тысячу сто четыре рубля — гдѣ же тутъ экономія?

— Словъ не говоря, нельзя отыматъ чести отъ иѣкоторыхъ трудолюбивыхъ, трезвыхъ фельдшеровъ, что они для населенія полезны, но нужно для сравненія брать не частные случаи, а судить въ общемъ какъ врачей, такъ и фельдшеровъ, тогда можно сказать болѣе правильно.

— Ужъ не знаю, чья тутъ возьметъ, а только вы въ материальномъ отношеніи обставлени гораздо лучше нась и обладаете но медицинѣ полными правами, тогда какъ мы, подавая помощь больному, даже въ случаѣ необходимости, не можемъ дать, безъ позволенія врача, спъниодѣствующихъ лѣкарствъ; бываетъ, что эти лѣкарства нужны сейчасъ больному, но не бѣжать же, за разрѣшеніемъ, бѣ врачу, находящемуся за сорокъ верстъ. По настоящему, фельдшеръ не можетъ пошевелиться безъ разрѣшенія врача, а между тѣмъ, врачъ, живущій за сорокъ за пятьдесятъ верстъ, посѣтить ли и пунктъ и семь разъ въ годъ. Населеніе трехъ волостей въ тысячу двадцать ввѣряется на самостоятельное лечение тому же фельдшеру, у которого больныхъ бываетъ тысячу до десяти въ годъ.

— Мне кажется, какъ я наблюдалъ во время многолѣтней своей службы, ни одинъ почти врачъ не стѣсняетъ фельдшеровъ на самостоятельныхъ пунктахъ ни въ чемъ: составленный фельдшеромъ каталогъ, какія бы тамъ ни были помѣщены лѣкарства, начиная отъ самыхъ легкихъ и кончая сильнодѣйствующими—мышьякомъ, стрихниномъ, врачъ подписываетъ безпрекословно; лечение сильнодѣйствующими лѣкарствами производится фельдшерами вполнѣ самостоятельно; во всемъ остальномъ — мало вы найдете такихъ врачей, которые злоупотребляли бы властью и угнетали бы подчиненныхъ имъ фельдшеровъ; напротивъ, врачъ старается помочь своему фельдшеру въ его, иногда тяжеломъ положеніи и защищаетъ его отъ разныхъ со стороны нападокъ. Что же касается самихъ фельдшеровъ — то многіе изъ нихъ забываютъ, зазнаются довѣріемъ населенія, ни во-что ставятъ какъ-ни-какъ своего начальника — врача, случается что грубятъ ему, — то такихъ фельдшеровъ встрѣчается чаще, чѣмъ врачей, грубо обращающихся съ ними.

— Конечно, ужъ надо сознаться и правду сказать: за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, ни одинъ начальникъ такъ сердечно не относится къ своему подчиненному, какъ врачъ къ фельдшеру; почти все участковые фельдшера ждутъ и принимаютъ своихъ врачей не какъ грозное начальство, придирающееся къ каждому пустяку, а какъ дорогихъ гостей: въ дружеской бесѣдѣ съ ними обѣ интересующихъ обоихъ вопросахъ, они пріятно проводятъ время; но все-таки, эти, хотя и воздушныя узы, связывающія дѣйствія по рукамъ и по ногамъ, сильно нравственно тяготятъ фельдшера.

Такъ, напримѣръ, у меня былъ такой случай: недавно меня пригласили въ деревню, находящуюся недалеко отъ пункта, къльному парню, у которого былъ распоротъ животъ такъ, что внутренности вышли наружу. Единственный исходъ для излеченія больного былъ: вправить вну-

трепости и зашить животъ, чего я, какъ фельдшеръ, по правиламъ сдѣлать не могъ. Если отправить наряя къ врачу, находящемуся отъ него въ сорока верстахъ, то онъ долженъ дорогою умереть. Я зашилъ ему животъ, рискуя за это поплатиться наказаниемъ — и парень выздоровѣлъ. Даже разъ зашилъ животъ лошади, свалившейся на зубья борона — и она поправилась.

Если сама жизнь требуетъ, чтобы фельдшера были самостоятельными лицами въ лѣченіи больныхъ и лично отвѣщающими за свои дѣйствія, если уже на практикѣ фельдшера полноправные лѣкари, и если, при окончаніи ими фельдшерскихъ школъ, свѣдующія и опытныя въ медицинѣ лица, въ числѣ которыхъ даже находится начальникъ всѣхъ врачей и фельдшеровъ губерніи — врачебный инспекторъ, удостовѣряются въ познаніяхъ ихъ, выдаютъ имъ въ томъ свидѣтельства, — то зачѣмъ же существуетъ огражденіе правъ фельдшеровъ, если эти права жизни давно разрушены. Нужно создавать такія права фельдшерамъ, которыя требуются настоящею жизнью; нужно, чтобы разъ положенные для фельдшеровъ права, какъ для нихъ необходимы, существовали не только па бумагѣ, но и па дѣлѣ, чтобы они постоянно не нарушились бы, а исподилялись бы.

Теперь, врачъ, разрѣшивъ выписать фельдшеру изъ земской аптеки сильнодѣйствующія лѣкарства, въ случаѣ, еслильному причинится отъ нихъ вредъ, то отвѣчаетъ и врачъ, почему онъ дозволилъ фельдшеру имѣть такія лѣкарства, а на самомъ дѣлѣ, врачъ разрѣшилъ имѣть эти лѣкарства потому, что они при лѣченіи необходимы. Врачъ, имѣя подъ руками лѣчебницу съ приходящими больными, иногда съ девятыи волостей, не въ силахъ слѣдить за каждымъ шагомъ лѣченія вѣнѣнаго его надзора фельдшера, находящагося отъ него иногда въ пятидесяти верстахъ. И стоять въ этомъ положеніи, я думаю, каждому врачу не очень пріятно.

— Конечно. Я и многие врачи, противъ самостоятельнаго лѣченія фельдшерами, ничего не имѣли бы: для нась эта обуза и въ сторону. Намъ достаточно наблюденія за дѣйствіями фельдшеровъ.

— Серьезныхъ же больныхъ всегда фельдшеръ пошлетъ къ врачу, потому что, находясь при лечебницѣ, больной скорѣе исправится, чѣмъ посыпая пунктъ за пятиадцать, за двадцать пять верстъ.

— Во всякомъ случаѣ, фельдшеръ не будетъ дѣлать больному операцию: онъ на то не имѣть права и незнакомъ съ этимъ дѣломъ.

— И вашъ братъ немного дѣлаетъ операций. Одна почти разница съ фельдшерами, что врачи, для показанія въ отчетахъ большаго числа операций, всегда чирки разрѣзываютъ, а фельдшера вылѣчиваютъ ихъ прикладываніемъ вытяжного пластиря; а на серьезныя операции рѣдко соглашаются наши крестьяне: они еще не привыкли къ нимъ, всякихъ разрѣзовъ боятся; да и земскіе врачи еще не настолько зарекомендовали себя хорошими хирургами, что операции сходять у нихъ всегда благополучно.

— А сколько врачи изъ слѣпыхъ дѣлаютъ зрячихъ, снимая съ глазъ катарактъ—это вы не принимаете въ разсчетъ?

— Глазами каждый дорожитъ еще болѣе чѣмъ другимъ, поэтому, больной только въ крайнихъ случаяхъ соглашается на операцию, а покамѣстъ, что-не-что онъ видить, избѣгаетъ операций.

Еще вы говорите, что безъ фельдшеровъ можете обойтись,—онять началъ Даниловпчъ сильно нападать на врачей,—а сами то и дѣло, безъ всякаго разрѣшенія, отлучаешься изъ участка по своимъ надобностямъ на пѣдѣлю и болѣе; обязанность врача и свою править тотъ же фельдшеръ.

Да я какъ посмотрю, вы, земскіе врачи, хотя живете

среди народа, но единственно лишь потому, что земство вамъ платить приличное жалованіе, какое въ городѣ не получишь, и вы все-таки, находясь въ деревнѣ, смотрите изъ нея вонъ; при первой же возможности, а особенно, кто, при экономіи, скопить себѣ денежку, удираетъ въ городъ, гдѣ жизнь куда—какъ веселѣе.

Вы хотите фельдшеровъ замѣнить врачами, а между тѣмъ, теперь на должность врача съ полутора тысячнымъ жалованіемъ не можно найти въ деревню врача; такъ, напримѣръ, наше же земство, несмотря на неоднократныя публикаціи, въ теченіи болѣе полугода не могло вызвать ни одного врача, не будь бы фельдшеровъ, тогда васъ и съ собаками не скоро сыскать-бы,—то сотни тысячъ больныхъ во время пріисканія врачей должны оставаться безъ всякой помощи.

Первое время вы кричите, что мы, не жалѣя силь своихъ, служимъ пароду, а послѣ, какъ попробуете годъ или два на тяжелой службѣ, полной всякихъ лишеній и въ глуши безъ всякого общества, то трудовая, полезная для народа жизнь земскаго врача, покажется вамъ, избалованнымъ городской жизнью, куда-какъ тяжелой, и вы заноете совсѣмъ не то, а что жизнь земскаго врача поставлена прекрасно, что при этихъ условіяхъ служить въ земствѣ пельзя.

Скажите, пожалуйста, чего еще вамъ надо? Земство жалованіе даетъ вамъ тысячное, не стѣсняетъ вашей свободы—вы виолиѣ сами себѣ начальники; соскучитесь въ деревнѣ, уѣзжаете въ городъ отвести свою душу—и управа вамъ ничего не говоритъ: она рада, что хоть всѣ участки замѣщены врачами: если который уйдетъ, то новаго, пожалуй, не скоро сышешь. А напѣтъ братъ большею частью до гробовой доски живеть въ деревнѣ, иногда на службѣ одному и тому же земству двадцать и тридцать лѣтъ подърядъ,— случается, что даже на одномъ мѣстѣ. Много ли найдется врачей, прослужившихъ какому-либо земству

столько лѣтъ? Надо ихъ искать днемъ, да и то съ огнемъ.

— И фельдшера-то служать такъ долго единственно потому, что имъ болѣе выхода нѣтъ, а если бы была возможность, то не задумались бы удрать въ городъ.

— Еще пока ребята мали—можно жить въ деревнѣ, но какъ они подрастутъ, то и ионеволѣ иногда подумаешь: не худо бы перебраться въ городъ.

Я получаю съ прибавками самый высшій окладъ жалованія въ нашемъ земствѣ—четыреста рублей въ годъ. Житель города скажетъ: въ деревнѣ, гдѣ все дешево, на такомъ жалованіи, при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи, можно жить. Но напрасно городскіе обитатели думаютъ, что въ деревнѣ все дешево. Если сравнить въ общей сложности цѣну покупаемыхъ товаровъ, то въ деревнѣ содержаніе стоитъ даже дороже, чѣмъ въ городѣ; напримѣръ, за ржаную муку приходится платить рубль, за круничатую два рубля шестьдесятъ копѣекъ за пудъ, сахаръ двадцать, керосинъ пять копѣекъ за фунтъ, а про ситцы и говорить нечего: ясноѣ дѣло, за каждый товаръ, доставленный торговцами за двѣсти верстъ, нужно платить лишнія за провозъ деньги, да и торговцы отъ продажи что-нибудь себѣ наживаются. Еще вотъ у меня одинъ сынишка учится въ городскомъ училищѣ и другой посыпаетъ туда, содержаніе тамъ съ дорогами недешево стоитъ, то жалованіе четыреста рублей въ годъ при моей семье, девяти человѣкахъ, не далеко подернешь.

— Можетъ быть у васъ есть другие доходы?

— Въ деревнѣ вы выдумали доходы—что вы? Кажется сами живете въ ней и спрашиваете про доходы; другой богатый торговецъ стаскаетъ тебя къ себѣ на домъ въ годъ-то разъ тридцать, иногда совсѣмъ изъ-за пустяка—могъ бы самъ пріѣхать въ пунѣтъ, а тутъ тащись къ нему верстъ за десять и болѣе; въ награду же получишь столько,

сколько у него попьешь, да пойши. Всё смотрять на земского фельдшера такъ: если онъ получаетъ жалованіе, то долженъ работать за него неустанно день и ночь, до послѣдняго своего издыханія. Бываетъ, что и погода крестьяне и предлагаютъ какія-то крохи, но зная ихъ нужду, не согласишься самъ взять у нихъ послѣдній кусокъ хлѣба.

— Это ты такъ поступаешь, а иѣкоторые фельдшера не брезгуютъ всѣмъ—и печенымъ, и варенымъ.

— Конечно, есть и такие, какъ есть и земскіе врачи, которые разъ придутъ на домъ къ больному и если не получать за визитъ, то на вторичное приглашеніе отвѣтятъ: „Пусть больной самъ въ приемные часы придетъ въ лечебницу и обратится ко мнѣ“. Жалованіе же они получаютъ въ пять разъ больше нашего.

— Вотъ, что я тебѣ, Даниловичъ, скажу,—снорившій ранѣе хладнокровно, съ волненіемъ сказалъ врачъ.—ты только выставляешь тяжелое положеніе своего брата, фельдшеровъ и думаешь, что земскіе врачи благоденствуютъ. Но со стороны легко судить положеніе другого и думать, что жизнь его, въ сравненіи съ моей, очень хороша; на самомъ же дѣлѣ, чтобы судить о жизни другого, нужно не сопоставлять себя съ нимъ, а необходимо отрѣшиться совсѣмъ отъ своего положенія и встать на мѣсто другого, о комъ ты судишь,—и тогда только больше иправильно, ты можешь сказать—легка или тяжела его жизнь. А если разсуждать по твоему, то жизнь крестьянской вдовы, оставшейся послѣ мужа съ пятью малолѣтними дѣтьми, которая вскармливается отъ ея единственныхъ руку, тяжелымъ трудомъ, въ сравненіи съ твою, будетъ худа, а между тѣмъ, жизнь этой вдовы противъ жизни бездомнаго слѣпнаго старика—прекрасна.

Въ училищахъ нась приготовляютъ не къ трудовой тяжелой жизни земскаго врача, а вбивають въ наши головы—такъ, что они готовы иногда отъ сиянаго папряже-

нія даже треснуть—много ненужныхъ для земского врача знаній—нѣмецкій, французскій и греческій языки, алгебру и пр.: не съ мужиками же, живя въ деревнѣ, я буду говорить по-нѣмецки или по-французски, а безъ употребленія, всѣ знанія, гдѣ было потрачено столько силъ—мало-помалу улетучиваются.

Между тѣмъ, какъ поступая на службу земского врача съ обширными познаніями, почерпнутыми въ гимназіи и университетѣ—съ французскимъ, нѣмецкимъ и греческимъ языками, съ алгеброй, съ самыми подробными свѣдѣніями по географіи—даже знаю, не только въ какой странѣ, но и въ какомъ городѣ приготовляется много иголокъ—въ то же время я совсѣмъ почти незнакомъ съ условіями жизни земского врача, не имѣю понятія, что за земская больница, лечебница, фельдшерскій пунктъ, про обязанности врача, составъ медицинскаго персонала, условія жизни народа, котораго придется лѣчить—ихъ трудъ, жилища, пищу и пр., что знать для врача необходимо и скоро можно: достаточно познакомиться съ жизнью одной деревни нашего крестьянина—землевладѣльца, чтобы судить о всѣхъ крестьянахъ нашей матушки—Россіи, такъ какъ условія жизни ихъ вездѣ почти одинаковы—въ иустякахъ только разнятся.

И отъ незнанія жизни населенія, которому приходится подавать помощь, дѣятельность врача, хотя и опытнаго, усерднаго, иногда является бесполезной, составляетъ одну лишь трату на лѣкарства деягъ, которыя собираются съ тяжелыхъ трудовъ нашего крестьянина. И сознаніе этого, тяжелымъ камнемъ ложится на душу врача и подчасъ отравляетъ его жизнь.

Ты говоришь—что служба врача самостоятельна, а на самомъ дѣлѣ—нѣтъ: безъ врачебно-санитарнаго совѣта и земской управы врачъ ничего не можетъ сдѣлать; положеніе его такъ же непрочно, какъ фельдшера: я былъ принятъ на службу такимъ-то предсѣдателемъ, а онъ смѣнился,

а другому я почему-либо не понравиіся — и могу лишиться места.

Потомъ, мы лучшіе годы провели въ учениі, пѣкоторые въ нуждѣ, видя, какъ другіе пользуются жизнью; но мы жили надеждою, что когда поступимъ на службу, тогда уже будемъ жить такъ, какъ другіе живутъ; на самомъ же дѣлѣ, врачъ въ деревнѣ, не видя почти никакихъ удовольствій и предоставленный одному себѣ: врачу очень трудно здѣсь найти такихъ лицъ, съ которыми онъ могъ пріятно и съ пользой проводить свободное время — живеть въ деревнѣ онъ, какъ въ ссылкѣ.

Хотя даютъ намъ большое жалованіе, но оно такъ зря между руками уходитъ, не получая на него почти никакихъ удовольствій.

Всю жизнь свою приходится имѣть дѣло съ больными, несчастными людьми, которые своимъ тяжелымъ положеніемъ, стонами, невольно наводятъ тоску, уныніе на душу врача, и отъ чужого страданія иногда становится тяжело и самому.

Бываютъ у меня свѣтлые минуты только тогда, когда мой болѣй выздоравливаетъ. Видя, какъ несчастный больной, физически слабый, нравственно ушавшій духомъ, кото-раго ужъ ничто не радовало въ мірѣ, исправляется, становится здоровымъ, съ любовью смотрить на окружающей міръ, гдѣ все больному, послѣ тяжкой болѣзни, предста-вляется въ украшенномъ видѣ,— и, думая, что все это онъ получаетъ черезъ врача, онъ отъ всего сердца благодаритъ меня... Въ эти минуты иѣть счастливѣе меня!

Не всѣ фельдшера, находящіеся подъ руководствомъ врача, удовлетворяютъ своему назначению, и сколько иногда отъ ихъ нетрезвой жизни, халатнаго отнosiенія къ службѣ приходится переносить врачу — онъ одинъ знаетъ. Врачу нужно следить за сидѣлками, за сторожами, чтобы они были исправны по службѣ; малѣйшая ихъ небрежность воз-мущаетъ врача, преданнаго своему дѣлу.

Сколько своими неисполнимыми не только просьбами, но даже рѣзкими требованиями, небрежнымъ отношениемъ къ совѣту врача, возмущаютъ больные,—и врачъ долженъ отъ нихъ, какъ отъ людей несчастныхъ, переносить на себѣ и за нихъ страдать...

Осуждая дѣйствія и жизнь земскихъ медицинскихъ линъ, не примутъ во вниманіе то, что врачи и фельдшера рисуютъ постоянно изъ-за своей службы преждевременно отираваться на тотъ свѣтъ: появляется ли гдѣ эпидемія—холеры, брюшного тифа, оспы и пр.—всѣ даже боятся близко подойти къ жилищу больного, а врачъ и фельдшеръ безстрашно подходитъ и наклоняется къ нему, сознавая, что въ это время онъ вдыхаетъ въ себя воздухъ, которыемъ можетъ заразиться, изслѣдуя больного, припираетъ мѣры къ огражденію другихъ, но не себя, отъ зараженія, удаляя ихъ отъ больного; при этомъ, онъ рискуетъ заразить свою семью—жену и дѣтей, а самъ нерѣдко даже платится жизнью... И все это цѣнится ни-во-что!

Вотъ вамъ картина жизни земского врача, на котораго по временамъ ссылаются со стороны укоры.

— Если жизнь врача худа,—замѣтилъ Даниловичъ,—то фельдшера тѣмъ болѣе; а кто изъ нихъ полезнѣе, то это еще вопросъ.

— Вотъ что, Даниловичъ,—перебилъ его врачъ,—намъ съ тобой другъ друга не переспорить въ томъ, чья жизнь лучше и кто изъ настѣ полезнѣе—врачъ или фельдшеръ. Этотъ вопросъ разрѣшить лучше посторонній человѣкъ, потому что каждый изъ настѣ болѣе защищаетъ свою профессію. Мы обѣ этомъ спросимъ Ивана Ивановича: онъ терпѣливо выслушалъ весь нашъ споръ, онъ хорошо знаетъ, какъ мѣстный житель, условія жизни народа и нашу дѣятельность, поэтому безиристично можетъ высказать свое мнѣніе насчетъ врачей и фельдшеровъ.

— И самое лучшее,—согласился Даниловичъ. — Иванъ

Ивановичъ и правдивый человѣкъ—онъ прямо выскажетъ свой приговоръ, а за его отвѣтъ, прошу не сердиться: онъ не любить ходить окольными путьми.

— Ты ужъ больно много мнѣ чести придаешь,—замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.—Я обыкновенно говорю только то, что думаю.

— Да и каждый говорить то, что думаетъ, но иной первую думу не выскажетъ—она покажется ему, будеть не-пріятна для собесѣдника, замѣнить ее другой, болѣе угодной собесѣднику, почему и получается совсѣмъ не то, что онъ думаетъ.

— Ну, ужъ, у меня этого нѣтъ.

— Вы, пожалуйста намъ скажите, о чемъ мы просимъ васъ,—проговорилъ врачъ,—за это мы будемъ вамъ очень благодарны, такъ какъ намъ интересно, чтобы этотъ во-просъ разрѣшилъ посторонній человѣкъ, на иправдивый при-говоръ котораго мы надѣемся.

— Хорошо. Я послушаюсь васъ. Но только прошу обо-ихъ не пенять на меня, что не по вкусу придется вамъ.

— Будьте въ этомъ покойны,—увѣрилъ врачъ.

XI

Если сравнивать дѣятельности врача и фельдшера, по-ступившихъ на мѣсто прямо со скамьи,—началь Иванъ Ивановичъ,—то, конечно, врачъ лучше фельдшера какъ по нравственному и научному своему воспитанію, такъ и по знанію медицины, потому что ученики—фельдшера не мо-гутъ быть выше своихъ учителей—врачей.

Что же касается дальнѣйшихъ ихъ знаній, то это зави-ситъ отъ самихъ лицъ—врача и фельдшера: у врача, не берущаго въ руки книги и не слѣдящаго за ходомъ меди-цины, не только не прибавляются знанія, но даже и ста-рыя улетучиваются, а между тѣмъ, фельдшеръ, со внимани-

піемъ относяцій къ медицинѣ, который всю почти жизнь не покидаетъ своихъ учителей, авторовъ медицинскихъ книгъ, которые письменно учатъ его, — при практикѣ онъ сиравляется въ книгахъ при всякомъ затрудненіи,—при всякомъ интересующемъ его случаѣ, и при внимательномъ лѣченіи больныхъ, учение профессора, доктора или врача подтверждается на дѣлѣ,—быстро въ познаніяхъ медицины развивается и не только догоняетъ врача, ограничивающагося университетскимъ образованіемъ, но даже впередъ его уходитъ. Конечно, врачъ, следящій за наукой наравнѣ съ фельдшеромъ, обладаетъ, какъ болѣе развитой, большими знаніями.

Въ обращеніи же съ больными—фельдшеръ грубѣе врача: въ школахъ лѣчить больныхъ учатъ, а обращаться съ ними—нѣтъ. Вместо того, чтобы успокаивать больного, какъ несчастного, фельдшеръ даже иногда разстраиваетъ его за то, что больной по своей темнотѣ говорить ему: вотъ то или другое не поможетъ ли, и просить дать ему такого лѣкаря, какого онъ самъ вздумаетъ, или не исполнить совѣта его; хотя есть изъ фельдшеровъ и такие, которые объясняются съ больными хладнокровно, не разстраивая ни себя, ни ихъ.

Да и въ общемъ взять—мало кто такъ грубо съ людьми обращается, какъ иѣкоторые врачи и многіе изъ фельдшеровъ,—а они то и должны быть болѣе всего вѣжливыми въ обращеніи съ больными, какъ ужъ и безъ того нравственно разстроеннымъ, угнетеннымъ людьми.

Труда же по народному здравію приходится больше на долю фельдшера: онъ одновременно присутствуетъ съ врачомъ, кромѣ того на его обязанности лежитъ дежурство въ больницѣ или лечебницѣ, разѣзды по участку и пр.—врачъ же знать одинъ осмотръ больныхъ и назначеніе леченія въ больницѣ или лечебницѣ, а весь остальной черный трудъ лежитъ на фельдшерѣ; на самостоятельныхъ же

иунктахъ фельдшеръ справляется одинъ, безъ всякаго по-
мощника иногда съ восемью, девятью тысячами въ годъ
больныхъ.

Если бы земская медицина нокоилась на избыткѣ народ-
ныхъ силъ, то я думаю, что земство стало бы приглашать
на службу врачей; а такъ какъ земскія средства ограниче-
ны, то при выборѣ врачей и фельдшеровъ приходится за-
думываться и избирать тѣхъ, которые, при одномъ и томъ
же расходѣ на нихъ, принесутъ народонаселенію пользы
больше, чѣмъ другіе.

Если бы, я былъ предсѣдателемъ земской управы и мнѣ
бы сейчасъ врачи и фельдшера предложили бы свои услу-
ги, то я, конечно, предпочелъ бы первыхъ, чѣмъ вторыхъ,
но только съ тѣмъ, чтобы врачи, какъ считающіе свою
дѣятельность полезнѣе фельдшеровъ и какъ отъ души же-
лающіе народнаго блага, согласились бы служить на жало-
ваніи фельдшеровъ, то-есть на двадцати пяти рубляхъ въ
мѣсяцъ. И я думаю, что врачи, ранѣе говоривши, что они
полезнѣе фельдшеровъ служить для блага парода, тотчасъ
же повернулись ко мнѣ спиной, даже сочли бы себя оскор-
блеными, что имъ предложили такое „мизерное“ вознагра-
женіе; а фельдшера были бы недовольны, что врачей
предпочли предъ ними и въ свою очередь отказались идти
ко мнѣ на службу,—и съ хорошими цѣлителями-врачами, я
остался бы какъ разъ на мели: ранѣе хоть фельдшера по
мѣрѣ силъ своихъ и знаній лечили народъ, а теперь п
этихъ работниковъ я лишился. А дать же врачамъ тысячи-
ное жалованіе я не въ силахъ: бюджетъ земства ограни-
ченъ, и я самъ, какъ хозяинъ, вижу его материальное
 положеніе и не могу довести его до банкротства, чего,
 я думаю, не ножелаютъ сами врачи.

Да и не дѣло будетъ, если мы отъ здоровыхъ станемъ
 отыматъ необходимый кусокъ хлѣба, заставляя ихъ недо-
 Ѣдать, тѣмъ истощая ихъ организмъ и доводя его даже до

бога́зенности, для того только, чтобы этот кусок употребить для пользы горсти людей и для поддержания сильныхъ, которые не сегодня такъ завтра помрутъ.

Тогда только медицина приносить пользу, если расходъ на нее не подрываетъ народныхъ здоровыхъ силъ, иначе она можетъ сыграть роль обоюдоострого орудія. Мы должны считаться съ тѣмъ, что расходъ на медицину у земства составляетъ и то третъ всѣхъ расходовъ, что деньги на земства собираются большою частью съ крестьянъ, трудъ которыхъ у насть вознаграждается такъ: даже въ самое дорогое рабочее время—сѣнокосъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ получаетъ, на готовыхъ хлѣбахъ, за косьбу съ трехъ, четырехъ часовъ утра и до девяти вечера пятьдесятъ копѣекъ въ день, за молотьбу овина хлѣба въ теченіе четырехъ часовъ тяжелой безпрерывной работы пять копѣекъ и обѣдъ. На эти деньги онъ долженъ прокормить семью, состоящую нерѣдко человѣкъ изъ восьми и часть удѣлить на подати и другіе расходы. Поэтому мы деньгами, добытыми такимъ тяжелымъ трудомъ, должны дорожить и соблюдать въ земскихъ расходахъ экономію.

Мнѣ скажутъ, что одинъ врачъ, получая въ годъ тысячу пятьсотъ рублей жалованія, можетъ принести пользы больше чѣмъ три фельдшера, получающихъ триста рублей въ годъ.

Но это тому можно говорить, кто не знаетъ мѣстныхъ условій жизни крестьянъ, а не мнѣ.

На одномъ жалованіи врача можно содержать три фельдшерскихъ пункта: жалованіе фельдшеру триста рублей, квартира, отопленіе, освѣщеніе каждого пункта—двести рублей. Содержаніе трехъ фельдшерскихъ пунктовъ составляетъ тысячу пятьсотъ рублей въ годъ; если двѣсти рублей, необходимыхъ для квартиры, отопленія, освѣщенія пункта врача, употребить на другіе расходы для двухъ фельдшерскихъ пунктовъ, то они мебелью, инструментами и книгами, будутъ очень богаты.

Участокъ, находящійся подъ вѣдѣніемъ врача, будетъ раскинутъ на пространствѣ по крайней мѣрѣ втрое большемъ, чѣмъ отъ каждого изъ трехъ фельдшерскихъ участковъ; у насъ еще населеніе очень рѣдко, пункты устраиваются въ центрѣ населенія, и одинъ фельдшерскій участокъ отдѣляется отъ другого волоками, безъ всякаго населенія, иногда въ десять, пятнадцать и двадцать верстъ.

Съ упраздненіемъ же трехъ фельдшерскихъ участковъ и замѣниѣ его однимъ врачебнымъ у насъ получится вотъ что: вместо того, чтобы жителямъ ближайшихъ деревень двухъ отдаленныхъ пунктовъ обращаться за помощью—за версту, за двѣ и много, для небольшой части, за двадцать пять верстъ, имъ придется путешествовать пятьдесятъ, а дальнѣй—семьдесятъ пять верстъ, потому что населеніе фельдшерскихъ участковъ у насъ расположено обыкновенно въ одномъ направлениі, по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ, по сторонамъ почтоваго тракта и большой проселочной дороги, а по бокамъ же находятся иенаселенныя мѣста, запятая лѣсомъ и сѣнокосомъ; считая протяженіе каждого фельдшерскаго участка пятьдесятъ, то трехъ — составить сто пятьдесятъ верстъ, если въ центрѣ этого діаметра помѣстить врачебный участокъ, то до дальнихъ деревень въ ту и другую сторону будетъ по семидесяти пяти верстъ. Слѣдовательно, двумъ третямъ населенія придется тащиться линияхъ отъ двадцати пяти до пятидесяти верстъ.

Если бы тѣмъ же врачамъ, порѣзавшимъ или обварившимъ себѣ что нибудь, или съ болѣзнями—чесомъ, или запоромъ, или поносомъ и пр.—предложили бы, поставивъ ихъ на мѣсто крестьянъ, тащиться иѣшкомъ или щѣхать въ навозной „одноколкѣ“ гдѣ приходится, сбочившись лежать, къ фельдшеру за версту или за двадцать пять или за семьдесятъ пять верстъ, то я думаю, что при всемъ своемъ довѣріи и уваженіи къ своимъ коллегамъ—врачамъ, они согласились бы скорѣе идти къ фельдшеру, чѣмъ къ врачу,

потому что и фельдшеръ сумѣть сдѣлать перевязку, или дать мази отъ чесу, или касторки отъ запора и пр.

Миѣ на это можетъ быть возразить, что лучше къ врачу обратиться одинъ разъ, чѣмъ къ фельдшеру три раза, гдѣ выиграется время въ леченіи и будетъ соблюдена экономія въ лѣкарствахъ.

Но это довольно ясно опровергнулоъ своими доводами Даниловичъ, и я считаю лишнимъ повторять сказанное имъ.

Не говоря уже про деревню, при больницѣ, лечебницаѣ и городѣ, гдѣ леченіе обставлено всѣми удобствами, гдѣ врачъ иногда посѣщаетъ больныхъ два раза въ день, взять бы процентъ тяжелыхъ больныхъ, которые выздоровѣли благодаря лишь врачу и этотъ процентъ сравнить съ количествомъ умершихъ и тѣхъ, которые поправились бы и безъ помощи врача, благодаря лишь своему крѣпкому тѣлосложенію и нобѣдѣ организма надъ болѣзнью, то проценты живущихъ, благодаря искусству нашихъ врачей, былъ бы очень невеликъ, поэтому и скорбѣть о томъ, что фельдшеръ не сумѣть справляться съ серьезными болѣзнями, совсѣмъ не стоитъ.

Какъ фельдшера являются для земской медицины необходимыми, такъ и безъ врачей она не можетъ обойтись. Въ случаѣ серьезной какой - либо болѣзни, или въ случаѣ недоразумѣнія, или для операций, гдѣ фельдшеръ не въ силахъ будетъ помочь больному, то онъ отошлетъ его въ лечебницу къ врачу, который и окажетъ ему помощь.

При настоящемъ положеніи медицина во всѣхъ почти земствахъ поставлена хорошо и совершенно правильно.

Въ болѣе населенныхъ мѣстахъ открыта лечебница съ врачомъ, двумя или тремя фельдшерами, новивальной бабкой и оснопрививательницей съ участкомъ, состоящимъ изъ шести, девяти волостей. Кругомъ же этого участка устроены три или четыре фельдшерскихъ пункта съ двумя, тремя волостями; при пунктахъ находится новивальная бабка, иногда

и осенпрививательница, которые помогают фельдшеру при приемѣ больныхъ.

Повивальная бабки и осенпрививательницы большую часть года проводятъ дома: осенпрививательницы бываютъ въ участкѣ не болѣе двухъ мѣсяцевъ въ году, а въ остальное время ониѣ свободны; у повивальныхъ же бабокъ обыкновенно бываетъ въ году только отъ двадцати до тридцати приемовъ. Это объясняется тѣмъ, что деревенскія бабы при родахъ дѣтей обходятся еще со своими старухами, а другія не посылаютъ за повивальной бабкой за дальностью разстоянія: и окамѣстъ мужикъ Ѳдетъ за бабкой верстъ за двадцать или за тридцать, баба и родить; или, бабку привезли, оказывается, что баба родить еще черезъ двое сутки—бабку и отвози обратно, а если она нужна, то прїѣзжай за ней вновь, что заставляетъ деревенскихъ бабъ родить со старухами, которые примѣняютъ, напримѣръ, такие способы: роженицу, при поперечномъ положеніи младенца, встряхиваютъ за ноги внизъ головой, отчего многія бабы послѣ родовъ болѣютъ всю жизнь, а другія даже умираютъ.

Повивальная бабки большою частью бываютъ на практикѣ только у причта, у торговцевъ, у богатыхъ крестьянъ, которые привозятъ ее заблаговременно и просятъ побывать до родовъ. Бабка, зная, что ей попадеть за практику, живетъ у иныхъ роженицъ даже по недѣлѣ. Бѣдныя же обыкновенно приглашаютъ ее во время неправильныхъ родовъ, когда же старухи измучать роженицу, такъ что случается, что приступиться къ ней даже невозможно.

Наблюденіе же за фельдшерскими пунктами, повивальными бабками и осенпрививательницами поручено ближайшему врачу.

Нѣкоторыя земства, навѣрио, имѣя въ виду, что такъ какъ практики у повивальныхъ бабокъ мало, то фельдшера и повивальную бабку замѣняютъ фельдшерицей-акушеркой, уплачивая ей такое же жалованье, какъ тѣмъ обоимъ вмѣстѣ.

Но имѣть при больницѣ или при лечебнице одну фельдшерицу-акушерку, пожалуй, будетъ не хуже чѣмъ все фельдшеровъ: по крайней мѣрѣ бабы станутъ болѣе обращаться къ нимъ съ женскими болѣзнями, такъ какъ, многія изъ нихъ стѣсняются обращаться къ врачу или фельдшеру и остаются безъ помощи; да фельдшерица - акушерка можетъ совсѣмъ замѣнить новивальную бабку — если она отлучится на практику, то безъ нея дѣло не станетъ: при лечебнице останутся врачъ, или фельдшеръ. На самостоятельныхъ же пунктахъ, фельдшерицы - акушерки никогда не привыкаютъ, потому что при отпускѣ больныхъ она не можетъ замѣнить двухъ лицъ — фельдшера и новивальную бабку; народъ, особенно мужики, неохотно обращаются къ фельдшерицамъ-акушеркамъ, еще не покидая уже устарѣвшій пословицѣ: у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ; если фельдшерицу-акушерку увезутъ къ роженицѣ, гдѣ ей придется побывать сутки, иногда и болѣе, то масса больныхъ будетъ терять напрасно много времени въ посѣщеніи пункта и оставаться безъ всякой помощи; да и трудъ самимъ фельдшерицамъ-акушеркамъ будетъ не по силамъ; потомъ, какъ волка не корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ, — такъ и фельдшерицы-акушерки, особенно недурненькия, — выходятъ замужъ, — и пропадаетъ расходъ, потраченный большею частью земствомъ на ихъ образованіе.

Если бы при самостоятельныхъ пунктахъ былъ фельдшеръ, а вмѣсто новивальной бабки фельдшерица-акушерка, то тогда бы лучше желать нечего: во время отлучки кото-раго-нибудь изъ нихъ, больные не оставались бы безъ помощи, да и участокъ посѣщать стали бы гораздо чаще; тогда бы была возможность еженедѣльно, въ назначенный день посѣщать каждую волость участка и осматривать больныхъ, что имѣло бы благодѣяніе для населенія.

Замѣна же фельдшеровъ врачами покамѣстъ, при настоящемъ экономическомъ положеніи народа останется иде-

аломъ и даже еще не предвидится будеть ли и достижи-
мымъ.

Для лучшей постановки медицины нужно имѣть какъ
можно больше училищъ для подготовки врачей и фельдшер-
овъ, потому что теперь, при имѣніи больше свободныхъ
вакансій, чѣмъ кандидатовъ на медицинскія должности, при-
ходится земству приглашать безъ всякаго разбора врачей
и фельдшеровъ, держать ихъ на службѣ, тогда какъ иѣко-
торые не удовлетворяютъ своему назначенію, небрежно от-
носятся къ службѣ, имѣя въ виду, что врачу да фельдшеру
всегда мѣсто найдется. Если бы хорошаго врача и фельд-
шера легко можно было бы найти, то каждый изъ нихъ сталъ бы
дорожить своимъ мѣстомъ и исправно относиться къ службѣ.

Фельдшерскія же школы необходимы не общеобразова-
тельныя, такъ какъ, такихъ училищъ у насъ и безъ того
довольно, а свѣдущихъ лицъ по извѣстной отрасли знаній
совсѣмъ мало, а специальныя, съ приемомъ кончившихъ го-
родское или двухклассное сельское училище: общихъ позна-
ній, почерпнутыхъ въ этихъ училищахъ для фельдшеровъ
достаточно, а въ три года, изучая одну медицину, они
узнаютъ ее довольно хорошо.

Затѣмъ, если при окончаніи фельдшерами школъ удо-
стовѣряются въ знаніи ими медицины, то необходимо раз-
рѣшить фельдшерамъ вполнѣ самостоятельно заниматься
леченіемъ больныхъ, такъ какъ теперь въ жизни они уже
самостоятельно лечать; да, какъ для врачей, такъ и для
фельдшеровъ, существуютъ правила, по которымъ они, если
допустятъ по незнанію свою ошибки въ леченіи боль-
ныхъ, то лишаются права лечения. Врачъ же, подъ вѣдѣ-
ніемъ котораго будетъ находиться фельдшеръ, можетъ про-
вѣрить лечение больныхъ фельдшеромъ и убѣдиться въ его
познаніяхъ.

Такъ какъ во многихъ земствахъ не установлено для
врачей и фельдшеровъ часовъ труда,—они во всякое время

дня и ночи должны принимать больныхъ, — а на самомъ дѣлѣ, нельзя требовать отъ людейъ, чтобы они, въ ожиданіи больныхъ, неотлучно находились при лечебницѣ или пункѣ, — надо же человѣку когда-нибудь отдохнуть, — врачи и фельдшера уже по своему усмотрѣнію отлучаются отъ лечебницы или отъ пункта; больные не могутъ сообразоваться съ тѣмъ, когда они застанутъ ихъ дома, — то вмѣсто пользы, такой порядокъ приносить вредъ: нерѣдко больные не застаютъ дома врача или фельдшера, напрасно теряютъ время, даже не знаютъ въ какое время отправляться въ пунктъ или лечебницу, чтобы получить тамъ помощь.

Если бы были назначены приемные часы, то больные, отправляясь къ врачу или фельдшеру, были увѣрены, что получать себѣ помощь, да тогда бы и отъ врачей и фельдшеровъ можно бы требовать, чтобы они въ извѣстные часы были исправны въ лечебницѣ или пункѣ и принимали больныхъ. За трудно-больныхъ бояться нечего: врачъ и фельдшеръ, вѣдь, человѣкъ — во всякое время окажетъ имъ помощь.

Въ послѣднее время зарекомендовываютъ себя съ хорошей стороны многіе фельдшера, кончившіе фельдшерскую школу и есть изъ нихъ, но мало свѣдущихъ въ медицинѣ, практическихъ и любящихъ свое дѣло тружениковъ; но только ужъ очень рано они начинаютъ среди населенія и въ своей газетѣ „Фельдшеръ“ о себѣ громко заявлять и выставлять свои достоинства, свое плохое положеніе; ни въ одной службѣ не приходится такъ имѣть общенія съ окружающими населеніемъ и ни въ одной службѣ не видна такъ ясно дѣятельность должностного лица, какъ врача и фельдшера, поэтому народъ прямо выскажетъ свое мнѣніе, что фельдшеръ хороши, и не постыдится назвать его худымъ, если онъ того заслуживаетъ; общество очень хорошо видѣть ихъ положеніе, улучшаетъ ихъ жизнь, такъ, напримѣръ, земство прибавляетъ имъ за выслугу лѣтъ жалованіе, на-

значасть ихъ дѣтямъ на обученіе въ училищахъ стипенди, при старости, и въ случаѣ ихъ смерти дать ихъ семействамъ пенсіоны. Грѣхъ фельдшерамъ особенно пожаловаться на земство. Чтобы заслужить хорошій отзывъ о себѣ, фельдшеръ долженъ выставлять себя больше не на словахъ а на дѣлѣ; но дѣламъ его будетъ ему и благодарность.

Большую же пользу для фельдшеровъ принесло бы, если бы земство, подъ руководствомъ опытныхъ врачей, устраивало бы имъ повторительные курсы: познакомились бы они съ новыми способами лечения болѣзней, разсмотрѣлись бы тамъ интересные случаи болѣзней, встрѣтившіеся во время ихъ лечения, разрѣшились бы ихъ недоразумѣнія и привелись бы въ порядокъ почеркнутыя на практикѣ и воспринятыя изъ книгъ свѣдѣнія.

Наша медицина еще подобна молодому садовнику, хорошо знакомому съ теоріей садоводства, который, ухаживая за своимъ садомъ, состоящимъ изъ самыхъ всевозможныхъ деревьевъ, заботится лишь о томъ, чтобы обрѣзать сухія вѣтви, замазать щели треснувшей коры, завязать расщепы, уничтожить личинки, погидающія листья деревьевъ и удобрить около худосочныхъ растеній почву, для возстановленія ихъ силъ.

Садовникъ радовался, что благодаря своему знанію и труду, онъ много деревьевъ излечилъ отъ болѣзней, а между тѣмъ не мало у него ихъ и посыпало, другіе лишились вѣтвей, которые приносили ему доходъ, а нѣкоторыя деревья послѣ перенесенныхъ болѣзней были совсѣмъ хилы— одни изъ нихъ приносили ему мало плодовъ, а другія были совсѣмъ бесплодны, даже не радовали его своимъ видомъ.

Однажды къ нему зашелъ сѣдой садовникъ, весь вѣкъ свой трудившійся надъ своимъ огромнымъ садомъ.

Молодой садовникъ выводилъ старика по всему своему саду, показалъ ему всѣ свои деревья, всѣ свои кусты, все

свое искусство по уходу за садомъ и приобрѣтенные садовые инструменты.

Осмотрѣвъ все внимательно, стариkъ ему сказалъ: „Я удивляюсь твоему умѣнію вылечивать болѣзни у деревьевъ и кустовъ, умѣнію отрѣзывать болѣзненныя вѣтви, умѣнію заживлять раны, умѣнію поддерживать жизнь растеній во время ихъ болѣзней, умѣнію уничтожать личинокъ, насѣкомыхъ и мышей, портящихъ растенія, прекраснымъ твоимъ садовымъ инструментамъ, — но во время многолѣтняго своего ухода за садомъ, который несравненно больше твоего, мнѣ приходилось совсѣмъ мало обращать на это вниманіе, и несмотря, что я имѣлъ дѣло лишь съ самыми простыми садовыми инструментами, мнѣ ихъ рѣдко приходилось пускать въ ходъ, — а мой садъ всегда былъ въ самомъ прекрасномъ цвѣтущемъ видѣ!

Весь свой трудъ, все свое умѣніе, всѣ свои силы я пускалъ больше въ другую сторону: я старался воспитывать здоровыя деревья и кусты, которые бы приносили мнѣ какъ можно больше плодовъ, видомъ своимъ радовали меня и подъ густою тѣнью деревъ я въ лѣтній зной могъ бы укрываться отъ жары, и вмѣстѣ съ тѣмъ, зорко наблюдалъ за тѣмъ, чтобы ни червь, ни мопки, ни мыши не прикасались къ нимъ, предупреждая всѣми мѣрами ихъ появленіе, подставляя къ слабымъ нѣжнымъ деревцамъ колышки; чтобы вѣтеръ не сломалъ ихъ самихъ или ихъ прутья; доставляя растеніямъ, нелюбящимъ тѣни, какъ можно больше свѣта, садилъ и воспитывалъ каждое деревцо, каждый кустикъ на той почвѣ, которую они больше любятъ; удобряя почву, чтобы они были сильны; воспитывалъ по окраинамъ сада высокія крѣпкія породы деревъ, чтобы они и сами храбро выдерживали битву съ сильными вѣтрами, бурами и ураганами и защищали бы отъ нихъ растущія въ кругу ихъ нѣжныя деревца, приносящія хозяину вкусные плоды; заслоняя густыми деревами сѣверную сторону,

чтобы холодный вѣтеръ не испортилъ чѣго-либо въ саду; укрывать зимою иѣкоторыя деревца, чтобы они не изъявили, и наблюдалъ, чтобы въ саду былъ порядокъ и опрятность. И садъ миѣ давалъ прекрасный доходъ и пріятно было взглянуть на него: вѣтви деревъ гнулись подъ тяжестью всѣхъ плодовъ, такъ что приходилось даже подставлять подъ нихъ подпорки, чтобы они не обломились: на кустахъ было не столько листьевъ, сколько красовалось ягодъ, садъ дышалъ здоровьемъ и свѣжестю; выросшій сильнымъ, онъ храбро противостоялъ всѣмъ невзгодамъ: болѣзни рѣдко прикасались къ нему, а безъ болѣзней деревья во всей своей силѣ, могуществѣ, здоровьѣ и красотѣ, обильно вознаграждая мой трудъ и давая миѣ здоровое потомство, росли до глубокой старости, и, исполнивъ уже свое отъ природы назначеніе, посыхали на старости лѣтъ".

Такъ точно и медицина. Если она будетъ заниматься преимущественно однимъ только леченіемъ болѣзней, принимая мало мѣръ къ предупрежденію ихъ, то въ борьбѣ съ болѣзнями она не такъ много принесетъ пользы, если бы больше вниманія было направлено къ предупрежденію болѣзней.

Медицина должна гордиться не тѣмъ, что съ каждымъ годомъ въ невѣроятномъ количествѣ увеличивается больныхъ, обращающихся къ ней за помощью—хотя это медициной приписывается возрастающему довѣрію населенія къ ней,—а тѣмъ, что количество больныхъ у насъ уменьшается, а здоровыхъ все прибываетъ и прибываетъ.

Громадное число больныхъ во всѣхъ врачебныхъ и фельдшерскихъ пунктахъ доказываетъ, что населеніе у насъ сильно страдаетъ отъ болѣзней, что помочь этому горю можно тогда, если будутъ приняты энергичныя мѣры къ предупрежденію болѣзней, что эти мѣры необходимы, каждый можетъ понять изъ того: гораздо полезнѣе для общества здоровые, сильные, способные къ труду люди, чѣмъ

слабые, иногда на горе другимъ и себѣ влашащіе жизнь больные, которые не только не приносятъ обществу пользу, но всю свою тяжелую жизнь существуютъ цѣлыми семьями на трудахъ другихъ. Да еще мы должны принять во внимание и то, что отъ нездороваго населенія рождается и хилое потомство.

Покамѣстъ наши крестьяне будуть дѣтей своихъ кормить ржанымъ, овсянымъ хлѣбомъ, оставлять грудныхъ дѣтей во время полевыхъ работъ на цѣлые дни съ няньками пяти, шести лѣтъ, покамѣстъ сами крестьяне не перестанутъ питаться хлѣбомъ, иногда пополамъ съ костерой и другими сѣменами сорнымъ травъ, прихлебывая обрату, покамѣстъ будутъ промѣнивать своихъ коровъ, овецъ, молоко, яйца, что составляетъ здоровую питательную пищу человѣка, на вино, на излишнюю одежду, на чай, на сахаръ, на табакъ, покамѣстъ будутъ жить въ грязныхъ съ черными печками избахъ, гдѣ подъ поломъ помѣщается скотъ, покамѣстъ не станутъ брать предосторожностей отъ холода, иногда безъ всякой нужды ходить босикомъ по снѣгу и нить, сами разгорячившись отъ жары, холодную, прямо изъ колодца воду, покамѣстъ будутъ все—и здоровые, и больные—ѣсть за столомъ изъ одной чашки и во время праздниковъ нить вино изъ одной рюмки или стакана, покамѣстъ будутъ и здоровые и больные сифилисомъ или трахомой оттиратся однимъ полотенцемъ,—то все усиленія медицины къ выздоровленію населенія будутъ ничтожны, а какъ будутъ, хотя и постепенно, принимать мѣры къ устраненію причинъ, ведущихъ къ заболѣванію, то и болѣзни въ народѣ будутъ мало-но-малу уничтожаться.

Я признаю и благодѣтельный трудъ нашихъ врачей и фельдшеровъ, много помощи оказывающихъ народу. Если бы врачъ былъ бевомезднымъ лекаремъ,—но, къ сожалѣнію, у насъ другого Агапита иѣть—то можно бы про него сказать: отъ его леченія многіе слѣпые прозрѣваютъ, хромые

ходять, прокаженные очищаются, только еще мертвые не воскресают; а такъ какъ безвомездныхъ врачей у насъ покамѣсть не видать, то это впечатлѣніе невольно стлаживается.

Врачамъ и фельдшерамъ честь и хвалу можно приписать за то, что они безстрашио вступаютъ въ борьбу съ заразными болѣзнями, никогда не отступая отъ враговъ изъ трусости ни шагу назадъ; хотя нѣкоторые изъ нихъ и падаютъ въ борьбѣ мертвыми, но хладнокровно другіе заступаютъ ихъ мѣсто.

Если всѣ усилия медицины будутъ направлены къ воспитанію сильнаго населенія и къ охраненію его здоровья до глубокой старости,—то вотъ тогда то всѣ труды медицины будутъ быстро приближаться къ своей цѣли!

Все, что я думалъ насчетъ медицины, высказалъ вамъ; повѣрить или неѣть мнѣ—это ужъ ваше дѣло, но я говорить какъ посторонній медицинѣ человѣкъ, со стороны наблюдавшій за ходомъ ея.

Понравились или неѣть врачу и фельдшеру слова Ивана Ивановича, согласились или неѣть они съ нимъ—заключить было нельзя: они ничего па это не отвѣтили, сидѣли оба молча, обдумывая каждый свою тяжелую думу, а на лицахъ ихъ нельзя было ничего прочесть: лица были спокойны, но только легкая тѣнь грустно лежала па нихъ.

Даниловичу исполнилось двадцать пять лѣтъ земской службы фельдшеромъ. Многіе врачи, фельдшера, торговцы и крестьяне, гдѣ жилъ онъ, устроили подииску; па собранныя деньги купили ему икону. Даниловичъ, принимая икону, даже прослезился и былъ такъ утѣшонъ, что этотъ день онъ считалъ самимъ радостнымъ въ своей жизни.

Земство ему дало пятинацать рублей въ мѣсяцъ пенсіона и отъ службы уволило.

Со своей семьей, состоящей изъ девяти человѣкъ, онъ переселился въ тѣсную крестьянскую избу и сталъ жить на пятнадцати рубляхъ въ мѣсяцъ.

Пенсіонъ былъ такъ скроменъ, что при всей аккуратности трудно было съ такой семьей существовать на немъ, къ тому же еще болѣзненный, уже ослабѣвшій Даниловичъ изъ такого-то пенсіона еще урывалъ себѣ на водку—и онъ и вся семья его страшно бѣдствовали, питаясь иногда однимъ хлѣбомъ съ круинкой или картошкой.

Видя его нужду, мѣстные жители посыпали ему кое-чего изъ провизіи, но помошь ихъ была очень ничтожна.

Евгений Мазепинъ.